

UNIwersytet WarMińsko-Mazurski w Olsztynie
UNIVERSITY OF WARMIA AND MAZURY IN OLSZTYN

Acta Neophilologica

XX

2

WYDAWNICTWO
UNIwersytetu WarMińsko-Mazurskiego
OLSZTYN 2018

Rada Naukowa

Franciszek Apanowicz (Gdańsk, Poland), Anna Bednarczyk (Uniwersytet Łódzki, Poland),
Józef Darski (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poland),
Aleksander Kiklewicz (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Poland),
Joanna Kokot (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Poland),
Ewa Kujawska-Lis (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Poland), Mikhail Melikhov (Syktyvkar
State University, Russia), Andrey Moroz (Russian State University for the Humanities),
Joanna Nawacka (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Poland), Grzegorz Ojcewicz
(Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Poland), Heinrich Pfandl (University of Graz, Austria),
Yuriy Kovbasenko (Borys Grinchenko Kyiv University, Ukraine),
Stanisław Puppel (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poland),
Larisa Soboleva (Ural Federal University, Russia), Klaus Steinke (Universität Erlangen, Germany),
Ewa Żebrowska (Uniwersytet Warszawski, Poland), Alexander Zholkovsky (University
of Southern California, Los Angeles, USA), Bogusław Żylko (Uniwersytet Gdański, Poland)

Recenzenci

Iryna Betko (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie), Olga Chorochordina (St. Petersburg
University), Krzysztof Fordoński (Uniwersytet Warszawski), Lada Kolomyets (Taras Shevchenko National
University of Kyiv), Ewa Kujawska-Lis (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie), Mikhail Melikhov
(Syktyvkar State University), Iwona Anna NDiaye (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie),
Tatiana Niewzorowa (Belgorod State National University), Felix Nicolau (Lund University, Sweden),
Tatjana Nowikowa (Belgorod State National University), Iryna Odrekhivska (Ivan Franko National
University of Lviv), Joanna Orzechowska (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie),
Helena Pocięcina (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie), Tomasz Szutkowski
(Uniwersytet Szczeciński), Izabela Szymańska (Uniwersytet Warszawski)

Redaktor naczelna

Joanna Orzechowska
e-mail: joanaorzech@gmail.com

Sekretarz redakcji

Joanna Nawacka
e-mail: acta.neophilologica@gmail.com

Redaktorzy językowi

Ewa Kujawska-Lis, Helena Pocięcina

Redaktorzy tematyczni

Językoznawstwo i glottodydaktyka
Alla Kamalova
Literaturoznawstwo i przekładoznawstwo
Iwona Anna NDiaye

Adres redakcji

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej
ul. Kurta Obitza 1, 10-725 Olsztyn
tel. fax 89 527 58 47, 89 524 63 69
<https://czasopisma.uwm.edu.pl/index.php/an>

Redakcja informuje, że wersją pierwotną czasopisma jest wydanie papierowe

Projekt okładki

Barbara Lis-Romańczukowa

Redaktorzy tomu

Joanna Orzechowska i Joanna Nawacka

Redakcja wydawnicza

Katarzyna Zawilska

Skład i łamanie

Marzanna Modzelewska

ISSN 1509-1619

© Copyright by Wydawnictwo UWM · Olsztyn 2018

Wydawnictwo UWM
ul. Jana Heweliusza 14, 10-718 Olsztyn
tel. 89 523 36 61, fax 89 523 34 38
www.uwm.edu.pl/wydawnictwo/
e-mail: wydawca@uwm.edu.pl

Nakład 105 egz. Ark. wyd. 10,6; ark. druk. 9,0
Druk: Zakład Poligraficzny UWM w Olsztynie, zam. nr 48

SPIS TREŚCI

Językoznawstwo i glottodydaktyka

НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА ДЕЕВА	
Расширение границ синонимического ряда в сознании носителей русского и польского языков (на примере лексем «жизнь» и «życie»).....	5
MARIA PUK	
Текстовые соответствия русского модального слова <i>конечно</i> в английском языке	13
ЮЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА РУСИНА	
Характеры советских диссидентов в эмигрантских <i>Записках адвоката</i> Дины Каминской	29

Literaturoznawstwo i przekładoznawstwo

MAGDALENA DĄBROWSKA	
Iwan Łobojko w polskim środowisku naukowym (dwa podejścia do tematu na podstawie wspomnień)	41
DARIA SŁUPIANEK-TAJNERT	
Образ «чернобыльского человека» в <i>Чернобыльской молитве</i> Светланы Алексиевич	53
ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ШАРЫПИНА	
Интертекстуальный и социокультурный контекст диалогии Юрия Брезана о Крабате	61
ALEKSANDRA ZYWERT	
Polska, której nie ma (Boris Akunin, <i>Dokąd płyniemy?, Latający słoń</i>)	73
WOJCIECH KLEPUSZEWSKI	
“They all know what I am”: Literary representations of women and alcohol	85
BARTOSZ POLUSZYŃSKI	
Between wor(l)ds... or completely lost in translation? O współczesnych „tłumaczeniach” tytułów megaprodukcji filmowych. Od <i>Wirującego seksu</i> (1987) przez <i>Minionki</i> (2010-2017) do <i>Przełęcz ocalonych</i> (2016)	99
NADIYA HOLUBINKA	
Lexical and grammatical features of the scientific and technical text translation into Ukrainian (on the material of geodesic terminology)	113
LILIIA VALERIIVNA KHARCHUK	
Translation errors as a consequence of interfering influences on ukrainian electric power engineering terminology	121
ZORIANA KUNCH	
Features of Ukrainian translation of passive verbal constructions from Russian language in scientific and socio-political texts	131

TABLE OF CONTENTS

Linguistics and Glottodidactics

NATALJA VALIERJEVNA DIEJEVA	
Extension of the synonymic group's borders in the consciousness of Russian and Polish native speakers (based on the example of the lexeme "life")	5
MARIA PUK	
Textual equivalents of the Russian modal word <i>конечно</i> in English	13
JULIJA ANATOLJEVNA RUSINA	
Characteristics of Soviet dissidents in the emigrant's <i>Attorney's notes</i> by Dyna Kaminskija	29

Literary Studies and Translation Studies

MAGDALENA DĄBROWSKA	
Ivan Łobojko in the Polish scientific community (two approaches to the subject on the basis of memoirs)	41
DARIA ŚLUPIANEK-TAJNERT	
An image of a "Chernobyl Man" in <i>Chernobyl Prayer</i> by Svetlana Alexievich	53
TATIANA ALEKSANDROWNA SHARYPINA	
Intertextual and socio-cultural contexts of Jurij Brėzan's dilogy about Krabat.....	61
ALEKSANDRA ZYWERT	
Poland which is not there (<i>Where shall we go?</i> and <i>The flying elephant</i> by Boris Akunin)	73
WOJCIECH KLEPUSZEWSKI	
"They all know what I am": Literary representations of women and alcohol	85
BARTOSZ POLUSZYŃSKI	
Between wor(l)ds... or completely lost in translation? O współczesnych „tłumaczeniach” tytułów megaprodukcji filmowych. Od <i>Wirującego seksu</i> (1987) przez <i>Minionki</i> (2010-2017) do <i>Przełęcz ocalonych</i> (2016)	99
NADIYA HOLUBINKA	
Lexical and grammatical features of the scientific and technical text translation into Ukrainian (on the material of geodesic terminology).....	113
LILIJA VALERIIVNA KHARCHUK	
Translation errors as a consequence of interfering influences on Ukrainian electric power engineering terminology	121
ZORIANA KUNCH	
Features of Ukrainian translation of passive verbal constructions from the Russian language in scientific and socio-political texts	131

JĘZYKOZNAWSTWO I GLOTTODYDAKTYKA

Наталья Валерьевна Деева

DOI: <https://doi.org/10.31648/an.3628>

Кемеровский государственный институт культуры

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМ «ЖИЗНЬ» И «ŻYCIE»)

Key words: lexical synonyms, synonymic group, ordinary consciousness

Проблема лексической синонимии достаточно широко изучена и описана в трудах отечественных и зарубежных лингвистов [Палевская 1964; Брагина 1986; Carnap 1955], однако вопрос определения синонимии как языкового явления, слов-синонимов, границ синонимического ряда до сих пор остается дискуссионным. Данные современной когнитивной лингвистики и психолингвистики позволяют под новым углом взглянуть на отношения синонимии, выявить актуальные с позиции носителя языка критерии, необходимые для установления синонимичных единиц.

В рамках системно-семантического подхода к изучению языковых явлений под синонимией понимается «процесс установления говорящими смыслового подобия слов в тексте» [Кодухов 1987, 181]. Ю.Д. Апресян отмечает, что «для признания двух слов (...) лексическими синонимами необходимо и достаточно, (1) чтобы они имели полностью совпадающее толкование, т.е. переводились в одно и то же выражение семантического языка, (2) чтобы они имели одинаковое число активных семантических валентностей, (...) (3) чтобы они принадлежали к одной и той же (глубинной) части речи» [Апресян 1995, I, 223]. В польской энциклопедии по общему языкознанию дано следующее определение синонимии: «Wyrażanie tej samej treści za pomocą dwu lub więcej różnych form językowych» [*Encyklopedia językoznawstwa ogólnego* 1999, 580], а синонимами называются слова или обороты, имеющие «identyczne lub zbliżone znaczenie» [там же]. Таким образом, доминирующим принципом, положенным в основу определения синонимии, традиционно является 'близость значений слов'.

Современная психолингвистика предлагает рассматривать слово как «инструмент, посредством которого реализуется «выход» индивида на образ мира во всем богатстве его объектов, связей и отношений и на эмоционально-оценочное отношение к этому миру» [Залевская 2014, 105]. Значение слова при таком подходе может трактоваться как субъективное содержание знакового образа [Леонтьев 2001], безусловно, имеющее опору в свойствах именуемого объекта, на что указывал в своих трудах Л.С. Выготский [*Психология грамматики* 1968]. Следовательно, слово, с одной стороны, объективно существует в системе языка (отражает коллективный опыт познания), с другой, – в сознании индивида, и здесь оно выступает в качестве единицы, наполненной личностно пережитым опытом.

Опираясь на метод внутриязыкового сравнения, результаты опроса, с привлечением основных положений концепции слова в психолингвистике и когнитивной лингвистике [Залевская 2014; Тимченко 2004], попытаемся установить, что современные носители русского и польского языков понимают под синонимией, и каковы границы определяемых ими синонимических рядов лексем «жизнь» и «życie», соответственно.

Начнем с того, что и в русском, и польском языке лексема «жизнь» («życie») является полисемантической. В электронном *Словаре польского языка* (PWN) зафиксировано шесть значений указанной лексемы [*Słownik języka polskiego*, эл. ресурс], такое же количество значений отмечено и у русской номинации [Ожегов, Шведова 1995, 190]. Не излагая подробно процедуру анализа значений изучаемых слов, укажем выделенные в результате проведённого исследования основные семы, входящие в их структуру: *жизнь* – ‘форма существования’, ‘физиологическое существование человека’, ‘время существования’, ‘деятельность’, ‘реальная действительность’, ‘оживление’; *życie* – ‘stan organizmu’, ‘egzystencja’, ‘energia’, ‘ożywienie’, ‘wyżywienie’, ‘funkcjonowanie’. Общность сем русского и польского имени объясняется общностью происхождения данных лексем: они восходят к общеславянскому глаголу **žiti* и образованы по одной и той же модели, путем прибавления к глагольной основе суффикса с абстрактным значением.

Теперь обратимся к данным словарей синонимов. В *Словаре синонимов русского языка* представлены следующие синонимы существительного *жизнь*: *существование, бытие, живот (устар.), житие, бытие, житье-бытие* [*Словарь синонимов русского языка* 1970, I, 340]. *Словарь синонимов* под редакцией А.П. Евгеньевой помимо уже указанных единиц включает в данный ряд и лексему *век* [*Словарь синонимов: справочное пособие*, эл. ресурс], а *Словарь синонимов* З.Е. Александровой – лексемы *дни, юдоль* (перен.), а также просторечные единицы *житуха, жистянка* [Александрова 2001, 122]. Польский словарь фиксирует следующие синонимы лексемы *życie*: *byt, bytowanie, egzystencja, istnienie, vegetacja, żywot, trwanie, siły*

żywotne, żywność, energia, temperament, werwa, wigor, animusz, pot. ikra, pot. wyżywienie, utrzymanie [Słownik wyrazów bliskoznacznych 2017, 309].

Однако носители языков включают гораздо большее количество единиц в синонимические ряды с доминантами «жизнь» и «życie». Так, носителям русского языка на портале «Большой вопрос» было предложено написать синонимы к слову «жизнь», среди полученных ответов отмечены как единицы, фиксируемые словарями синонимов русского языка, так и отсутствующие в них. Носители языка, исходя из собственного познавательного опыта и личного представления о том, что такое «жизнь», расширяют границы синонимического ряда с доминантой «жизнь», во-первых, за счет свободных сочетаний (*жизненный путь, жизненный процесс, житейское море, жизненные функции, мирской путь*). В основу трех из них положены достаточно древние метафорические модели, зафиксированные еще в древнерусских текстах: «жизнь – путь / дорога» и «жизнь – море» (ср.: На пути животыньны не находить блудная же теченья ее неблагоразумна. *Повесть временных лет*; И легыцѣ преплывъ многомутное житейское море, и без вреда препроводи душевный корабль въ тихое пристанище. *Житие Сергия Радонежского*).

Во-вторых, за счет единиц, представляющих собой вербальные ассоциации к понятию «жизнь»: *биография, жизнедеятельность, процесс, практика, опыт, песнь, утро, просветление, святость, солнце, материнство* и др. Поскольку жизнь осмысливается носителями русского языка как некий процесс, сопряженный с понятием времени, в синонимический ряд лексемы «жизнь» включаются единицы *время, день, года, долголетие, многолетие*, а также слова, указывающие на так называемые фазы (периоды) жизни – *рождение, детство*. Представление о жизни как неком биологическом / физиологическом феномене позволяет носителям языка включать в синонимический ряд анализируемой лексемы слова *природа, натура, роды, здоровье*. Поскольку существование живого (в том числе в его физиологическом аспекте) требует какой-либо поддержки извне, каких-либо средств, в синонимический ряд включаются и лексемы *питание, прожитие, проживание, содержание*. Так называемая социальная сторона жизни отмечена словами *общество, родитель, мама, папа*, включенными носителями русского языка в синонимический ряд с доминантой «жизнь». Среди лексем данной группы следует также отметить метафорические ассоциации (*пробуждение, свежесть*) и единицы, выражающие оценочное отношение к феномену «жизнь» (*счастье, гордость, отрада*).

В-третьих, расширение границ синонимического ряда идет и за счет лексем ограниченной сферы употребления, стилистически маркированных слов: *жисть* (диал., разг.), *жистьшико* (прост.).

При этом следует отметить, что носители русского языка имеют достаточно точное представление о синонимии и синонимах. Об этом свидетельствуют предпосланные синонимическим рядам комментарии

некоторых отвечающих: 1) *Насколько я помню из школьной программы, синонимы – это слова, сходные по значению, но различные по звучанию. Синонимами могут быть слова, относящиеся к одной части речи;* 2) *Синонимы – это слова близкие по смыслу, которые отражают одно и то же действие или понятие, но различаются по оттенкам значения.* Тем не менее, представленные ими синонимические ряды значительно шире фиксируемых словарями.

На странице электронного словаря *Synonim.net*, который может пополняться самими пользователями, к польской лексеме «*życie*» представлен 71 синоним, в разряд которых включены, помимо фиксируемых традиционными словарями единиц:

- свободные словосочетания (*życie codzienne, ocalenie od śmierci, dobra forma*);
- фразеологизмы (*ścieżki życia, doczesna wędrówka, życie wieczne, środki do życia, pędzić życie, warunki życia, ziemską wędrówką*);
- слова, понятийно соотносящиеся с лексемой «*życie*» (*potęga, bieg, forma, zdrowie, uratowanie* itd.).

На странице портала «*Zapytaj.pl*» пользователи к разряду синонимов анализируемой лексемы отнесли и глаголы *vegetować, istnieć, być, bytować, egzystować, ocaleć, przeżyć, uratować się, wyżyć*, а также прилагательное *żywy*.

Подобного рода синонимические ряды иллюстрируют различные основания, по которым носители языка устанавливают связи близости значения слов. Слова, входящие в такие ряды, С.В. Лебедева предлагает трактовать как проксимы (от английского *approximate* – «приблизительный, примерный»), «в качестве которых могут выступать любые языковые единицы, сигнализирующие о близости значения слов для человека, принимающего решения по принципу “для меня, здесь и сейчас”» [Лебедева 2002, 134]. Как показал анализ, для установления близости значения слов носителю языка важна не их принадлежность к одному лексико-грамматическому классу (одной части речи), а возможность соотнести на основе тождества (*жизнь – жизненный путь, векование; życie – bieg życia, obecność*), сходства (*жизнь – бытование, życie – los, ożwienie*) или включения (*жизнь – жизнедеятельность, рождение, życie – siła, rozwój*) некие фрагменты действительности, стоящие за этими единицами. Здесь мы имеем дело с тем, что можно определить как синонимию смыслов, подчеркнув, что с позиций психолингвистики, смысл представляет собой социально-коммуникативное, а не референтное значение [Halliday 1970]. Так, например, поскольку жизнь как форма существования человека определяется, в том числе, и деятельностью последнего, носители польского языка в синонимический ряд с доминантой «*życie*» включают лексемы *praca, praktyka, działalność, działanie, czyn*. А осмысление жизни в социальном аспекте позволяет им включать в синонимический ряд слова *współbywanie, współistnienie, współżycie*. Кроме того, в сознании носителя языка слово «жизнь» / «*życie*»

существует не только как изолированная лексическая единица, но и единица, функционирующая в определенных контекстах, свободных или устойчивых сочетаниях, следовательно, все это может определяться как близкое по значению.

Обращает на себя внимание и тот факт, что расширение границ синонимического ряда с доминантой «жизнь» носителями русского языка идет преимущественно по линии значений «существование человека, всего живого» и «время такого существования», носители польского языка предлагают более обширный список синонимов к лексеме «*życie*», репрезентирующий следующие актуальные в их сознании компоненты значения указанной единицы:

- «оживление, активная деятельность» / «*ożywienie, czynny udział*» (*aktywność, dynamika, ruch, operatywność, chęć działania* itd.);
- «средства существования» / «*środki do życia*» (*chleb, posiłki*);
- «образ жизни» / «*tryb życia*» (*współbytovanie, współlistnienie, współżycie*);
- «спасение, выживание» / «*ocalenie, pozostowanie przy życiu*» (*dożycie, ocalenie, ocalenie od śmierci* itd.);
- «бесконечное состояние» / «*niekończący się stan*» (*życie wieczne*);
- «физиологическое проявление жизни» / «*fizjologiczne przejawianie życia*» (*zdrowie, samopoczucie, siła, siła fizyczna* itd.);
- «осуществление деятельности» / «*wykonywanie czynności*» (*praca, działalność, działanie, praktyka*);
- «временность» / «*przejściowość*» (*doczesna wędrówka, doczesność, nietrwałość, przemijanie, ziemską wędrówka*).

Кроме того, сходными в сознании русских и поляков оказываются понятия «жизнь» и «судьба», что приводит к включению в границы синонимического ряда лексемы «жизнь» слов *судьба* в русском и *los, przeznaczenie, dola, fatum* в польском языке.

Таким образом, установление близости значения слов и формирование синонимических рядов в сознании носителя языка происходит с опорой не только на языковой опыт (близкие по значению слова способны замещать друг друга в определенных контекстах), но и на энциклопедические знания в целом. Слово в индивидуальной языковой картине мира человека наполнено лично пережитым смыслом, поэтому, например, для ряда носителей русского языка синонимами выступают слова *жизнь* и *действительность, жизнедеятельность* (хотя последние не фиксируются современными словарями синонимов), а для кого-то синонимичными являются *жизнь* и *песнь* или *жизнь* и *солнце*. Можно предположить, что вся увязываемая с конкретным словом информация служит индивиду отправной точкой для построения синонимического ряда, границы которого всегда оказываются шире тех рядов, что зафиксированы в традиционных словарях.

Библиография

- Aleksandrova Zinaida Evgen'evna. 2001. *Slovar' sinonimov russkogo âzyka*. Moskva: Izdatel'stvo Russkij âzyk [Александрова Зинаида Евгеньевна. 2001. *Словарь синонимов русского языка*. Москва: Издательство Русский язык].
- Aprésân Ūrij Derenikovič. 1995. *Izbrannye trudy. Leksičeskaâ semantika (sinonimičeskie sredstva âzyka)*. Т. 1. Moskva: Âzyki russkoj kul'tury [Апресян Юрий Дереникович. 1995. *Избранные труды. Лексическая семантика (синонимические средства языка)*. Т. 1. Москва: Языки русской культуры].
- Bragina Alla Alekseevna. 1986. *Sinonimy v literaturnom âzyke*. Moskva: Prosvešenie [Брагина Алла Алексеевна. 1986. *Синонимы в литературном языке*. Москва: Просвещение].
- Carnap Rudolf. 1955. *Meaning and synonymy in natural language*. «Philosophical Studies» No 6: 33-47.
- Encyklopedia jezykoznawstwa ogólnego*. 1999. Red. Polański K. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Halliday Michael Alexander Kirkwood. 1970. *Language structure and language function*. В: *New horizons in linguistics*. Ed. Lyons J. Harmondsworth: Penguin: 140-165.
- Iz neizdannyh materialov L.S. Vygotskogo*. 1968. V: *Psichologiâ grammatiki*. Red. Leont'ev A.A., Râbova T.V. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta: 178-196 [Из неизданных материалов Л.С. Выготского. 1968. В: *Психология грамматики*. Ред. Леонтьев А.А., Рябова Т.В. Москва: Издательство Московского государственного университета: 178-196].
- Koduhov Vitalij Ivanovič. 1987. *Vvedenie v âzykoznanie: učebnik*. Izd. 2-e. Moskva: Prosvešenie [Кодухов Виталий Иванович. 1987. *Введение в языкознание: учебник*. Изд. 2-е. Москва: Просвещение].
- Lebedeva Svetlana Veniaminovna. 2002. *Blizost' značeniâ slov v individual'nom soznanii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet [Лебедева Светлана Вениаминовна. 2002. *Близость значения слов в индивидуальном сознании: автореф. дис. ... д-ра филол. наук*. Тверь: Тверской государственный университет].
- Leont'ev Aleksej Alekseevič. 2001. *Deâtel'nyj um (Deâtel'nost'. Znak. Ličnost')*. Moskva: Smysl [Леонтьев Алексей Алексеевич. 2001. *Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность)*. Москва: Смысл].
- Ožegov Sergej Ivanovič, Švedova Nataġa Ūr'evna. 1995. *Tolkovij slovar' sovremennogo russkogo âzyka*. Moskva: Az' [Ожегов Сергей Иванович, Шведова Наталья Юрьевна. 1995. *Толковый словарь современного русского языка*. Москва: Азъ].
- Palevskaâ Mariâ Fedorovna. 1964. *Sinonimy v russkom âzyke*. Moskva: Prosvešenie [Палевская Мария Федоровна. 1964. *Синонимы в русском языке*. Москва: Просвещение].
- Slovar' sinonimov russkogo âzyka*. 1970. Т. 1. Leningrad: Nauka [Словарь синонимов русского языка. 1970. Т. 1. Ленинград: Наука].
- Slovar' sinonimov: spravocnoe posobie*. 1975. Red. Evgen'eva A.P. Leningrad: Nauka. V: <http://cfrl.ruslang.ru/synonyms/00-c.htm> [Dostup 1 IV 2018] [Словарь синонимов: справочное пособие. 1975. Ред. Евгеньева А.П. Ленинград: Наука. В: <http://cfrl.ruslang.ru/synonyms/00-c.htm> [Доступ 1 IV 2018].
- Słownik elektroniczny «Synonim.net»*. В: <http://synonim.net/> [Dostęp 12 VIII 2016].
- Słownik języka polskiego*. В: <http://sjp.pwn.pl/słownik> [Dostęp 20 VI 2016].
- Słownik wyrazów bliskoznacznych*. 2017. Kraków: Wydawnictwo GREG.

- Timčenko Viktoriâ Olegovna. 2004. *Anglijskaâ sinonimika v rusle kognitivnoj lingvistiki: opyt geštal'tnogo analiza (na materiale prilagatel'nyh, verbalizujuših koncept MORAL'NYE KAČESTVA)*: dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok: Dal'nevostočnyj gosudarstvennyj universitet [Тимченко Виктория Олеговна. 2004. *Английская синонимика в русле когнитивной лингвистики: опыт гештальтного анализа (на материале прилагательных, вербализующих концент МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА)*: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: Дальневосточный государственный университет].
- Zalevskaâ Aleksandra Aleksandrovna. 2014. *Čto tam – za slovom?: voprosy interfejsnoj teorii značeniâ slova*. Moskva-Berlin: Direkt-Media [Залевская Александра Александровна. 2014. *Что там – за словом?: вопросы интерфейсной теории значения слова*. Москва-Берлин: Директ-Медиа].

Summary

EXTENSION OF THE SYNONYMIC GROUP'S BORDERS IN THE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN AND POLISH NATIVE SPEAKERS (BASED ON THE EXAMPLE OF THE LEXEME "LIFE")

This article analyzes the borders of synonyms of the Russian and Polish lexeme "life" in the ordinary consciousness of native speakers. The analysis of the results of interviews, as well as the electronic dictionary of synonyms, which is formed by the users themselves, demonstrate that in the consciousness of native speakers there are broader synonymic groups compared with those that are fixed in traditional dictionaries. Synonymic groups which are proposed by native speakers show that the main criterion for establishing the proximity of the meaning of words for a person is the ability to correlate on the basis of identity, similarity or inclusion certain fragments of reality denoted by these lexemes. The synonymy of sense, rather than of meanings, is the determining factor for the native speaker in the formation of a synonymic group.

Kontakt z Autorką:
deeva24@list.ru

Maria Puk
Instytut Filologii Rosyjskiej
Uniwersytet Rzeszowski

DOI: <https://doi.org/10.31648/an.3630>

ТЕКСТОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ РУССКОГО МОДАЛЬНОГО СЛОВА *КОНЕЧНО* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Key words: epistemic modality, modal words, equivalents

Под термином модальность в языкознании подразумевается, во-первых, отношение говорящего к содержанию его высказывания и, во-вторых, отношение самого содержания высказывания к действительности. Как толкует Е.И. Беляева [1985, 126]: «Эпистемическая модальность выражает степень познания говорящим связей и отношений действительности: она всегда субъективна в том смысле, что всегда связана с умозаключением говорящего. Эпистемическая модальность – внешнесинтаксическая категория, ибо, как правило, выражается элементами, находящимися в синтагматической изоляции». Этими показателями эпистемической модальности могут быть: модальные слова, модальные частицы, модальные фразы, модальные глаголы, предикативы и синтаксические конструкции с модальным значением.

Модальные слова – это отдельный класс лексем, специализированных на выражении категории субъективной модальности. Они „корректируют” объективную модальность, внося значение гипотетичности [Горбунова 1991, 88]. Среди вышеотмеченных модальных маркеров модальные слова очень частотные для выражения категории модальности в русском языке. Они составляют трехкомпонентную классификацию, т.е.: достоверность, предположительность, возможность [Грамматика русского языка 1954, 153], выражая градуальный спектр значений на шкале эпистемической достоверности.

Согласно *Словарю русского языка* [Г, 201], *достоверность* – это ‘свойство по значению прилагательного *достоверный*’, которое толкуется следующим образом: *достоверный* – это ‘не вызывающий сомнений; подлинный,

реальный'. В словаре английского языка слово *certainty* объясняется как 'Firm conviction that something is the case' [*Oxford Dictionary*: онлайн]. В группе показателей достоверности находятся лексемы, указывающие на сильное убеждение говорящего в вероятности излагаемого в dictum положения дел. Такую модальную позицию можно передать в виде модальной рамки 'I'm sure that p^1 ' [Wierzbicka 1969, 31]. Модализирующий субъект, не выраженный в структуре предложения, убежденный в достоверности передаваемой информации, отрицает возможность ошибки, возможность изменить свое мнение.

Предметом нашего описания является модальное слово *конечно* и уровень сохранения эпистемической модальности в его переводных соответствиях. Фактический материал отобран из корпуса 16 литературных произведений на русском языке и их переводов на английский язык². В польской лингвистической литературе сравнительным анализом модальных единиц занимались, между прочим, Д. Рытэль [1982] и Б. Лигара [1987].

Модальное слово *конечно* – 'само собой разумеется, без сомнения' [*Словарь русского языка II* 1981-1984, 89], как показатель уверенности говорящего в сообщаемом, выступает довольно часто. В фактографическом материале мы обнаружили вместе 487 предложений с этой лексемой. Количество примеров содержит нижеприведенная таблица 1.

¹ p обозначает излагаемое состояние дел, dictum.

² А. Грин. В: *Алые паруса*, <https://bit.ly/2ohebzv>; А. Grin. *Crimson sails*. В: <https://bit.ly/2wC6Mm1> (сокращение: АП); М. Булгаков. *Дьяволиада*. В: <https://bit.ly/2NAbTdE>; М. Bulgakov. *Diaboliad*. В: <https://bit.ly/2MH1G2K> (Д); Б. Пастернак. *Доктор Живаго*. В: <https://bit.ly/2P12k2L>; В. Pasternak. *Doctor Zhivago*. В: <https://bit.ly/2N2tv1q> (ДЖ); И. Ильф и Е. Петров. *Двенадцать стульев*. В: <https://bit.ly/2Pr0RYP>; I. Ilf and E. Petrov. *The Twelve Chairs*. В: <https://bit.ly/2MHgNsl> (ДС); В. Набоков. *Защита Лужина*. В: <https://bit.ly/2NA3Z2j>; V. Nabokov. *The Defence*. В: <https://bit.ly/2wAAasQ> (ЗЛ); А.С. Грин. *Искатель приключений*. В: <https://bit.ly/2MDPwHM>; А. Grin. *The Seaker of Adventure*. В: <https://bit.ly/2wEsxSi> (ИП); А. Рыбаков. *Коптук*. В: <https://bit.ly/2C6kX8U>; А. Rybakov. *The dirk*. В: <https://bit.ly/2MH1G2K> (К); Н. Островский. *Как закалялась сталь*. В: <https://bit.ly/2LlOepu>; N. Ostrovsky. *How the steel was tempered*. В: <https://bit.ly/2MH1G2K> (КЗС); М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*. В: <https://bit.ly/2wBK8tR>; М. Bulgakov. *The Master and Margarita*. В: <http://www.truly-free.org/> (ММ); А. Солженицын. *Один день Ивана Денисовича*. В: <https://bit.ly/2N1k85z>; A. Solzhenitsyn. *One day in the life of Ivan Denisovich*. В: <https://bit.ly/2MHhO4k> (ОДИД); А. и Б. Стругацкие. *Пикник на обочине*. В: <https://bit.ly/2MCAB0x>; A. and B. Strugatsky. *Roadside Picnic*. В: <https://bit.ly/2LKyeJZ> (ПНО); Б. Полевой. *Повесть о настоящем человеке*. В: <https://bit.ly/2NAma9P>; B. Polevoi. *A Story About a Real Man*. В: <https://bit.ly/2MH1G2K> (ПОНЧ); А. Солженицын. *Раковый корпус*. В: <https://bit.ly/2MYISvh>; A. Solzhenitsyn. *Cancer Ward*. В: <https://bit.ly/2N2tv1q> (РК); М. Булгаков. *Роковые яйца*. В: <https://bit.ly/2oq4kvd>; М. Bulgakov. *The Fateful Eggs*. В: <https://bit.ly/2C4w5mr> (РЯ); М. Булгаков. *Собачье сердце*. В: <https://bit.ly/2Pogu2T>; M. Bulgakov. *The heart of a dog*. В: <https://bit.ly/2MH1G2K> (СС); А. и Б. Стругацкие. *Хищные вещи века*. В: <https://bit.ly/2PSWyGz>; A. and B. Strugatsky. *The Final Circle of Paradise*. В: <https://bit.ly/2LKyeJZ> (ХВВ).

Таблица 1

Частотность русского модального слова *конечно* в фактическом материале

Источник	АП	Д	ДЖ	ДС	ЗЛ	ИП	К	КЭС	МьМ	ОДИД	ПнО	ПоНЧ	РК	РЯ	СС	ХВВ
Количество	6	4	31	34	21	2	37	32	95	12	40	31	79	10	9	44

Русско-английский словарь приводит следующие соответствия русского модального слова: *certainly, to be sure, surely* и *of course* [1965, 247]. В отобранном материале *of course* появилось 283 раза, *certainly* и *to be sure* отличаются очень низкой частотностью – соответственно два раза и один раз, а *surely* вообще не появилось. Ср.:

- (1) – Я, **конечно**, молчу. Вы сами понимаете – я смотрю на эти вещи совершенно иначе. “I say nothing, **of course**. As you know, I look at these things rather differently. (ДЖ)
- (2) Как ни в обнимку они уже толковали, а тут Павел Николаевич невольно присанился: – Вообще – по кадрам. Соскромничал он. Повыше был, **конечно**. They were almost embracing each other by now, but at this point Pavel Nikolayevich unwittingly became rather dignified. His position imposed certain obligations. “Well, I’m in personnel.” He was being modest. **Of course** he was higher up than that really. (РК)
- (3) – Побьют! – горько сказал Воробьянинов. – **Конечно**, риск есть. Могут баки набить. “They’ll slaughter us!” said Vorobyaniinov. “It’s a risk, **certainly**. We may be manhandled a bit. (ДС)
- (4) Я не говорю сейчас о вашем стремлении вернуться в боевую авиацию. Это, **конечно**, подвиг, но в нем самом нет ничего особенного. I am not talking about you wishing to go back to the combat unit. It is **certainly** praiseworthy, but there is nothing particular in it. (ПоНЧ)
- (5) Да, холодновата еще водичка... **Конечно**, он твердо решил с первого дня каникул начать холодные обтирания, но... ведь их распустили на две недели раньше, не первого июня, а пятнадцатого мая. A bit too cold, that. **To be sure**, he had resolved to start this business the first day of the holidays, but... the term had ended two weeks earlier. The holidays should have started on June 1, and now it was only May 15. (К)

Как пишет А.В. Трошина [2010, 294], с помощью *of course* говорящий стремится убедить своего собеседника в каких-либо умозаключениях и приглашает разделить его точку зрения. Модальное слово *of course* указывает на то, что основой излагаемого положения дел являются общие знания говорящего, доступные тоже собеседнику говорящего, и следовательно представляемый суд достоверный и совпадает с общественными ожиданиями.

В вышеупомянутых примерах *certainly* употребляется как реакция на предыдущую информацию, т.е. о побоях (3) и стремлении вернуться в боевую авиацию (4). Английское соответствие передает убеждение, основывающееся на субъективных ощущениях и предположениях говорящего,

принимающего во внимание объективные обстоятельства. В первом вышеприведенном предложении с лексемой *certainly* это убеждение поддерживается допущением о полном поражении, во втором оно оценивается отрицательно с рациональной точки зрения.

The Collins Cobuild English Language Dictionary отмечает формальный оттенок выражения *to be sure* и указывает на то, что оно употребляется, когда соглашаемся, что что-то является правдой несмотря на то, что кажется противоречить более широкому выводу, который произносим [1993, 1472].

В примерах (6), (7) и (8) в английском переводе *to be sure* появилось в сочетании с модальными глаголами два раза и в личной форме один раз:

- (6) „Если зацепится, тогда не оторвешь. А эта, **конечно**, смеяться будет. Хоть бы ушла”, – рассуждал он. If it caught he would not be able to get it loose. And the girl **would be sure** to laugh. He wished she would go away. (КЗС)
- (7) Во всех пограничных селах открыли универсальные магазины: что хочешь, то и купишь. **Конечно**, это сделано не для своих нищих крестьян. Have you heard that the Poles have opened shops in all the border villages where you can get practically everything you want? Those shops aren't intended for their own pauperised peasants, you **may be sure**. (КЗС)
- (8) Алексей Иваныч, **конечно**, спросит о книге... Зачем да почему... Aleksei Ivanovich, the headmaster, **was sure** to ask about the book when he went to see him... He'd want to know the whys and wherefores... (К)

Основой представляемой говорящим пропозиции является оценка ситуации по аналогии. По своему личному опыту, он знает, что девушка будет смеяться, универсальные магазины не для бедных крестьян, а директор спросит о книге. Примеры (6) и (7) иллюстрируют явление *бинарной эпистемической модальности*, т.е. совмещение в рамках одного предложения двух маркеров эпистемической модальности, относящихся к одной пропозиции и взаимодействующих друг с другом [Кушниренко 1997, 107; Ligara 1997, 100]. Английские модальные глаголы *would* и *may* очень сильно понижают уровень убеждения говорящего в произносимом. Однако, употребление этих модальных глаголов в пределах конструкции *be sure* менее искажает модальный план исходного предложения. Можно предполагать, что в результате в переводе устанавливается средний уровень эпистемической модальности – предположительный.

Семантических различий между текстом оригинала и перевода не замечаем в примере (8). Применение в структуре предложения личной формы выражения *to be sure* указывает на то, что модализирующий субъект убежден, что Алексей Иваныч заинтересуется книгой.

В единичном примере *sure* употребляется в значении ‘да’:

- (9) – А ты меня не в-веди!.. Я их ненавижу!.. Дрожки... Водки... Бабы... Студень безмозглый... – Да, **конечно**, успокойся... Только не падай. “So don't walk me!... I loathe them.... Shivers, wenches, whiskey... brainless jelly...” “Sure, **sure**, take it easy, just don't fall.” (ХВВ)

Как отмечается в пособии *The Collins Cobuild English Language Dictionary*, *sure* употребляется для выражения согласия, утверждения только в неформальном стиле [1993, 1471], так же, как и в вышеупомянутом примере, в котором собеседники ведут повседневный разговор.

Кроме словарных эквивалентов, русскому *конечно* в английских художественных произведениях соответствуют и другие лексемы, создающие очень богатый набор. Ср.:

– *naturally*:

- (10) Тридцать восьмая, **конечно**, чужих никого к печи не допускает, сама обсела, портянки сушит. The 38th, **naturally**, wouldn't let any stranger near their stove. Their own men sat around it, drying their footrags. (ОДИД)
- (11) Я не смею вам, **конечно**, давать советы, [...] "**Naturally** I wouldn't dare to offer you advice, [...]" (СС)

Наречие *naturally* 'употребляется, чтобы указать, что что-то очевидное и вообще не удивляет' [*The Collins Cobuild English Language Dictionary* 1993, 958]. Эта лексема предполагает, что слушающий разделяет точку зрения говорящего.

– *obviously*:

- (12) – **Конечно**, на толкучке, – подтвердил Остап [...] – "You **obviously** did get it at the market," said Ostap [...] (ДС)
- (13) Иван Николаевич ничуть не растерялся в незнакомой обстановке и прямо устремился в коридор, рассуждая так: "Он, **конечно**, спрятался в ванной". Not at all put out by these unfamiliar surroundings, Ivan Nikolayich made straight for the corridor, thinking to himself: "He's **obviously** hiding in the bathroom." (МиМ)

– *evidently*:

- (14) Она ему, видно, рассказала обо мне, **конечно**, перехвалила, и большой встречает мой приход чуть заметной улыбкой. She must have been talking to him about me, and **evidently** singing my praises, for now the patient greets me with a faint smile. (КЗС)

Модальные наречия *obviously* и *evidently* указывают на умозаключение [Ахунзянова 2010, 9-10]. Наблюдение и дедукция предоставляют говорящему возможность заключить, что инструмент был куплен на толкучке, профессор спрятался в ванной, а Фрося перехвалила врача. Предложения с лексемой *obviously* являются попыткой сделать вывод на основании доступных данных. Обоснование вероятности представляемого положения дел не всегда выражается эксплицитно, оно может быть логически выведено из более широкого контекста речи или вытекать из знаний хода действий. Целью высказывания с лексемой *evidently* является объяснение наблюдаемых фактов, выражение самой вероятной причины создавшегося результата. Логические предпосылки для выведения данного вывода

представлены в контексте в форме подчинительного предложения причины, введенного с помощью союза *for*.

– *admittedly*:

- (15) Для своих лет он был еще очень молоджав и смотрел красавцем. **Конечно**, он сильно терял в соседстве с громадностью совершавшегося. He was very young and handsome for his years. **Admittedly**, he was overshadowed by the grandeur of the events; seen beside them [...] (ДЖ)

Используя слово *admittedly*, переводчик доставляет ожидаемую информацию, одновременно ослабляя силу эпистемической модальности в целевом предложении.

– *perhaps*:

- (16) В зеркале, озаренная прожекторами, необычайно привлекательная и радующая глаз, отражалась ложь. Умная, красивая, значительная пустота. Нет, не пустота, **конечно**, я не был о себе такого уж низкого мнения, но контраст был слишком велик. The mirror reflected an extremely attractive lie. An intelligent, good-looking, monumental vapidty. Well, **perhaps** not a total vacuum, for after all I didn't have that low an opinion of myself. But the contrast was too great. (ХВВ)

Perhaps – это показатель самого низкого уровня эпистемической модальности – возможности. Таким образом, семантика перевода не совпадает со значением исходного текста.

– *possibly*:

- (17) Хотя, **конечно**, и жена Родичева могла догадаться, только жива ли она? **Possibly**, too, Rodichev's wife had guessed the truth. Was she alive, though? (РК)

Английские *perhaps* и *possibly* сигнализируют такой же уровень возможности как *may*, семантическое сходство этих единиц подчеркивает в своей книге Ф. Пальмер [1986,64]. Среди модальных единиц *possibly* передает самый низкий уровень эпистемической модальности, т. е. возможность. Модальный план предложения (17) искажен по отношению к исходному русскому предложению.

– *most probably*:

- (18) Он хотел позвать домработницу Груню и потребовать у нее пирамидону, но все-таки сумел сообразить, что это глупости... Что никакого пирамидону у Груни, **конечно**, нету. He wanted to call his maid, Grunya, and ask her for an aspirin but he was conscious enough to realise that it would be useless because Grunya **most probably** had no aspirin. (МиМ)

Имеющееся в вышеприведенном примере соответствие *most probably* также отличается от исходного *конечно* по эквиваленции на уровне модальности: в целевом тексте выражается скорее вероятность, чем уверенность в том, что у Груни есть лекарство. Так как текст перевода не вызывает у читателя другого впечатления, чем текст оригинала эквиваленция не

отмечается [Wojtasiewicz 1957, 23]. Английское *most probably* является показателем предположительности.

– *really*:

- (19) Очень мне, **конечно**, хотелось посмотреть, как все это получится, но надо было убираться поскорее. I **really** wanted to stick around and see it all happen, but I had to get out of there as fast as possible. (ПнО)

Функция лексемы *really* состоит в субъективном подчеркивании представленного суждения (Paradis, Bergmark, онлайн). Выделенное слово является также показателем эпистемической модальности и выразителем большой готовности говорящего посмотреть, что будет дальше, его приверженности и интереса к происходящему.

– *indeed*:

- (20) Само собой разумеется, что сегодняшняя казнь оказалась чистейшим недо-разумением – ведь вот же философ, выдумавший столь невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди хорошие, шел рядом, следовательно, он был жив. И, **конечно**, совершенно ужасно было бы даже помыслить о том, что такого человека можно казнить. The execution, of course, had been a pure misunderstanding: after all this same man, with his ridiculous philosophy that all men were good, was walking beside him-consequently he was alive. **Indeed** the very thought of executing such a man was absurd. (МиМ)
- (21) Это все воспринимается с улыбкой потому, что это все – после волчьего лагеря. **Конечно**, что не покажется после лагеря – шуткой? что не покажется отдыхом? After the wolfish existence of the camps this sort of thing could be taken with a smile. **Indeed**, what wasn't a joke after the camps? What didn't seem like a rest? (РК)

Indeed, как и *конечно*, является показателем уверенности говорящего в истинности сообщаемого. Кроме того, такое соответствие указывает на сходство содержания с предыдущим предложением, подчеркивая очевидность предоставленной информации.

– *no doubt*:

- (22) – Отлично, – сказал он, кося глазом, – вы не из Парижа. **Конечно**, вы приехали из Кологрива навестить свою покойную бабушку. “Splendid,” he said, narrowing his eyes. “You haven't come from Paris. You've **no doubt** come from Kologriv to visit your deceased grandmother.” (ДС)
- (23) А вон та прекрасная, милая женщина на самом деле, **конечно**, отвратительная, вонючая гиена, похотливая, тупая хрюшка. And that beautiful charming woman is **no doubt** in fact a repulsive malodorous hyena, a promiscuous dull-witted sow. (ХВВ)

Несмотря на то, что *no doubt* относится к показателям самой высокой степени уверенности, то на шкале достоверности это выражение помещается ниже лексемы *certainly*.

В единичных примерах в качестве переводных эквивалентов русского *конечно* обнаруживаются модальные глаголы *must* и *might*. Ср.:

- (24) Правда, переправить хабар в Европу тоже, **конечно**, денег стоит. Тому на лапу, этому на лапу, начальник станции наверняка у них на содержании...
Of course, shipping the loot to Europe **must** cost plenty. Grease this palm and that one... (ПнО)
- (25) Ее неправильное личико могло растрогать тонкой чистотой очертаний; каждый изгиб, каждая выпуклость этого лица, **конечно**, нашли бы место в множестве женских обликов, но их совокупность, стиль – был совершенно оригинален, – оригинально мил; на этом мы остановимся. Her irregular face was endearing in its delicate purity of line; each curve, each elevation **might** have been found in many a woman's face, but taken all together the style was extremely original – originally sweet; we shall stop here. (АП)

Модальный глагол *must* имплицитно подразумевает, что последующая пропозиция основывается на умозаключении и дедукции. В формальных доказательствах, напр., математических он передает такой же уровень вероятности сделанного вывода как констатация, опирающаяся на непосредственном доказательстве (Fintel и др. 2007: 32-62). В примере (23) *must* вводит оттенок недоверности сообщаемого.

Глагол *might*, в свою очередь, является показателем самой низкой степени эпистемической модальности – возможности. Как пишет А. Вэрнсби, *might* в эпистемическом значении употребляется чаще, чем относящееся к этой же группе *may* [Wärnsby 2006, 29].

Как и в случае русского *действительно* [Puk 2016, 81-10], среди английских переводных соответствий лексемы *конечно* много примеров, в которых субъект достоверности называется эксплицитно и выражает свое отношение к вероятности суждения, содержащегося в предложении. Ср.:

– *I suppose*:

- (26) Вас удивляет, что нет света? Экономия, как вы, **конечно**, подумали? Ни-ни-ни. Are you surprised that there's no light? Economy, **I suppose** you were thinking? Never! (МиМ)

– *I expect*:

- (27) Она поглядела на меня удивленно, а я вдруг, и совершенно неожиданно, понял, что я всю жизнь любил именно эту женщину! Вот так штука, а? Вы, **конечно**, скажете, сумасшедший? She looked at me in surprise and suddenly, completely unexpectedly, I realised that I had been in love with this woman all my life. Extraordinary, isn't it? You'll say I was mad, **I expect**." (МиМ)

– *I bet*:

- (28) – Да! Слушайте, русский человек, вы Владимира Соловьева не читали, **конечно**, ни строчки? "Exactly! Listen, you're a Russian, but **I bet** you haven't read a single line of Vladimir Solovyov, have you?" (ПК)

Глаголы *suppose*, *expect* и *bet* в первом лице единственного числа передают более низкую степень убежденности говорящего в правдоподобии пропозиции, чем русское *конечно*, и относятся к показателям предположительности.

– *I don't doubt it; Misha did not doubt:*

(29) – Мы тоже скоро будем пионерами! – крикнул Генка. – **Конечно**, будете, – сказала девушка. “We'll also be Young Pioneers!” “**I don't doubt it,**” the girl said. (К)

(30) Это наказание придумал, **конечно**, дядя Сеня. И самое обидное – дедушка с ним заодно. **Misha did not doubt** that Uncle Senya had invented this punishment. It could not have been anyone else. And the thing that hurt most was that Grandfather was siding with him. (К)

Примененная в переводе личная форма глагола *doubt* открывает позицию для модализирующих субъектов *I* и *Misha*, а ее отрицательная форма отображает аналогичный русскому *конечно* уровень убеждения отправителя сообщения в достоверности пропозиции.

– *though they may be:*

(31) А каждый отдельный человек не потеряет ничего, он только приобретет, ибо его мир станет несравненно ярче, его связи с природой – иллюзорной, **конечно**, – станут многообразнее, а связи с обществом – тоже иллюзорным, но ведь он об этом не будет знать, – станут и мощнее, и плодотворнее. But each separate man will lose nothing, he will only gain, since his world will become infinitely brighter, his ties with nature, illusory **though they may be**, will become more multifaceted; and ties with society, also illusory but not so known to him, will become more powerful and fruitful. (Д)

В вышеприведенном примере показателями эпистемической модальности является наречие *though*, вызывающее впечатление, что только что сказанное кажется менее достоверным, и модальный глагол *may*, принадлежащий к маркерам возможности в иерархии показателей эпистемической модальности. Эквиваленция на уровне эпистемической модальности не сохраняется.

– *if you insist:*

(32) – Я, Петр Степанович, когда опубликую работу, напишу, что камеры сооружены вами, – вставил Персиков, чувствуя, что заминочку надо разрешить. – О, это не важно... Впрочем, **конечно**... И заминочка тотчас разрешилась. С этого времени луч поглотил и Иванова. “When I publish a paper, I shall mention that the chamber was built by you, Pyotr Stepanovich,” Persikov interspersed, feeling that the pause should be ended. “Oh, that doesn't matter... However, **if you insist**...” And the pause ended. After that the ray devoured Ivanov as well. (РЯ)

Выражение *if you insist* используется в разговорах для выражения нашего согласия на реализацию чего-то, чего мы на самом деле не хотим сделать [Longman Dictionary of Contemporary English: онлайн]. Обнаружение

if you insist в структуре предложения вызывает семантические различия между текстом оригинала и перевода. Английское предложение лишается значения эпистемической модальности.

В функции английских переводных соответствий русского модального оператора *конечно* использовались также следующие безличные конструкции:

– *it goes without saying*:

- (33) Эта воинственная тирада насчет “рихтгофенов” была адресована, **конечно**, не столько Алексею, уже допивавшему свой кофе, сколько девушке, которая, возясь с цветами, нет-нет да и бросала косые взгляды на румяного, пригожего Петрова. **It goes without saying** that this defiance was hurled at the “Richtovens” not for the benefit of Alexei who was finishing his coffee, but of the girl who was busy with the flowers and was now and again casting sidelong glances at handsome, ruddy Petrov. (ПоНЧ)

Употребление формы *it goes without saying* в качестве соответствия русского *конечно* указывает на очевидность пропозиции и не нуждается в добавочных объяснениях.

– *it was true*:

- (34) А вне своей должности, уже прощаясь с ней, она, собственно, не могла возразить Костоглотову. **Конечно**, лечение было варварское. Outside her line of duty, to which she was now bidding farewell, she couldn't really object even to Kostoglotov. **It was true**, it was a barbarous treatment. (РК)

Безличная форма *it was true* с неопределенным местоимением *it* и именем прилагательным *true* передает самый высокий уровень уверенности говорящего в истинности высказываемого содержания. Модальные имена прилагательные образуют довольно многочисленную группу показателей эпистемической модальности, однако они очень редко употребляются в качестве текстовых соответствий русских операторов [Nuys 2001, 57-58], хотя, в отличие от наречий, они способны образовать вопросы и отрицания.

– *that's right*:

- (35) Тут, на горе музыкантов, в дело вмешался Виктор Михайлович. – **Конечно** же, вам сюда, в тупик, надо сворачивать! At this point, to the misfortune of the musicians, Victor Polesov intervened. **That's right!** You're supposed to turn into the blind alley here. They can't even organize a parade! Scandalous!” (ДС)

Передача значения исследуемого русского *конечно* посредством английского предложения *that's right* отображает в целевом тексте эпистемическое значение. Имя прилагательное *right* сигнализирует необходимость повернуть в тупик и обозначает, что это согласно фактам.

– *it's all over*:

- (36) Прошла тень и, остановившись, начала быстро убирать фигуры в маленький гроб. „**Конечно**”, – сказал Лужин и со стоном усилия оторвался от стула. A phantom went by, stopped and began swiftly to stow the pieces away

in a tiny coffin. “*It’s all over,*” said Luzhin and groaning from the effort, wrenched himself out of the chair. (ЗЛ)

Предложение *it’s all over* не информирует об уровне убеждения говорящего. Независимо от формальной эквивалентности на синтаксическом уровне английское соответствие лишено эпистемического оттенка и это вызывает семантическое различие между текстом оригинала и перевода.

В отобранном материале мы обнаружили также единичные примеры, в которых появляются следующие текстовые соответствия:

– *true*:

(37) (...) правда, тогда Лэн был бы сейчас маленьким генерал-полковником; нет уж, лучше не надо, лучше на голом месте, он бы, **конечно**, ничего не боялся, но зато он бы пугал других, которые не генерал-полковники (...) but then again, Len would now be a small-scale major general. No, better not – better to start from zero. **True** he would not now be afraid of anything, but instead he would be frightening others – those who weren’t major generals. (ХВВ)

Имя прилагательное *true* используется главным образом в разговорной речи, когда мы считаем, что что-то является правдой, но говорим, что что-то противоположное тоже является правдой [*Longman Dictionary of Contemporary English*, онлайн]. В английском переводе модальный план аналогичен исходному русскому предложению.

– *well*:

(38) – Не твоё дело! – Генка погрозил ему кулаком. – Торгуй своими ирисками. – **Конечно**, – продолжал размышлять Шура, – это неплохо. Но по характеру своего дарования я не режиссер, а исполнитель... “You keep your nose out of this!” Genka said showing his fist. “Go and sell your toffees.” “**Well**, it’s a good idea,” Shura continued reflectively. “But my forte’s acting and not stage managing.” (К)

Как указывает *The Collins Cobuild English Language Dictionary*, вводное слово *well* обычно свойственное английской разговорной речи [1993, 1654]. В вышеприведенном примере эта лексема подтверждает восприятие говорящим неожиданного предложения и предшествует комментарию к нему – „it’s a good idea”.

Использование *too* как текстового соответствия обозначает, что только что сказанное касается указанного лица или вещи, т. е. не только другие лица, но также жена Родичева могла что-то подозревать.

– *yes*:

(39) – Жалко его. – **Конечно**, жалко... – согласилась мама. “That’s true,” Misha admitted, “but I’m sorry for him; he’ll go out into the street again – and steal.” “**Yes**, it’s a pity!” Mother agreed. (К)

The Collins Cobuild English Language Dictionary отмечает применение *yes* в значении *certainly*. Тогда *yes* ‘является показателем нашего вовлечения в разговор и обозначает, что мы соглашаемся, одобряем или понимаем то,

что сказал наш собеседник' [1993, 1699]. Несмотря на то, что это толкование не охватывает эпистемического значения, в вышеуказанном примере *yes* не только обозначает, что мама соглашается с Мишей, но тоже что она жалеет Шуру. Таким образом эпистемическое значение сохраняется.

– краткий общий вопрос в конце разделительного вопроса: *are you?*:

- (40) Неизвестно почему – да наверно за тяжесть взгляда, за молчание сычевое из угла, захотелось Русанову его как-нибудь унизить, на место поставить. А может, водка в нем говорила, и он громче, чем надо, легкомысленнее, чем надо, окрикнул: – Беспартийный, **конечно**? For some unknown reason, the heaviness of his gaze or his owl-like silence as he sat in his corner, Rusanov felt the urge to humiliate him, to put him in his place. Or perhaps it was the vodka speaking inside him. His voice was louder and more frivolous that it need have been as he said, “You’re not a Party member, **are you?**” (PK)

Одной из функций краткого общего вопроса является указание на неуверенность говорящего и верификация изложенной пропозиции, так как требует она подтверждения со стороны собеседника [Eckert, McConnell-Ginet 2003, 168]. Вопрос *are you?* передает значение отсутствия определенных знаний у говорящего. Несмотря на структурные различия, эквивалентность на уровне эпистемической модальности сохраняется.

Полное количественное и процентное представление переводных английских эквивалентов русского *конечно*, обнаруженных в фактическом материале, содержит таблица 2.

Подытоживая, отмечаем, что словарные эквиваленты составляют больше половины всех соответствий – 66,12%.

Перечень текстовых соответствий русского модального слова *конечно* в английском языке очень широкий. Среди них преобладают лексемы, передающие такой же уровень эпистемической модальности как русское *конечно*, т.е. достоверность, напр.: *naturally, it goes without saying*, добавочно оценивающие данную пропозицию как натуральную и ожидаемую; *must, obviously, evidently*, одновременно вносящие значение умозаключения; *indeed, no doubt, I don't doubt it, true* и др. Перевод русского *конечно* на английский язык с помощью *most probably, I suppose, I expect* и *I bet* вызывает понижение уровня эпистемической модальности с самого высокого на средний – предположительный, а в случае лексем *possibly, perhaps* и *might* на самый низкий – возможный. В единичных примерах появляются также эквиваленты, лишённые эпистемического значения: *if you insist, it's all over, well*.

Большое количество примеров с опущенным маркером эпистемической модальности в текстах переводов (85) и устранение целого предложения с модальной лексемой (11 примеров) подтверждают тенденцию к утрате этого вида модальности в процессе перевода, т.е. лишению текста перевода элемента указывающего на то, что данное суждение не является объективным фактом, а субъективной оценкой действий говорящим.

Таблица 2

Английские эквиваленты русского модального слова *конечно*

Английские словарные эквиваленты русского модального слова <i>конечно</i>		
	Количество	%
<i>of course</i>	319	65,50
<i>certainly</i>	2	0,41
<i>to be sure</i>	1	0,21
Английские текстовые соответствия русского модального слова <i>конечно</i>		
<i>naturally</i>	27	5,55
<i>I suppose</i>	6	1,23
<i>obviously</i>	4	0,82
<i>indeed</i>	2	0,41
<i>it goes without saying</i>	2	0,41
<i>must</i>	2	0,41
<i>no doubt</i>	2	0,41
<i>true</i>	1	0,21
<i>admittedly</i>	1	0,21
<i>are you?</i>	1	0,21
<i>would be sure</i>	1	0,21
<i>evidently</i>	1	0,21
<i>I don't doubt it</i>	1	0,21
<i>I expect</i>	1	0,21
<i>I bet</i>	1	0,21
<i>if you insist</i>	1	0,21
<i>it was true</i>	1	0,21
<i>it's all over</i>	1	0,21
<i>might</i>	1	0,21
<i>Misha did not doubt</i>	1	0,21
<i>most probably</i>	1	0,21
<i>perhaps</i>	1	0,21
<i>possibly</i>	1	0,21
<i>really</i>	1	0,21
<i>sure</i>	1	0,21
<i>that's right</i>	1	0,21
<i>though they may be</i>	1	0,21
<i>was sure</i>	1	0,21
<i>well</i>	1	0,21
<i>yes</i>	1	0,21
<i>you may be sure</i>	1	0,21
отсутствие эквивалента	96	19,72
Итого	487	100,00

Библиография

- Ahunzânova Raisa Rustâmovna. 2010. *Èpistemičeskaâ neobhodimost' i leksičeskie sredstva ee vyraženiâ vyraženiâ v anglijskom i tatarskom âzykah*. «Vestnik Čelâbinskogo gosudarstvennogo universiteta» 11 (192). Filologič. Iskusstvovedenie, vyp. 42: 8-11 [Ахунзянова Раиса Рустямовна. 2010. *Эпистемическая необходимость и лексические средства ее выражения в английском и татарском языках*. «Вестник Челябинского государственного университета» 11 (192). Филология. Искусствоведение, вып. 42: 8-11].
- Eckert Penelope, McConnell-Ginet Sally. 2003. *Language and Gender*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fintel Kai von, Gillies Anthony S. 2007. *An opinionated guide to epistemic modality*. In: Oxford Studies in epistemology 2. Eds. Gendler T.Sz., Hawthorne J. Oxford: Oxford University Press: 32-62.
- Grammatika russkogo âzyka*. Т. II. Ч. II: *Sintaksis*. 1954. Red. Vinogradov V.V. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR [*Грамматика русского языка*. Т. II. Ч. II: *Синтаксис*. 1954. Red. Виноградов В.В. Москва: Издательство Академии наук СССР].
- Kušnirenko E.L. 1997. *Binarnââ èpistemičeskaâ modal'nost' v predložanii*. «Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta» № 2/9: 107-110 [Кушниренко Е.Л. 1997. *Бинарная эпистемическая модальность в предложении*. «Вестник Санкт-Петербургского университета» № 2/9: 107-110].
- Ligara Bronisława. 1997. *Polskie czasowniki modalne i ich francuskie ekwiwalenty tłumaczeniowe*. Kraków: TAIWPN Universitas.
- Nuyts Jan. 2001. *Epistemic modality, language, and conceptualization: a cognitive-pragmatic perspective*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Palmer Frank Robert. 1986. *Mood and modality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Paradis Carita, Bergmark Nina. 'Am I really really mature or something': *Really in teen talk*. In: <https://bit.ly/2Pq5L8h> [Access 10 V 2018].
- Puk Maria. 2016. *Pol'skie i anglijskie tekstovye sootvetstviâ russkogo modal'nogo slova dejstvitel'no*. V: *Kommunikativnye parametry teksta II*. Red. Czapiga Z., Kur-Kononowicz J. Rzeszów: Wydawnictwo UR: 81-100 [Puk Maria. 2016. *Польские и английские текстовые соответствия русского модального слова действительно*. В: *Коммуникативные параметры текста II*. Red. Czapiga Z., Kur-Kononowicz J. Rzeszów: Wydawnictwo UR: 81-100].
- Russko-anglijskij slovar'*. 1965. Red. Ahmanova O.C. Moskva: Sovetskaâ ènciklopediâ [*Русско-английский словарь*. 1965. Red. Ахманова О.С. Москва: Советская энциклопедия].
- Rytel Danuta. 1982. *Leksykalne šrodki wyražania modalności w języku czeskim i polskim*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich-Wydawnictwo PAN.
- Slovar' russkogo âzyka*. 1981-1984. Red. Evgen'eva A.P. Moskva: Russkij Âzyk [*Словарь русского языка*. 1981-1984. Red. Евгеньева А.П. Москва: Русский Язык].
- Trošina A.V. 2010. *Pričiny var'irovaniâ častotnosti i sostava modal'nyh slov v hudožestvennyh tekstah*. V: *V poiskah smysla: Sbornik naučnyh trudov, posvâšennyj pamâti professora A.A. Hudâkova*. Red. Klepikova T. Sankt-Peterburg: 290-294 [Трошина А.В. 2010. *Причины варьирования частотности и состава модальных слов в художественных текстах*. В: *В поисках смысла: Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора А.А. Худякова*. Red. Клепикова Т. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ: 290-294].

Wärnsby Anna. 2006. *(De)coding Modality. The Case of Must, May, Måste, and Kan.*

Lund: Department of English, Centre for Languages and Literature, Lund University.

Wierzbicka Anna. 1969. *Dociekania semantyczne.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Wojtasiewicz Olgierd. 1957. *Wstęp do teorii tłumaczenia.* Wrocław-Warszawa: Ossolineum.

Интернет-источники

<http://www.ldoceonline.com/dictionary>

<https://en.oxforddictionaries.com/>

Summary

TEXTUAL EQUIVALENTS OF THE RUSSIAN MODAL WORD *КОНЕЧНО* IN ENGLISH

This article analyzes the Russian modal exponent *конечно* expressing the speaker's commitment to the truth of the proposition and its English translational equivalents. Some of the equivalents lower the level of epistemic modality, e.g., *possibly*, *perhaps* and *might* convey possibility and *most probably*, *I suppose*, *I expect* and *I bet* denote probability. Owing to such translational solutions, the translated sentences evoke a different set of associations in the target language. The sentences with the omitted marker of epistemic modality constitute a great number of examples in English.

Kontakt z Autorką:

mariapuk@onet.eu

Юлия Анатольевна Русина

DOI: <https://doi.org/10.31648/an.3631>

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в Екатеринбурге

ХАРАКТЕРЫ СОВЕТСКИХ ДИССИДЕНТОВ В ЭМИГРАНТСКИХ ЗАПИСКАХ АДВОКАТА ДИНЫ КАМИНСКОЙ¹

Key words: Soviet dissidents, Soviet political trials, attorney Dina Kaminskaya

Конечно, усилия тщетны,
И им не вдолбить ничего:
Предметы для них беспредметны,
А белое просто черно.
Судье заодно с прокурором
Плевать на детальный разбор,
Им лишь бы прикрыть разговором
Готовый уже приговор².

Имя адвоката Дины Исааковны Каминской (1919-2006) связано с историей инакомыслия в Советском Союзе в его правозащитном дискурсе. Дина Каминская вместе с Софьей Калистратовой, Борисом Золотухиным, Семёном Арией, Николаем Монаховым, Юрием Поздеевым и другими адвокатами защищала советских диссидентов на политических процессах 1960-х – 1970-х гг. Тексты ее выступлений в суде распространялись в самиздате. Подзащитными Д. Каминской были люди, вписавшие

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-21-07002-ОГН «Человек советский в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.».

² В качестве эпиграфа приведены слова из песни известного советского барда Юлия Кима, о которой он сам писал так: «1968 г., после суда над демонстрантами, вышедшими на Красную площадь протестовать против погрома Пражской весны, я сочинил „Адвокатский вальс” и, помню, вечером спел его подряд несколько раз для наших „защитников правозащитников” – были там Борис Золотухин, Дина Каминская, Юрий Поздеев и, конечно, Софья Васильевна (Калистратова). Им эта песня и посвящается, а Софье Васильевне – в первую очередь» [Ким].

свои яркие страницы в историю диссидентского движения в период т. н. «позднего социализма»: Владимир Буковский (дело о демонстрации 22 января 1967 г., процесс в августе – сентябре 1967 г.), Юрий Галансков («Процесс четырех», январь 1968 г.), Лариса Богораз и Павел Литвинов (дело о демонстрации на Красной площади, 25 августа 1968 г., процесс в октябре 1968 г.), Мустафа Джемилев и Илья Габай (дело о крымско-татарском самиздате, процесс в январе 1970 г., Ташкент). В 1971 г. адвокат была лишена допуска к политическим делам, «не выдержав экзамена на политическое послушание» [Каминская 2006, 39].

Дина Каминская – мать американского политолога Дмитрия Саймса и жена научного работника, правоведа Константина Симиса. Именно исследование последнего *СССР – стана коррупции*, подготовленное для публикации под псевдонимом на Западе, стало решающим поводом для Комитета Госбезопасности (КГБ или «Галины Борисовны» в диссидентском фольклоре), чтобы выдавить эту семью в эмиграцию в 1977 г.

Воспоминания Каминской *Записки адвоката* вышли в США в издательстве Хроника-Пресс в 1984 г. Это издательство было создано советским правозащитником Валерием Чалидзе, одним из основателей Комитета по защите прав человека в СССР (1970 г.), вместе с Павлом Литвиновым, внуком наркома иностранных дел Максима Литвинова и американским общественным деятелем Эдвардом Клайном, организовавшим в Нью-Йорке некоммерческое Издательство имени Чехова для выпуска книг, запрещенных в СССР цензурой (1967 г.).

Несмотря на четыре сотни листов, *Записки* воспринимаются довольно лаконичным произведением, сконцентрированным, в основном, на правовой проблематике. Такому восприятию способствует сдержанный стиль автора, последовательность и логика в изложении событий, взвешенность оценок и суждений. Главная линия повествования – это, конечно, череда судебных процессов, в которых Дине Исааковне довелось выступать в качестве защитника обвиняемых. Речь идет именно о тех послехрущевских судах над инакомыслящими, которые имели наибольший резонанс как внутри страны, так и за ее пределами. В главе, посвященной ответу на вопрос «Что такое советское правосудие», дается детальнейший анализ судебной системы в ее политическом аспекте. Автор рассказывает не только о судебных заседаниях, демонстрируя их в лицах и диалогах, а представляет саму «кухню» следственных, досудебных разбирательств, технологию психологического воздействия на подсудимых-диссидентов, свидетельствует о полной зависимости судей от решения высших партийных инстанций и органов госбезопасности, где и определялись приговоры. О своей роли в этом действе, которое кто-то справедливо называл «фарсом», Д. Каминская говорит так: «Политические процессы ставили перед адвокатами множество глобальных проблем – проблем социальных и нравственных, психологических и правовых» [Каминская 2006, 311].

В то же время повествование наполнено именами, характерами и портретами людей, стоявшими по разные стороны судебного и социального барьеров, как в прямом, так и в переносном смысле: обвиняемых-диссидентов и их судей; друзей автора, просто коллег из адвокатской среды и партийно-советских функционеров со следователями КГБ.

Присутствует в тексте книги и естественный для мемуарного жанра рассказ о семье, о родителях автора. И здесь обнаруживаются, возможно скрывающие за собой какую-то тайну, сведения о том, что еврейская семья, глава которой состоял до революции в партии сначала эсеров, а потом – кадетов, никак не пострадала в советское время. Миновали ее лагеря и тюрьмы, никогда ни над кем из ее представителей не нависала угроза чекистских допросов. Напротив, отец Дины Исааковны, Исаак Ефимович Каминский, будучи беспартийным, не считал нужным скрывать своего прошлого и во всех анкетах указывал свою причастность к оппозиционным партиям, что не помешало ему до 1937 г. возглавлять Промышленный банк СССР. Сама будущий адвокат, с ее слов «росла вполне советским ребенком». «В положенное время в школе стала пионеркой, охотно участвовала во всех школьно-пионерских мероприятиях» [Каминская 2006, 26].

Решив стать юристом в продолжение семейных традиций (вслед за отцом и старшей сестрой), Дина в 1937 г. поступила в Московский юридический институт и 37 лет посвятила адвокатской деятельности. Еще во время учебы она поняла, что больше всего ее привлекает «азарт состязательности судебного процесса» [Каминская 2006, 21], и, выбирая между стороной обвинения и защиты, предпочла последнюю.

Есть в *Записках* рассказ о первом открытом политическом процессе 1960-х гг. над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем. Каминской не пришлось стать защитником одного из них, хотя к ней обращались жены литераторов, обвиняемых в антисоветской агитации и пропаганде, Мария Розанова и Лариса Богораз. Однако ее кандидатура была отведена Коллегией адвокатов. Этот процесс имеет рубежное значение, от него пошел отсчет истории правозащитного движения в СССР. Ему посвящено сегодня немало исследований и воспоминаний, документальных публикаций [См. *Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля* 1967; Алексеева 1992; *Цена метафоры, или преступление и наказание Синявского и Даниэля* 1989; Шубин 2008; Русина 2015]. Автор *Записок* справедливо отмечает, что в сознании и поведении советских людей произошел тогда перелом, значение которого трудно переоценить. События декабря 1965 – января 1966 гг., когда судили Синявского и Даниэля, заставили многих заново определить свое место в жизни, свою нравственную позицию. До этих дней, пишет Каминская: «Единственной законной и понятной для меня и тех, кого я знала, формой выражения несогласия было молчание. Молчание стало мерилом мужества и порядочности человека» [Каминская 2006, 61]. Теперь молчаливого неучастия стало недостаточно. В потоке

писем и подписных кампаний в защиту писателей, опубликовавших свои произведения за границей, она видит «изменения нравственного климата в стране» [Каминская 2006, 187].

Говоря в общем о диссидентском движении, Д. Каминская отмечает, что во многом разделяла взгляды правозащитников, а защищая их, чувствовала, что сама каким-то образом участвовала в их борьбе. С другой стороны, вспоминая 1960-е годы и свое знакомство с теми, кто впоследствии приобрел широкую известность благодаря диссидентской активности, адвокат говорит, что их, «безусловно, объединял неконформизм (...) мужество, готовность жертвовать своим благополучием и даже свободой». Но Дина Исааковна обращает внимание и на то, что это были очень разные люди, «иногда слишком увлеченные азартом политической борьбы (...) недостаточно терпимые к мнениям и убеждениям других людей (...) недостаточно бережно, без необходимой щепетильности распоряжающиеся судьбами тех, кто им сочувствует». Размышляя обо всем этом, она однажды сказала мужу: «Знаешь, они, конечно, очень достойные и мужественные люди, но, когда я подумала, что вдруг случится так, что они окажутся у власти, – мне этого не захотелось» [Каминская 2006, 243].

Владимир Буковский (род. в 1942 г.)

Первый политический процесс адвоката Дины Исааковны Каминской – дело Владимира Буковского. 22 января 1967 года около в 6 часов вечера в центре Москвы, у памятника Пушкину прошла демонстрация с требованиями освободить арестованных за изготовление и распространение самиздата Алексея Добровольского, Юрия Галанскова, Веру Лашкову и пересмотреть статьи Уголовного кодекса об «антисоветской агитации и пропаганде» (ст. 70) и о «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (ст. 190-1). Организовал демонстрацию 24-летний Владимир Буковский.

Документальный сборник с материалами этого политического процесса был составлен Павлом Литвиновым и через год опубликован в Лондоне [*Правосудие или расправа?... 1968*]

О «конструкции защиты» по этому делу Каминская говорит следующее: «Я признавала все: и то, что он организовал демонстрацию, и то, что сам участвовал в ней, и то, что изготовил лозунг, а затем на площади молча поднял его над своей головой. Я не признавала только того, что это – уголовное преступление» [Каминская 2006, 203].

О своем первом впечатлении о Буковском адвокат рассказывает так: «Я сижу за большим письменным столом. Напротив меня молодой человек. На нем клетчатая рубашка с отложным воротником. Коротко, по-тюремному

остриженные волосы. Что-то – может быть, выражение глаз, высокий лоб, ощущение внутренней силы – напоминает портреты молодого Ленина» [Каминская 2006, 204].

Этого человека, который впоследствии стал очень известным и кому народное творчество посвятило частушку: «Обменяли хулигана /На Луиса Корвалана», Д. Каминская характеризует эпитетами: «**неистовый**» и «**несгибаемый**», «**твердый**» и «**непримиримый**» ко всякой форме тоталитаризма, ко всякому подавлению демократии.

На следствии, не признавая своей вины и называя демонстрацию «гарантированным конституционным правом», В. Буковский, взял на себя всю ответственность за организацию и проведение демонстрации, прямо заявлял о своих антикоммунистических взглядах, а судебного заседания, по собственному признанию, «ждал как праздника», который даст ему трибуну и возможность открыто заявить о своих политических взглядах и убеждениях [Каминская 2006, 214]. И, действительно его «последнее слово» на суде, по свидетельству Каминской несло огромную взрывную силу и бесстрашие формулировок: «(...) впервые со времен наступления сталинского террора в открытом судебном заседании звучали слова такой беспощадной критики в адрес советского строя» [Каминская 2006, 236].

Д. Каминская пишет о своем подзащитном: «(...) читая показания Владимира, оценивая их, я с каждой страницей дела все больше поражалась его твердости, все больше думала о том, какую дорогую цену готов платить этот еще только начинающий жить человек за то, чтобы быть самим собой, (...) Во всех своих показаниях он употреблял только одно местоимение – «я». „Я организовал“, „Я инструктировал“, „Я предлагал тексты лозунгов“» [Каминская 2006, 207].

Наблюдавший за работой адвоката следователь КГБ (имени которого автор не называет), как-то поделился с Диной Исааковной своими размышлениями о подсудимом Буковском. Называя его **врагом**, он все же отдавал дань **мужеству** молодого заключенного: «У меня есть сын. Я его очень люблю. Я очень хочу, чтобы он был счастливым, чтобы у него была хорошая жизнь. Но я хотел бы, чтобы он обладал такими же человеческими качествами, как Буковский». На что Каминская отреагировала: «Боюсь, что счастливая жизнь с такими человеческими качествами несовместима» [Каминская 2006, 217]. Об этом же следователе есть сюжет в воспоминаниях самого подсудимого *И возвращается ветер...*: «Чем-то он мне даже нравился – высокий, лобастый, с открытым лицом. (...) Не знаю, верно ли это, но мужик он был, по-моему, неплохой. Только работа у него была скверная» [Буковский 1990, 221]. Что примечательно, до прихода в органы госбезопасности этот офицер был школьным учителем.

Павел Литвинов (1940 г. рожд.) и Лариса Богораз (1929-2006)

Глава *Записок*, посвященная делу о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г., отличается от остального, эмоционально сдержанного текста, пафосом гордости за людей к числу друзей которых Дина Исааковна не без оснований себя причисляла. Каминская разделяла их взгляды, ее привлекала нравственная основа их убеждений и методов, которые впоследствии стали основой правозащитного движения, у них совпадали оценки советской действительности. «Впервые за годы своей работы я ехала в тюрьму на свидание с людьми, которые были мне дороги, которых я любила и которыми восхищалась» [Каминская 2006, 246].

На этих страницах чувствуется нервный накал тех дней, когда с «пожарной скоростью» расследовалось дело, взятое под особый контроль «Галиной Борисовной». «Следователи в течение двух недель не только завершили допросы семи арестованных демонстрантов, примерно тридцати свидетелей, но и обеспечили проведение семи психиатрических экспертиз (...)» [там же].

Имена участников демонстрации получили мировую известность: Константин Бабицкий, Лариса Богораз-Даниэль, Наталья Горбаневская, Вадим Делонэ, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг.

Особенностью процесса о демонстрации на Красной Площади в Москве автор *Записок* называет то обстоятельство, что среди подсудимых не было «главных и подчиненных, инициаторов и присоединившихся, сомневавшихся и раскаявшихся» [Каминская 2006, 281].

Дина Каминская защищала двоих, Павла Литвинова и Ларису Богораз. Павлу 28 лет, Ларисе – 39. Он – по образованию физик, она – филолог, кандидат наук. Рассказывая о своих друзьях-подзащитных, она пишет: «Павел и Лариса, с точки зрения любого адвоката, „отличные“ подзащитные. **Умные, образованные, умеющие прекрасно формулировать свои мысли.** Они ставили перед собой единственную задачу – рассказать правду о том, почему пришли на Красную площадь, какие мотивы руководили ими» [Каминская 2006, 268].

Характеризуя их состояние на следствии и в суде, Каминская говорит: «**сдержанность**» и «**спокойствие**». «Каждое утро я ехала в Лефортово с чувством, что меня ждут, что я нужна. Какой тяжелой оказалась для меня потеря этого чувства в нынешней уравновешенной и размеренной жизни в эмиграции!» [Каминская 2006, 263].

Сравнивая Литвинова и Богораз с Буковским, Каминская отмечает, что их поведение и показания на следствии, в судебных заседаниях не так эффектно, как «бьющие в глаза своей непримиримостью и политическим темпераментом показания» молодого бунтаря. Однако, «это не потому, что

участники демонстрации на Красной площади – люди менее мужественные, менее убежденные. Просто они другие» [Каминская 2006, 249]. Так, если В. Буковский неудержимо стремился высказывать свои политические убеждения, то все участники демонстрации на Красной площади вообще отказались беседовать со следователями о своих взглядах и убеждениях, ограничившись лишь объяснением мотивов демонстрации.

Юрий Галансков (1939-1972)

Юрий Галансков – одна из самых трагических судеб в истории советского диссидентства. Получив 7 лет по ст. 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда», он погиб в Мордовских лагерях строгого режима в возрасте 33 лет 4 ноября 1972 года. Через 5 лет и 10 месяцев после ареста.

В конце 1950-х гг. Юрий был организатором и участником собраний и чтения стихов у памятника Маяковскому в Москве. А в 1968 г. его судили за создание и распространение самиздата с антисоветскими текстами и за связь с Народно-Трудовым Союзом (НТС), организацией, признанной в СССР антисоветской. В свой поэтический, с явной пацифистской тональностью, альманах *Феникс* он включил статью осужденного литератора Андрея Синявского «Что такое социалистический реализм» и собственное открытое письмо Михаилу Шолохову, резко осудившему с трибуны XXIII съезда КПСС писателей А. Синявского и Ю. Даниэля.

Вместе с Галансковым на скамье подсудимых были Александр Гинзбург (за создание *Белой книги* по делу Синявского и Даниэля), Алексей Добровольский (за распространение самиздата и связи с НТС) и Вера Лашкова (машинистка, печатавшая самиздатские тексты). «Процесс четырех», один из самых известных в поздней советской истории, нашел отражение в творчестве Юлий Кима, посвятившего этому событию песню *Московский суд в январе 1968 г.:*

Тут за стеною ставит суд законы вне закона.
Корреспонденты в стороне внимательно-нейтральны.
И горстка граждан жметесь тут как эски в центре зоны.
Пришли за правду порадеть и крест принять опальный...

Своего подзащитного Д. Каминская назвала «**человеком-нонконформистом**», отмечая, что его оппозиционность распространялась не только на поэзию, которой он был увлечен, но на все, что происходило в мире и жизни самого Ю. Галанскова. «Все, что случалось в мире, имело к нему самое непосредственное отношение. Всякая несправедливость воспринималась им как сигнал бедствия, требующий его немедленной помощи. У Юрия была природная, лишённая всякого насилия разума над чувством, потребность поступать только **в согласии с совестью**. (...)

Слова „**добрый**”, „**бескорыстный**” определяют характер Юрия Галанскова, только если их употреблять в самом крайнем, преувеличенном почти до невероятности смысле» [Каминская 2006, 304–305].

Д. Каминская цитирует в своей книге удивительно нежные письма Юрия к родным (маме, жене, сестре). В них есть совершенно невероятные строки, отражающие поэтический склад души этого человека, дар видеть красоту: «Сижу на работе, шью рукавицы. Часов в 10 случайно посмотрел в окно. Бог мой! Надел шапку, укутался в шарф, выбежал на улицу. Под золотым солнечным небом покрытые снегом розовые крыши. Вот оно! – обрадовался я. Присмотрелся и вижу – из труб валит фиолетовый дым, а северо-западная часть неба – сиреневая. А какие были закаты в первых числах января! Даже малиновые. В Сочельник вспоминал о родных и близких, о дорогих нам людях» [там же].

Но, в то же время, адвокат характеризует Юрия как «**трудного подзащитного**». Причина непростого, а подчас неадекватного поведения Галанскова на судебных заседаниях заключалась в том, страдая от серьезного заболевания, он испытывал постоянные боли. Изнуренный физически и нравственно, он, по свидетельству Каминской, пытался скрыть свою слабость «бравадой, грубой насмешкой над следователем, иногда даже переходящей границы приличия. (...) Не хотел, чтобы чужие и враждебные ему люди видели, как ему трудно. Он шел на то, чтобы вызвать у них раздражение, так как не хотел вызвать у них чувство жалости» [Каминская 2006, 324].

Илья Габай (1935-1973)³ и Мустафа Джемилев (1943 г. рожд.)

Мустафа Джемилев и Илья Габай обвинялись в изготовлении и распространении целого ряда «клеветнических» документов: информации, открытых писем и обращений, связанных с судьбой и положением депортированного из Крыма в Среднюю Азию крымско-татарского народа. Оба они не отрицали, что являются соавторами почти всех этих документов, но утверждали, что приведенные в них факты соответствуют действительности, а потому виновными себя не признавали [Каминская 2006, 387].

О Мустафе Каминская говорит, как о «**совершенно сложившемся человеке**» с «**волевым и целеустремленным, несгибаемым харак-**

³ Илья Габай ушел из жизни, покончив с собой, после вызова на допрос в органы госбезопасности, находясь под тяжелым впечатлением от суда над Виктором Красиным и Петром Якиром, которые пошли на сделку со следствием и публично осудили правозащитную деятельность, дав показания против многих инакомыслящих. Образ И. Габая воплощен в одном из главных героев романа Людмилы Улицкой *Зеленый шатер*, 2011.

гером». Из своих бесед с Джемилевым адвокат вынесла убеждение, что «нет силы, способной свернуть этого человека с избранного им пути, по которому он пошел с ранней юности, не зная **ни сомнений, ни колебаний**» [Каминская 2006, 391]. В этих словах много правды: М. Джемилев и сегодня в политике, он остается лидером крымско-татарского сообщества, не принявшего присоединение Крыма к России.

Второго своего подзащитного в этом процессе, Илью Габая, Каминская называет «**гуманистом, интеллигентом, просветителем**», так же говорит о его «**доброте, мягкости, таланте и образованности**». Москвич, школьный учитель русской литературы по призванию, он, со слов адвоката, «удивительно умел **понимать людей**, а понимая – **прощать**». Все знакомые называли его, не иначе как, Илюша. И, когда Дине Исааковне приходилось «разговаривать об Илюше с людьми, которые его знали, на лицах собеседников неизменно появлялись улыбки» [там же].

«У Мустафы – качества **бойца, последовательного и решительного**. Илюша же был совсем другим. Он был создан для того, чтобы писать стихи, (...) учить и воспитывать детей, читать книги. (...) Даже следователь по особо важным делам Березовский, прожженный циник и карьерист, как-то, когда Габая не было в кабинете, сказал: Хороший он человек, ваш Габай. Мне его жалко. Я понимаю Джемилева. Он татарин и борется за свой народ. А что надо Габаю? Зачем он, еврей, полез в это чужое для него дело?!» [Каминская 2006, 392].

Д. Каминская цитирует стихи И. Габая, которые помогли ей глубже проникнуть в его духовный мир, осознать подлинные причины его поступков: «Я хотел бы, чтобы боль чужая/ Жила во мне щемящей сердце болью (...)» [там же].

Дело о крымско-татарском самиздате стало последним политическим процессом, к которому была допущена адвокат Дина Исааковна Каминская. И хотя она больше не вела политических дел, но продолжала общаться с инакомыслящими, консультировала диссидентов по вопросам права, рекомендовала адвокатов.

Все диссиденты, кого защищала адвокат Д. Каминская, получили сроки, «спущенные суду сверху». Буковкский, Габай и Джемилев – по 3 года лагерей, Литвинов и Богораз – 5 и 4 года ссылки, соответственно, Галансков – 7 лет строгого режима. Но оценивая роль защитника на политических процессах и свое отношение к инакомыслию Д. Каминская обращает внимание на то «(...) что ставшая наглядной для всего мира неосновательность осуждения диссидентов в Советском Союзе стала возможна и благодаря адвокатам». «(...) Возможности защиты по политическим делам в Советском Союзе были чрезвычайно ограничены. И не столько пределами самоцензуры, которая довлела над каждым из нас, сколько тем, что советский суд не вправе признать неконституционность того или иного закона». «Я никогда не называла себя диссидентом.

Ни тогда, когда жила в Советском Союзе, ни, тем более, после того, как его покинула. Я не присваивала себе этого титула в силу его несомненной для меня почетности. Я всегда понимала разрыв между мужеством, которое требовалось для того, чтобы выйти на Красную площадь, демонстрируя свой протест против оккупации Чехословакии, и той степенью смелости, которой должен обладать адвокат, защищая этих людей. Но, защищая инакомыслящих, я считала, что тем самым участвую и в развитии правосознания советских людей, и в развитии всего правозащитного движения» [Каминская 2006, 62].

В январе 1973 г. сын Каминской и Симиса, Дмитрий, эмигрировал в США. Однако Дина Исаковна и ее муж решили остаться. Они ощущали кровную связь с Россией, считая, что должны разделить судьбу ее народа. Кроме того, Каминская не мыслила жизни вне адвокатуры и понимала, что отъезд из страны равнозначен потере любимой профессии. В то же время им давно, с 1967 г., было известно, что телефон «и каждый шорох в квартире прослушивается круглосуточно» [Каминская 2006, 267]. Среди друзей адвоката бытовало слово *индукция* вместо «длинного и неблагозвучного *прослушивание*». Если во время телефонного разговора «кто-нибудь говорил: – У меня телефон с *индукцией*, – всем было понятно, о чем идет речь» [Каминская 2006, 271].

Однако во второй половине 1970-х гг. за Каминской и Симисом была установлена так называемая «демонстративная слежка», цель которой – психологическое воздействие. В 1977 г., они подверглись допросам в КГБ, на мужа Каминской было заведено уголовное дело в связи с рукописью книги о коррупции, подготовленной к передаче на Запад, его уволили с работы и под угрозой ареста семья вынуждена была эмигрировать в США. Проработав в советском суде 37 лет, Дина Каминская следующие 30 лет своей жизни прожила вдали от Родины.

Библиография

- Alekseeva Lûdmila Mihajlovna. 1992. *Istoriâ inakomyšliâ v SSSR: Novejšij period*. Moskva: Vest', Vil'nûs: VITO [Алексеева Людмила Михайловна. 1992. *История инакомыслия в СССР: Новейший период*. Москва: Весть, Вильнюс: VITO].
- Belaâ knîga po delu A. Sinâvskogo i Ū. Daniëlä*. 1967. Sost. Ginzburg A. Frankfurt-na-Majne [Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля. 1967. Сост. Гинзбург А. Франкфурт-на-Майне: Посев].
- Bukovskij Vladimir. 1990. *I vozvrašaetsâ veter...* Moskva: IPF «Original» [Буковский Владимир. 1990. *И возвращается ветер...* Москва: ИПФ «Оригинал»].
- Sena metaforu, ili prestuplenie i nakazanie Sinâvskogo i Daniëlä*. 1989. Sost. Velikanova E.M. Moskva: Izdatel'stvo «Knîga» [Цена метафоры, или преступление и наказание Синявского и Даниэля. 1989. Сост. Великанова Е.М. Москва: Издательство «Книга»].

- Kaminskaâ Dina. 2006. *Zapiski advokata*. Moskva: Novoe Literaturnoe Obozrenie [Каминская Дина. 2006. *Записки адвоката*. Москва: Новое Литературное Обозрение].
- Kim Ūlij. *Udivitel'naâ ženšina*. V: <http://old.memo.ru/library/books/sw/chapt18.htm> [Dostup 19 V 2018] [Ким Юлий. *Удивительная женщина*. В: <http://old.memo.ru/library/books/sw/chapt18.htm> [Доступ 19 V 2018].
- Pravosudie ili rasprava? Delo o demonstracii na Puškinskoj plošadi 22 ânvarâ 1967 g. Sbornik dokumentov*. 1968. Red. Litvinov P. London: Overseas Publications Interchange, Ltd. [*Правосудие или расправа? Дело о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 г. Сборник документов*. 1968. Ред. Литвинов П. London: Overseas Publications Interchange, Ltd.].
- Rusina Ūliâ. 2015. *Samizdat VSSSR: teksty i sud'by*. V: <http://docplayer.ru/25979076-Yu-a-rusina-samizdat-v-sssr-teksty-i-sudby.html> [Dostup 19 V 2018] [Русина Юлия. 2015. *Самиздат в СССР: тексты и судьбы*. В: <http://docplayer.ru/25979076-Yu-a-rusina-samizdat-v-sssr-teksty-i-sudby.html> [Доступ 19 V 2018].
- Šubin Aleksandr Vladlenovič. 2008. *Dissidenty, neformaly i svoboda v SSSR*. Moskva: Veče [Шубин Александр Владленович. 2008. *Диссиденты, неформалы и свобода в СССР*. Москва: Вече].

Summary

CHARACTERISTICS OF SOVIET DISSIDENTS IN THE EMIGRANT'S *ATTORNEY'S NOTES* BY DYNA KAMINSKIIA

Dina Kaminskaya was a defense lawyer of Soviet dissidents and participated in the most famous political trials of the 1960s. She acted as a defense lawyer for the members of the human rights movement in the Soviet Union, the creators and disseminators of samizdat, those who organized protests and demonstrations, including the one on the Red Square in Moscow in August 1968. Leaving the USSR under the threat of arrest in 1977, in exile, she wrote a memoir, *Attorney's notes*, which was published in New York by the Chronicle-Press publishing house in 1984. Not only is the Soviet political judicial system with its ideological tricks vividly represented in this book, but also the portraits of those dissidents whom she knew personally and worked for as a lawyer.

Kontakt z Autorka:
iulia.rusina@urfu.ru

LITERATUROZNAWSTWO I PRZEKŁADOZNAWSTWO

Magdalena Dąbrowska
Instytut Rusycystyki
Uniwersytet Warszawski

DOI: <https://doi.org/10.31648/an.3633>

IWAN ŁOBOJKO W POLSKIM ŚRODOWISKU NAUKOWYM (DWA PODEJŚCIA DO TEMATU NA PODSTAWIE WSPOMNIEŃ)

Key words: Ivan Lobjko, Vilnius University, science, students, memoirs

Давно борюсь я с желанием записывать свои воспоминания. Правда, что жизнь моя не представляет ничего важного и ничем не разнится от обыкновенной жизни русского профессора, но я приучился наблюдать, и, может быть, то, что скажу о других и о том, что я видел и узнал, будет любопытно [Лобойко 2013, 205]¹.

Хотя я воспитан был получше, служил в столице, видел ученое общество, обращался с учеными, достойными писателями иностранными и русскими, но подле этих профессоров, которых я застал еще в Виленском университете, я чувствовал свое ничтожество. И что я мог значить подле братьев Снядецких, Иосифа Франка, Боянуса, Гроддека, старшего Юндзилла и Капелли? [Лобойко 2013, 69].

Najszerzy wgląd w spuściznę memuarystyczno-epistolograficzną Iwana Nikołajewicza Łobojki, filologa i historyka, profesora Uniwersytetu Wileńskiego, urodzonego w 1786 roku w guberni charkowskiej, zmarłego w 1861 w Mitawie, daje wydany w 2013 roku pod redakcją Abrama Rejtblata w serii „Rosja w Memuarach” tom *Moje wspomnienia. Moje zapiski*, poza pozycjami

¹ W dalszej części artykułu po oznaczeniu pochodzenia cytatu ze wspomnień Iwana Łobojki zostanie podany (po numerze strony) tytuł konkretnej pozycji z zebranej w zbiorze z 2013 r. spuścizny memuarystycznej autora. W przypadku pierwszego motto do niniejszego artykułu są to *Zapiski i wspomnienia (Записки и воспоминания)*, w przypadku drugiego – *Moje wspomnienia (Мои воспоминания)*.

tytułowymi obejmujący autobiografię uczonego oraz jego list do metropolity Jewgienija (Jewfimija Bołchowitinowa) z jesieni 1823 roku i wyciąg z listu do tegoż adresata z 12 kwietnia 1833. Z powodzeniem tom ten mógłby wyjść również w serii pod tytułem „Polska w Memuarach”, gdyby taka ukazywała się, w znacznym stopniu bowiem wspomnienia, notatki i listy Łobojki dotyczą polskiego życia naukowego oraz kulturalnego i kontaktów rosyjsko-polskich i polsko-rosyjskich w tych dziedzinach w pierwszej połowie XIX wieku. Korpus „polskich” tekstów Łobojki jest, rzecz oczywista, szerszy i obejmuje – jeśli pozostać w tym samym obszarze spuścizny – korespondencję z Samuelem Bogumiłem Lindem [zob. Лобойко 1888, 25-27], Joachimem Lelewelem [zob. Попков 1963, 215-227; Лобойко 2008, 179-202] i Zorianem Dołęgą-Chodakowskim [Лобойко 2007, 390-400]. Wspólne wydanie całości *Moich wspomnień* i *Moich zapisków* (wraz z dołączonymi do nich na zasadach aneksu impresjami *Zapiski i wspomnienia*) poprzedziły publikacje cząstkowe: rozdziałów *Moich zapisków* o pobycie Łobojki w Wilnie, przełożonych na język polski i skomentowanych przez Samuela Fiszmana w kontekście procesu filomatów [Fiszman 1953, 107-133; 1962, 9-43], a także rozdziału z *Moich wspomnień* o Tadeuszu Bułharynie i Józefie Sękowskim [Лобойко 2007a, 208] oraz *Moich zapisków* (bez *Moich wspomnień*) w opracowaniu Rejtblata [Лобойко 2008a, 81-176]. Problem udziału Łobojki w procesie wileńskiej młodzieży podjął później Jerzy Borowczyk [Borowczyk 2003]. Szczegółowe omówienie *Moich zapisków* w opracowaniu Rejtblata wyszło spod pióra Redy Griškaitė [Griškaitė 2013, 149-187], do którego z kolei ustosunkowała się Maria Prussak, podsumowująca badania nad Łobojką takim oto – szerszym w swojej wymowie – wnioskiem:

badania nad XIX-wiecznym życiem literackim na ziemiach byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego są prowadzone w czterech krajach – w Polsce, w Rosji, na Litwie i na Białorusi, ponieważ wszędzie tam znajdują się nie spenetrowane jeszcze do końca materiały archiwalne; odmienna perspektywa narodowościowa przyczynia się również do odmiennego często spojrzenia na te same teksty, co bez wątpienia jest sytuacją naukową płodną pod warunkiem, że teksty publikowane w jednym kraju będą czytane i komentowane w drugim [Prussak 2013, 149].

Łobojko przyciąga uwagę badaczy także innych tematów, w tym badaczy działalności Kondratija Rylejewa oraz Wolnego Stowarzyszenia Miłośników Literatury Rosyjskiej [Лобойко 1980, 46-49; Базанов 1964, passim].

Iwan Łobojko pozostawił wspomnienia w dwóch wariantach, w dużym stopniu względem siebie komplementarnych, ale niedopracowanych i niedokończonych, zbudowanych, według określenia Rejtblata, na zasadzie „łańcucha fragmentów” [Рейтблат 2013, 23]². Pierwszy został napisany w 1843 roku w Petersburgu. Drugi powstał w Odessie w 1856 na fali przemian w początkach panowania Aleksandra II, kiedy, jak pisze ten sam badacz, „ludzie poczuli wewnętrzną wolność i Łobojko mógł pisać swobodniej (...) o śledztwie

² Tu i dalej, o ile nie podano inaczej, przekład własny – M.D.

na Uniwersytecie Wileńskim i o zniszczeniu uniwersytetu” [Рейтблат 2013, 22-23]. Na tej wersji właśnie bazował Fiszman [zob. Prussak 2012, 86]. Uniwersytet Wileński, który w 1803 roku uzyskał szeroką autonomię i był największą szkołą wyższą nie tylko w zaborze rosyjskim, lecz także w całej Rosji, został zamknięty po stłumieniu powstania listopadowego ukazem Mikołaja I z 1 maja 1832 roku. Iwan Łobojko pracował w nim jako profesor języka i literatury rosyjskiej w latach 1822-1832. Od 1825 do 1827 roku pełnił funkcję dziekana Wydziału Filologicznego. Odtwarzanie wydarzeń sprzed lat dało autorowi możliwość zaznaczenia zarówno swojego dystansu wobec nich, jak i zmian w świecie dokonujących się wraz z biegiem czasu³.

Łobojko zaczął pracę na Uniwersytecie Wileńskim po wygranej w październiku 1821 roku konkursie na stanowisko profesora. Jego pierwsze kontakty z Polakami datują się jednak już na lata 1815-1816, gdy pracował jako urzędnik w Warszawie, a nawet wcześniej – na okres studiów na uniwersytecie w Charkowie, rozpoczętych w 1805 roku. W *Moich wspomnieniach* „po imieniu” nazwał polskich znajomych dopiero z okresu warszawskiego, z partii „charkowskich” wyłania się jedynie obraz bezimiennej kilkusobowej zbiorowości polskich studentów, w świadomości Łobojki zlewających się w jedną całość ze studentami węgierskimi, serbskimi i bawarskimi [Лобойко 2013, 44 – *Мои воспоминания*]⁴. W tym okresie Łobojko nie znał jeszcze języka polskiego, co więcej, na rynku w Berdyczowie, gdzie zatrzymał się w drodze do Warszawy, za język polski uznał mowę okolicznych chłopów małorosyjskich [Лобойко 2013, 44 – *Мои воспоминания*]. Pierwszym przedstawicielem nauki polskiej, z którym zetknął się i o którym wielokrotnie będzie wspominał, był Samuel Bogumił Linde. „Sława Schlözera i Lindego także (...) dotarła” – pisał o niemieckim historyku Auguście Ludwigu von Schlözerze i polskim leksykografie, który w chwili jego przyjazdu do Warszawy „zakończył już swoje wielkie dzieło [tj. *Słownik języka polskiego*, wydany w sześciu tomach w latach 1807-1814 – M.D.]” [Лобойко 2013, 44-45 – *Мои воспоминания*]. Do Wilna Łobojko udawał się z radą Józefa Sękowskiego i Tadeusza Bułharyna: „Jeśli chcesz odnieść sukces, naucz się po polsku i nie oczerniaj polskich pisarzy, jak to robił twój poprzednik” [Лобойко 2013, 68-69 – *Мои воспоминания*]⁵. Jechał też ze świadomością tego, iż jako przybysz z Petersburga może spotkać się z niechęcią ze strony polskich studentów. Przyczyny takiego stosunku upatrywał w nieznamomości języka rosyjskiego i Rosji, a także w znamionującej wszystkich

³ Zob. np. komentarz dotyczący znajomości języka rosyjskiego w Wilnie i okolicach przed laty i w chwili pisania wspomnień: „Студенты мои по большей части не умели ни читать, ни писать по-русски. (...) Вот на какой степени было за 20 лет познание русского языка в Литве, где ныне во всех училищах преподаются по-русски учебные предметы с таким же удобством, как и в коренной России” [Лобойко 2013, 69-70 – *Мои воспоминания*]. Por. pierwsze motto do tego artykułu.

⁴ *Moje zapiski (Мои записки)* rozpoczynają się od wyjazdu z Warszawy w 1816 r., nie ma w nich więc opisu pobytu w Charkowie i szerszej relacji z okresu warszawskiego.

⁵ Od 1805 r. profesorem języka i literatury rosyjskiej na Uniwersytecie Wileńskim był Iwan Czerniawski.

Polaków „pogardzie (...) dla wszystkiego, co nie jest polskie” [Лобойко 2013, 70 – *Мои воспоминания*]. Nowy wileński profesor zastosował się do rady i z pomocą jednego z najlepszych studentów Gotfryda Ernesta Groddecka zaczął naukę języka polskiego [Лобойко 2013, 71 – *Мои воспоминания*], którego znajomość była tym ważniejsza, że studenci w większości nie władali rosyjskim. Sam zaś Groddeck, znany filolog klasyczny, stał się dla niego wzorem interpretatora tekstów literackich, którego metody starał się wykorzystywać w odniesieniu do poezji rosyjskiej [Лобойко 2013, 71 – *Мои воспоминания*]. W ustępie wspomnień, w którym jest o tym mowa, nie pada nazwisko osoby uczącej go języka polskiego, ale wiadomo, że lekcji udzielał Mikołaj Malinowski, u którego Łobojko mieszkał i za sprawą którego poznał Adama Mickiewicza [Fizman 1962, 11]. W tym kontekście warto wspomnieć, po pierwsze, o Kajetanie Niezabitowskim, który, jak donosił Cyprian Daszkiewicz Joachimowi Lelewelowi, „Łobojkę miał uczyć po żmudzku” [zob. *Archiwum...* 1997, 322]⁶ oraz, po drugie, o wymianie listów między Łobojką i Mickiewiczem, w której pierwszy chwalił osiągnięcia młodego poety, a drugi dziękował mu za pochwałę [Mickiewicz 1998, 296, 298-299⁷; por. Fizman 1956, 18-19]. W chwili przyjazdu do Wilna Łobojko miał za sobą debiut publikacyjny, którym były okolicznościowe teksty wydane w Charkowie [Лобойков (sic!) 1811, 30-33]. Miejszem zamieszczenia pierwszych publikacji w nowym miejscu stał się „Dziennik Wileński” [Łobojko 1823, 145-157]. Działalność publikacyjną rozwijał tu także w kierunku dydaktycznym. Z myślą o młodzieży, przede wszystkim polskiej, wydał wybór poezji rosyjskiej, w przedmowie do niego zarysowując zasady doboru materiału do tego rodzaju publikacji [Лобойко 1827], a także przygotował zarys dziejów literatury rosyjskiej, który – jeśli udałoby mu się go wtedy ukończyć i oddać do rąk czytelników – stałby się, wedle przypuszczenia Rejtblata, „znaczącym osiągnięciem w rosyjskim literaturoznawstwie ze względu na to, że wyprzedziłaby go tylko *Próba historii literatury rosyjskiej* (1822) Nikołaja Grecza, o wiele mniej udana” [Рейтблат 2013, 19].

Krąg przedstawicieli świata nauki, o których wzmianki zawierają wspomnienia Łobojki, obejmuje kilkanaście osób. Są wśród nich przedstawiciele różnych pokoleń, z których wysoko cenił w szczególności generację starszą: Jana i Jędrzeja Śniadeckich, Józefa Franka, Ludwika Henryka Bojanusa, Gotfryda Ernesta Groddecka, Stanisława Bonifacego Jundziłła i Ludwika Alojzego Capelliego, „różniących się od młodego pokolenia profesorów wyglądem, poza, światowym obyciem oraz niezachwianą wiarą w swoją wiedzę i talent” [Лобойко 2013, 69 – *Мои воспоминания*]⁸. Środowisko naukowe tworzyły osoby różnej narodowości: Frank i Bojanus mieli pochodzenie niemieckie, Capelli był Włochem. Łobojko wymienia uczonych różnych specjalności:

⁶ Korespondencja C. Daszkiewicza. Listy do Joachima Lelewela [1827, d. 7 stycznia].

⁷ 107. List do Jana Czeczota [Kowno, 31 maja / 12 czerwca 1823]. 109. Do Iwana Łobojki [Kowno, 2/14 czerwca 1823].

⁸ Zob. drugie motto do tego artykułu.

językoznawców i bibliografów (Samuel Bogumił Linde), etnografów i archeologów (Zorian Dołęga-Chodakowski – jeden z prekursorów badań nad Słowiańszczyzną), historyków (Joachim Lelewel), przyrodoznawców i lekarzy (Józef Frank – organizator kliniki przy Uniwersytecie Wileńskim i współzałożyciel Wileńskiego Towarzystwa Lekarskiego, Ludwik Henryk Bojanus – prekursor nowoczesnej weterynarii), często łączących badania w kilku dyscyplinach (Jan Śniadecki – astronom, matematyk, filozof i geograf, Jędrzej Śniadecki – lekarz, biolog, chemik i filozof). Kryteriów klasyfikacji uczonych sportretowanych czy przynajmniej wymienionych przez autora można zastosować więcej, by wymienić z jednej strony etap rozwoju ich kariery czy z drugiej – stopień zażyłości z nimi Łobojki i sposób przedstawienia ich przez niego. Studia nad losami i spuścizną poszczególnych uczonych poszerzają jednocześnie wiedzę o dziejach instytucji naukowych, a także o działalności wydawniczej, księgarskiej i bibliotekarskiej.

Kontakty Łobojki z otoczeniem układały się różnie, chwile lepsze zmieniały się w gorsze, wyrazy uznania przeplatały z niechęcią. Ryszard W. Wołoszyński tak ujął ich dynamikę:

Katedrę uniwersytecką (w Wilnie – M.D.) uzyskał w październiku 1821 r. Iwan Nikolajewicz Łobojko. (...) Kandydaturę Łobojki popierał (Nikołaj) Rumiancew, przychylnie odnosił się do niego Linde, sympatyzowali z nim filomaci i bliski im Kazimierz Kontrym. Jednakże gorliwość Łobojki w szerzeniu znajomości języka oraz literatury rosyjskiej, a także skłanianie młodzieży wileńskiej do obejmowania stanowisk w głębi Rosji wywołały zrazu pewne ochłodzenie uczuć wobec nowego profesora. Nazbyt ambitne plany wykładowcy starał się zredukować Rumiancew, zalecając liczenie się z trudnościami i poprzestawanie na tym, co jest rzeczywiście możliwe do wykonania. Kryzys zaufania został przelamany już w 1823 r., gdy Łobojko wziął udział w pracach komisji uniwersyteckiej, powołanej do zbadania sprawy filomatów. Dochodzenia tej komisji zakończyły się orzeczeniami, które formalnie potępiły tajne stowarzyszenia, lecz zarazem uznały fakt zaprzestania działalności tych związków za wystarczający powód przerwania dalszego śledztwa [Wołoszyński 1974, 194-195].

Zapowiedziane w tytule niniejszego artykułu dwa sposoby ujęcia tematu „Łobojko w polskim środowisku naukowym” można określić umownie jako „zewnątrzny” i „wewnętrzny”. Pierwszy polega na zgromadzeniu opinii Polaków o Łobojce i następnie skonfrontowaniu ich z jego wspomnieniami, drugi zasadza się na zrekonstruowaniu opinii Łobojki o naukowcach polskich. Przy realizacji drugiego warto nie ograniczać się do przeglądu osób sportretowanych przez Łobojkę, ale także odpowiedzieć na pytanie, w jaki sposób były tworzone te portrety?

Najwcześniejsze źródło do studiów nad odbiorem Iwana Łobojki przez Polaków stanowi list Wincentego Pełczyńskiego do Józefa Jezowskiego z 11 marca 1821 roku z Petersburga:

Uwiadom, czy już ogłoszone konkursy wszystkie są odpisane i czy nie wlaźł kto nowy do hierarchii profesorów. Teraz ma być rozwiązany konkurs do katedry rosyjskiej; wiadom, kto palmę otrzyma. Posłał stąd jeden mnie znajomy, Łobojko, swoją rozprawę; nie zły to jest człowiek, trochę dziwaczny; rozumie trochę język polski [Archiwum filomatów 1913, 210].

Następne opinie – odnoszące się do działalności Łobojki już po dostaniu się do katedry – wyszły spod ręki Adama Honorego Kirkora, Mikołaja Malinowskiego i Tomasza Dobszewicza, zgodnie widzących w nim dziwaka i miernego wykładowcę, stały obiektem żartów studenckich:

Jan Łobojko, od roku 1822 języka i literatury rosyjskiej p. z. profesor, człowiek spokojnego charakteru i przykładnych obyczajów, dla ograniczonego jednak usposobienia i małej w uczuciach do języka i literatury rosyjskiej ochoty, mały w nich sprawił postęp [Sobarri 1874, 191].

Uniwersytet dostał nowego profesora literatury rosyjskiej, Jana Łobojkę, wielkiego nieuka, ale któremu zdawało się, że potrafi rozkrzewić zamięłowanie Litwinów w poezjach klasyków rosyjskich. Łobojko gardził Puszkinem, ale wyznawał bałwochwalczą cześć dla (Gawriiły) Dierżawina. Wnet (Wincenty Kiszka-) Zgierski ofiarował się tłumaczyć jego ody, jakoż w cudacki strój je przybrał, a Łobojko tak był dobrodusznym, że na każdej tłumaczonej stronie podpisywał: с подлинником верно i takie ody w pojedynczych broszurach w Wilnie przez cały rok wychodziły, a Zgierski nazywał je tomami [Malinowski 1907, 88].

O innych profesorach tego wydziału prawie i mówić nie warto. Profesor literatury rosyjskiej, Łobojko, był raczej przedmiotem żartów dla młodzieży niż nauczycielem. Dobroduszny, słabego charakteru, bez poczucia godności profesorskiej i ważności posady, bawił tylko i śmieszył, a niczego nie uczył, chociaż nie zbywało mu na wiadomościach odnoszących się do jego przedmiotu [Dobszewicz 1883, 91].

Osobne miejsce zajmuje relacja Edwarda Pawłowicza, bogata w materiał anegdotyczny, rzucająca światło nie tylko na relacje Łobojki ze studentami, ale także jego stosunki rodzinne:

Z moskali było dwóch. Paweł Kukolnik, znany później cenzor prasy polskiej, wykładał nie bez talentu historię; Łobojko język i literaturę moskiewską. Aby dać o ostatnim wyobrażenie, zacytuję następny fakt. Lekcja jego przypadała zwykle od 4 do 5 po południu. Razu jednego, a było to w późnej jesieni, gdy wśród deklamacji sławnej ody Dierżawina *Do Boga* (tj. *Bóg – M.D.*), chodząc wzdłuż sali, zauważył, że jeden z uczniów, a był nim znany później i powszechnie lubiany Jan Pilecki, korzystając z wieczornego zmroku i ciepłego kątko, zdrzemnął koło pieca, strudzony snać spóźnioną zabawą, którą lubił – zatrzymuje się śród swej deklamacji, staje przed nim i patetycznym tonem woła: „Jak to, tu gdzie radcy stanu wykładają lekcje, pan spis, pan śmiesz spać!... *Eto užasno!*” Był to zresztą dobry człowiek, rozkochany w swojej żonie, a więcej może w jej muzyce; przebaczył też wkrótce Pileckiemu, gdy ten wiedząc o tym, zmyśliwszy jakiś interes, w czasie, gdy pani Łobojkowa zwykła grywać, przyszedł do niego i dał się zdybać w przedpokoju, niby zasłuchany w grze

pani profesorowej. Rozumie się, że interes został załatwiony – i pokój zawarty [Pawłowicz 1883, 12]⁹.

Tymczasem sam Łobojko oceniał stosunki z polskimi studentami jako satysfakcjonujące, stwierdzał, że „w ciągu 18 lat pobytu w Wilnie nic nie naruszyło spokoju na (jego) wykładach”, wspominał o szacunku studentów do niego i o postrzeganiu jego wykładów jako „rezultatu dojrzałej refleksji, długich poszukiwań i obserwacji, obszernej lektury i dogłębnej znajomości swojego przedmiotu” [Лобойко 2013, 72 – *Мои воспоминания*]. Co więcej, zauważał, że „na (jego) wykłady chętnie przychodzili nie tylko studenci, ale także adiunkci i profesorowie, również ci, którzy dawno opuścili uniwersytet...” [Лобойко 2013, 165 – *Мои записки*]. Te i inne utrzymane w tym samym tonie wypowiedzi należy interpretować w kluczu autokreacji. Łobojko przedstawia się w nich jako wybijający się uczony i nauczyciel akademicki, autorytet dla studentów i naukowców, silna osobowość przyciągająca słuchaczy. Nie powinny nas zwiść także zapewnienia autora, iż jego życie nie różniło się niczym od życia przeciętnego profesora, a także postawione przez niego pytanie, kimże jest wobec braci Śniadeckich i innych polskich uczonych: pisał o tym raczej po to, by stworzyć swój wizerunek człowieka skromnego i pokornego, nie zaś po to, aby podkreślić swoją przeciętność i oddać cześć zasłużonym kolegom. Do analogicznego wniosku doprowadził Redę Griškaitė przegląd dorobku „wileńskiego” Łobojki: „obfitość publikacji nowego profesora (...), a także sama ich treść przypomina dobrze przemyślane przedstawianie się, swoistą reklamę: elita Wilna, przede wszystkim profesura uniwersytecka, powinna odnieść wrażenie, że w mieście tym zamieszkała nieprzeciętna, mająca szerokie kontakty naukowe i społeczne, wyjątkowo twórcza i energiczna osoba” [Griškaitė 2013, 153]. Zdaniem Ryszarda W. Wołoszyńskiego, Łobojko „posiadał (...) w większym stopniu zdolności popularyzatora i organizatora wymiany informacji naukowych niż samodzielne umiejętności badawcze” [Wołoszyński 1974, 362].

Zarówno w *Moich wspomnieniach*, jak i *Moich zapiskach* szerokie zastosowanie znajduje przedstawianie naukowców parami, na zasadzie „żywotów równoległych”. W taki sposób są prezentowane zwykle osoby o podobnych zainteresowaniach naukowych, a co najmniej reprezentujące tę samą dyscyplinę, często współpracujące ze sobą albo prowadzące polemikę. „Dwóch uczonych, przybyłych (...) do Petersburga, szukało opieki Towarzystwa. Jeden – Polak,

⁹ Mowa jest o Henricie von Klonman z Mitawy, poślubionej przez Łobojkę w 1829 r. [zob. Prussak 2012, 88-89]. Ponadto wiemy o tym, że wśród znajomych Łobojki krążyły słuchy o wcześniejszych romansowych historiach z jego udziałem; zob. ciąg dalszy przywołanego listu Cypriana Daszkiewicza do Lelewela: „Cenzor Niezabitowski czy nie ten sam Żmujdzin, który (...) potem nie wiem jaką grał rolę, gdy ten nowy literat zakochał się w Cholewińskiej (córce sędziego, właściciela Odachowa – M.D.) i cały czas przesiedział (...) u matki oblubienicy. (Ostatnich wakacji będąc w powiecie rościńskim (tj. rosińskim – M.D.), (...) mieszkałem czas jakiś w Odachowie, już cel uwielbił Łobojki posiadł Chomiński kapitan, ale listy przeszłego amanta jeszcze egzystują)” [Archiwum... 1997, 322].

drugi – Fin” [Лобойко 2013, 51 – *Мои воспоминания*] – pisał Łobojko o Zorianie Dołędze-Chodakowskim i Andreasie Sjögrenie. I drugi przykład: zestawienie Joachima Lelewela i Ignacego Daniłowicza: „Pragnąc sprawdzić swoją wiedzę historyczną o Rosji na Litwie i w Polsce, nieodzwrotnie powinienem zwrócić się do profesora historii i profesora prawa rosyjskiego i litewskiego. Byli to Lelewel i Daniłowicz” [Лобойко 2013, 79 – *Мои воспоминания*]. Wzmianki o nich odsyłają czytelników do następnych dwóch wymienianych razem uczonych, mianowicie Nikołaja Karamzina jako twórcy *Historii państwa rosyjskiego* i Joachima Lelewela jako jej recenzenta. Kwestie związane z Lelewelem należą do dobrze rozpoznanych, pozostawimy je zatem z boku, skupiając się na opisach Dołęgi-Chodakowskiego oraz Sjögrena. Bez względu na to jednak, którą linię tematyczną opartą na zasadzie „żywotów równoległych” prześledzimy w *Moich wspomnieniach* i *Moich zapiskach*, zyskamy wyobrażenie nie tylko o tym sposobie przedstawiania naukowców przez Łobojkę, lecz także o kierunkach prowadzonych badań i ich rezultatach, dziejach instytucji naukowych oraz ruchach kadrowych w ich obrębie.

Zorian Dołęga-Chodakowski i Andreas Johan Sjögren, fiński lingwista i historyk, znany jako prekursor badań nad Kaukazem [zob. *Основоположник...* 2010], zostali zaprezentowani przez Iwana Łobojkę w dwóch zwartych blokach w *Moich wspomnieniach* i *Moich zapiskach*. Każdy zaczyna się od wzmianki o ich podróżach naukowych (czy raczej badaniach terenowych) oraz krokach przedsięwziętych w Petersburgu w celu upowszechnienia wyników badań:

Зориан Долуга-Ходаковский желал совершить путешествие по древней России для проверки своих этнографических гипотез; для отыскания в России первых славенских поселений и пределов финского быта. Андрег Шегрен (...), доктор Абовского университета, желал посвятить себя исследованию народов финского племени, обитающих в России, и также желал найти пособия для этого ученого путешествия; первый представил председателю Общества замечания свои на первые три тома истории Карамзина, другой напечатал по желанию нашему на немецком языке исследование *Über die finnische Sprache* [Лобойко 2013, 51-52 – *Мои воспоминания*].

Андрей Шегрен (...), доктор философии Абовского университета, природный финн, прибыл в Петербург найти покровительство для обозрения финских племен, обитающих в России, начиная от Лапландии по берегам Северного океана до Уральских гор. Прежде всего надобно было ему обратить на себя внимание публики петербургской и сделаться известным Обществу соревнователей, которое, находя в докторе Шегрене человека, способного поднять сей важный труд, и не имея средств поддержать его, просило профессора Раска ходатайствовать о нем у графа Румянцева. (...) Зориан Ходаковский (...), червонорус, прошел пешком по всем тропинкам Червоноруссию, Волынь и Украину, для собрания народных песен, и вознамерился отыскивать древние жилища русских славян на рубежах иноплеменных народов, смешанных с ними. (...) Странствия свои желал он начать с Новгорода. Прибыв в Петербург, он сообщил свои идеи

Шишкову, Д.И. Языкову, Ф.Н. Глинке и Н. Гречу письменно, в выписках из своих исследований [Лобойко 2013, 138, 139 – *Мои записки*].

Dalsze fragmenty obu charakterystyk wypełnia opis rezultatów ich starań z zaznaczeniem problemu, z którym obaj się spotkali – wytknięto im mianowicie niewystraszającą znajomość języka rosyjskiego (w *Moich wspomnieniach* w przypadku Sjögrena, w *Moich zapiskach* – w odniesieniu do Dołęgi-Chodakowskiego). Oba „żywoty równoległe” kończą się wiadomością o śmierci (Dołęgi-Chodakowskiego w osobnym rozdziale w *Moich wspomnieniach*, Sjögrena w *Moich zapiskach*). Drogi naukowe przecięły się zresztą nie tylko w przypadku tych dwóch uczonych, lecz także samego Łobojki i Dołęgi-Chodakowskiego, współpracujących ze sobą w zakresie studiów językoznawczych nad obszarem Litwy (z wykorzystaniem metody ankietowej), których rezultatem stało się, jak pisze A. Каупуž, „zebranie bogatych danych na temat toponimiki zachodnich guberni Rosji” [Каупуж 1968, 55-57].

Wspomnienia Łobojki rzucają światło na rosyjsko-polskie oraz polsko-rosyjskie kontakty naukowe w wymiarze indywidualnym, grupowym (środowiskowym) i instytucjonalnym. To, co wileński profesor języka i literatury rosyjskiej, prowadzący badania również w innych dziedzinach, napisał o przedstawicielach polskiego środowiska naukowego oraz to, co Polacy napisali o nim, składa się na szeroką i barwną panoramę życia naukowego w pierwszej połowie XIX wieku. Sam Łobojko „obróśł” krańcowo różnymi opiniami. Pisano o nim zarówno w tonie poważnym, jak i kpiarskim, by – oprócz wypowiedzi przywołanych wyżej – wymienić list Józefa Sękowskiego do Joachima Lelewela z 5 stycznia 1824 roku, odnoszący się do jego badań językoznawczych¹⁰. Poprzez zastosowanie dwóch przedstawionych sposobów odczytywania materiału wspomnieniowego może prowadzić droga do sformułowania wypośrodkowanej oceny jego działalności, na którą wkroczyło już wielu badaczy Łobojki, ale jeszcze nie wszyscy [zob. Prussak 2012, 88]. Spod pióra wileńskiego profesora języka i literatury rosyjskiej wyszły nie tylko oceny polskiego środowiska naukowego, lecz także w ogóle Polaków jako narodu¹¹.

¹⁰ „Cytujesz (...) często z pochwałami Łobojkę, to jest dobre na Wilno, lecz nie na Petersburg; Łobojko wyśmienity skądinąd człowiek, przez swe etymologie i korzenie słów zasłużył nieco sobie na śmieszność w tym mieście; do tego mocno nawet przyłożył się Bułharyn sam z Greczem, obaj jego przyjaciele; lecz co gorsza na ten raz, że i Karamzin o tej śmieszności jest uwiadomionym, gdyż słyszałem go w roku przeszłym, drwiącego z Łobojki etymologii i Szyszkowa prezydenta Ros. Akad., (...) z tą różnicą, iż tamten miał wiele dowcipu, ten zaś jest zupełnie bez tego dodatku”. *List Sękowskiego do Lelewela. Petersburg, 5 stycznia 1824* [Jabłonowski 1913, 96].

¹¹ „Пороки польского народа – легковерие, мечтательность, леность, ветренность, презрение к немцам и русским, расточительность. Потом добрые их свойства. Вежливость, даже с слугами. Выборы дали каждому дворянину, тон и прием в обществе” [Лобойко 2013, 90 – *Мои воспоминания*].

Bibliografia

- Archiwum filomatów*. 1913. Cz. 1: *Korespondencja 1815-1823*. T. 3: *1820-1821*. Kraków.
- Archiwum filomatów. Listy z zesłania*. 1997. T. 1: *Krag Onufrego Pietraszkiewicza i Cypriana Daszkiewicza*. Red. Sudolski Z. przy współpr. Grzebień M. Warszawa: Ancher.
- Bazanov V. 1964. *Učonaâ respublika*. Moskva-Leningrad: Nauka [Базанов В. 1964. *Ученая республика*. Москва-Ленинград: Наука].
- Borowczyk Jerzy. 2003. *Rekonstrukcja procesu filomatów i filaretów 1823-1824. Historia śledztwa przeciw uczestnikom konspiracji studenckich i młodzieżowych w Wilnie oraz w Wileńskim Okręgu Naukowym*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza.
- Dobszewicz Tomasz. 1883. *Wspomnienia z czasów, które przeżyłem*. Kraków.
- Fiszman Samuel. 1953. *Wspomnienia Iwana Łobojki o procesie filaretów*. „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego” nr 2-3: 107-133.
- Fiszman Samuel. 1956. *Z problematyki pobytu Mickiewicza w Rosji*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Fiszman Samuel. 1962. *Archiwalia Mickiewiczowskie*. Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Griškaitė Reda. 2013. *Iwan Łobojko w historii i historiografii*. Tłum. Duškin M. „Pamiętnik Literacki” z. 2: 149-187.
- Jabłonowski Aleksander. 1913. *Pisma*. T. 7: *Rzeczy polskie*. Warszawa.
- Капуж А. 1968. *З. Доленга-Ходаковскій и И.Н. Лобойко*. „Sovetskoe slavânovedenie” № 5: 55-57 [Капуж А. 1968. *З. Доленга-Ходаковскій и И.Н. Лобойко*. „Советское славяноведение” № 5: 55-57].
- [Lobojko Ivan]. 1827. *Sobranije rossijskich stihotvorenij. V pol'zu ūnošestva vospitaemogo v Učebnom Okruge Imperatorskogo Vilenskogo universiteta*. Vilno [[Лобойко Иван]. 1827. *Собрание российских стихотворений. В пользу юношества воспитанного в Учебном Округе Императорского Виленского университета*. Вильно].
- [Lobojko Ivan]. 1888. [*Pismo S.B. Linde ot 16 maâ 1821 g.*]. W: *Sprawozdanie Dyrekcji C.K. Gimnazjum św. Jacka w Krakowie za rok szkolny 1888*. Kraków: 25-27 [[Лобойко Иван]. 1888. [*Письмо С.Б. Линде от 16 мая 1821 г.*]. W: *Sprawozdanie Dyrekcji C.K. Gimnazjum św. Jacka w Krakowie za rok szkolny 1888*. Kraków: 25-27].
- Lobojko Ivan. 1980. *Volnoe obšstvo ljubitelej russijskoj slovesnosti v Peterburge v 1824 g. pereg ego končinoj*. W: *Pisateli-dekabristy v vospominaniâh sovremennikov*. T. 2. Red. Iezuitov R.V., Levkovič Â.L., Mušina I.V. Moskva: Hudožestvennaâ literatura: 46-49 [Лобойко Иван. 1980. *Вольное общество любителей российской словесности в Петербурге в 1824 г. перед его кончиной*. W: *Писатели-декабристы в воспоминаниях современников*. Т. 2. Ред. Иезуитова Р.В., Левкович Я.Л., Мушина И.В. Москва: Художественная литература: 46-49].
- [Lobojko Ivan]. 2007. [*Pis'ma Z. Dolengie-Hodakovskomu 1822-1823*]. Red. Malaš L. W: *Dolenga-Hodakovski Z. Vybranae*. Minsk: Harvest: 390-400 [[Лобойко Иван]. 2007. [*Письма З. Доленге-Ходаковскому 1822-1823*]. Ред. Малаш Л. W: *Доленга-Ходакоўскі З. Выбранае*. Мінск: Харвест: 390-400].
- Lobojko Ivan. 1980a. *Bulgarin i Senkovskij*. Red. Rejtblat A.I. W: *Belarus' i belarusy u prastore i čase*. Minsk: Mižnarodnaâ asacyaŭca belarusistov. Poł'ski instytut u Minsku: 208 [Лобойко Иван. 2007a. *Булгарин и Сенковскій*. Ред. Рейтблат А.И. W: *Беларусь и беларусы ў прасторе і часе*. Мінск: Міжнародная асацыяцыя беларусістаў. Польскі інстытут ў Мінску: 208].

- [Łobojko Ivan]. 2008. *Pis'ma I. Łobojko I. Lelevelu*. Per. s polskiego Matwiejčik D. Red. Lavriniec P. W: *Vilna 1823-1824. Perekrostki pamâti*. Minsk: Limarius: 179-202 [[Łobойко Иван]. 2008. *Письма И. Лобойко И. Лелевелю*. Пер. с польского Матвейчик Д. Ред. Лавринец П. W: *Вильна 1823-1824. Перекрестки памяти*. Минск: Лимариус: 179-202].
- Łobojko Ivan. 2008a. *Moi zapiski*. Red. Rejtblat A.I. W: *Vilna 1823-1824. Perekrostki pamâti*. Minsk: Limarius: 81-176 [Łobойко Иван. 2008a. *Мои записки*. Ред. Рейтблат А.И. W: *Вильна 1823-1824. Перекрестки памяти*. Минск: Лимариус: 81-176].
- Łobojko Ivan N. 2013. *Moi vospominaniâ. Moi zapiski*. Red. Rejtblat A.I. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenije [Łobойко Иван Н. 2013. *Мои воспоминания. Мои записки*. Ред. Рейтблат А.И. Москва: Новое литературное обозрение].
- Łobojkov Ivan (sic!). 1811. [*Oda na smert' I.S. Rižskogo*]. W: *Izvestie o žizni i smerti profesora Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta Ivana Strpanoviča Rižskogo*. Har'kov: 30-33 [Łobойков Иван (sic!). 1811. [*Ода на смерть И.С. Рижского*]. W: *Известие о жизни и смерти профессора Императорского Харьковского университета Ивана Степановича Рижского*. Харьков: 30-33].
- Łobojko Iwan. 1823. *Groby olbrzymie na Żmudzi i inne zabytki starożytności tego kraju*. „Dziennik Wileński” t. 2, nr 6: 145-157.
- [Malinowski Mikołaj]. 1907. *Mikołaja Malinowskiego księga wspomnień*. Red. Tretiak J. Kraków.
- Mickiewicz Adam. 1998. *Dzieła*. T. 14: *Listy*. Cz. 1: 1815-1829. Wyd. rocznicowe. Warszawa: Czytelnik.
- Osnovopoložnik rossijskogo akademičeskogo kavkazovedenija akademik Andrej Mihajlovič Šogren. Issledovaniâ. Teksty*. 2010. Red. Isaev M.I. Moskva: IMLI RAN [Основположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шөгрен. Исследования. Тексты. 2010. Ред. Исаев М.И. Москва: ИМЛИ РАН].
- Pawłowicz Edward. 1883. *Wspomnienia znad Wilii i Niemna. Studia – podróże*. Lwów.
- Popkov B.S. 1963. *Ioachim Lelevel i ruskie učonye. (Novye materialy iz sovietskih arhivov)*. W: *Slavânskij arhiv. Sbornik statej i materialov*. Moskva: Izdatelstvo AN SSSR: 215-227 [Попков Б.С. 1963. *Иоахим Лелевель и русские ученые. (Новые материалы из советских архивов)*. W: *Славянский архив. Сборник статей и материалов*. Москва: Издательство АН СССР: 215-227].
- Prussak Maria. 2012. *Кłopoty z Iwanem Łobojką*. W: *Stolice i prowincje kultury. Księga jubileuszowa ofiarowana Profesor Alinie Kowalczykowej*. Red. Brzozowski J., Skrzypczak M. i Stanisz M. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Badań Literackich PAN: 85-94.
- Prussak Maria. 2013. *Archiwalia białoruskie, litewskie, rosyjskie i polskie. Z związku z artykułem Redy Griškaitė*. „Pamiętnik Literacki” z. 2: 149-150.
- Rejtblat Abram. 2013. *Slavânoved i primiritel' slavân*. W: *Moi vospominaniâ. Moi zapiski*. Red. A.I. Rejtblat. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenije: 5-24 [Рейтблат Абрам. 2013. *Славяновед и примиритель славян*. W: *Мои воспоминания. Мои записки*. Ред. А.И. Рейтблат. Москва: Новое литературное обозрение: 5-24].
- Sobarri [Kirkor Adam H.]. 1874. *Obrazki litewskie. Ze wspomnień tułacza*. Poznań.
- Wołoszyński Ryszard W. 1974. *Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801-1830*. Warszawa: PWN.

Summary

IVAN LOBOJKO IN THE POLISH SCIENTIFIC COMMUNITY (TWO APPROACHES TO THE SUBJECT ON THE BASIS OF MEMOIRS)

This paper consists of three parts: 1. The current state of research on Ivan Lobjko's memoirs (comments of Samuel Fishman, Abram Rejtlat, Marya Prussak, Reda Gruskaite); 2. The biography of Ivan Lobjko (born 1786 in Charkov, died 1861 in Mitau) and his contacts with Polish scientists (the community of Vilnius University, Samuel Bogumił Linde, Joachim Lelewel and others); 3. Two approaches to the subject "Ivan Lobjko in the Polish scientific community on the basis of his memoirs" (I. Lobjko, *Moi vospominaniya. Moi zapiski*, ed. A.I. Rejtlat, Moscow 2013): a) the "external" method – "The Poles about Lobjko", a comparison of Lobjko's memoirs and Poles' memoirs (A.H. Kirkor, A. Malinowski, T. Dobszewicz), b) the "internal" method – "Lobjko about the Poles", a reconstruction of the profiles of Polish scientists in Lobjko's memoirs (Zorian Dołęga Chodakowski and others).

Kontakt z Autorką:
m.dabrowska@uw.edu.pl

Daria Słupianek-TajnertDOI: <https://doi.org/10.31648/an.3634>

Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

ОБРАЗ «ЧЕРНОБЫЛЬСКОГО ЧЕЛОВЕКА» В *ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ МОЛИТВЕ* СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ

Key words: Svetlana Alexievich, Chernobyl, Chernobyl man, homo sovieticus

«Специфика травматических событий состоит в том, что невозможно о них рассказать, но одновременно о них рассказывать необходимо»¹ [Hundorowa 2017: 56]. Катастрофа в Чернобыле, несомненно, является такого рода травматическим событием, особенно тогда, когда мы смотрим на неё глазами пострадавших в ней людей. Светлана Алексиевич, прежде чем написать свою знаменитую *Чернобыльскую молитву*, выслушала истории-свидетельства нескольких сотен людей, переживших пожар и взрыв на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года. На представляемое ими событие можно посмотреть с разных точек зрения, учитывая, например, технологическую сторону или политический фон. Тамара Гундорова указывает также на конспирологическую или эсхатологическую трактовку событий в Чернобыле, а по отношению к книге С. Алексиевич она обращает внимание на то, что в анализируемом тексте Чернобыль «стал местом того, что травматическое, „невыражаемое” в культуре», наподобие, например, таких важнейших трагических событий прошлого столетия как Аушвиц, Хиросима или Холокост [Hundorowa 2017, 56]. Мы, однако, предлагаем сфокусировать внимание прежде всего на человеке, пострадавшем в результате катастрофы – как физически, так и ментально.

Цель настоящей статьи – воссоздать образ *чернобыльского человека*, зафиксированный в *Чернобыльской молитве* С. Алексиевич. Важно отметить, что появляющееся неоднократно в названном произведении выражение *чернобыльский человек* отсутствует в *Национальном корпусе*

¹ Перевод: D. Słupianek-Tajnert

русского языка, а в поисковых системах Интернета оно появляется только в контексте обсуждения книги С. Алексиевич. Этот факт позволяет считать выражение *чернобыльский человек* характерной чертой вербально-семантического уровня идиостиля, проявляющегося в *Чернобыльской молитве*. Прилагательное *чернобыльский* встречается в книге во многочисленных словосочетаниях, как, например, *чернобыльские пожарники*, *чернобыльская улица*, *чернобыльская лаборатория*, *чернобыльский народ*, *чернобыльская информация*, *чернобыльская земля*, *чернобыльский опыт*, *чернобыльские облака* и другие, но особую роль для смысла произведения играет именно *чернобыльский человек*, на судьбе которого сосредоточивается автор книги.

Можно задаться вопросом, кто это – *чернобыльский человек*. Данная формулировка применима, конечно, не только к человеку, который пострадал в чернобыльской катастрофе и пережил «антропологический шок» [Beck 1986], осознавая, что технология является угрозой для его жизни. Она также обладает большим коннотативным потенциалом. В книге С. Алексиевич анализируемая формулировка приводится в противоположность *нормальному человеку*: «Ты живешь... Обыкновенный человек. Маленький. Такой, как все вокруг – идешь на работу и приходишь с работы. Получаешь среднюю зарплату. Раз в год едешь в отпуск. У тебя – жена. Дети. Нормальный человек! И в один день ты внезапно превращаешься в чернобыльского человека. В диковинку! Во что-то такое, что всех интересует и никому неизвестно. Ты хочешь быть как все, а уже нельзя» [Алексиевич 2013, 29].

Наряду с оппозицией *чернобыльский человек* и *нормальный человек* в книге появляется противопоставление *чернобыльский человек* и *дочернобыльский человек*: «Вспоминаю первые впечатления, первые слухи... Перехожу из одного времени в другое, из одного состояния в другое... Отсюда – туда... Как пишущий человек, я задумывалась над этими переходами, они меня интересовали. Во мне словно бы два человека – дочернобыльский и чернобыльский. Но вот это „до“ сейчас трудно восстановить с полной достоверностью. Мое зрение поменялось...» [Алексиевич 2013, 128].

Взрыв на Чернобыльской АЭС стал для людей переломным моментом, после которого они потеряли свою прежнюю, нормальную, счастливую жизнь («Последний день нашей той жизни... Дочернобыльской... Такие мы счастливые!» [Алексиевич 2013, 16], они очутились как будто в другом мире, где правила существования пришлось выучить заново.

Потеря «нормальности» проявляется в разных жизненных ситуациях. Во-первых, согласно языковым данным, это смерть или потеря здоровья – как физического, так и психического. В книге часто приводится подробная информация о болезнях и смертях жертв катастрофы («Люди заболели от потрясения» [Алексиевич 2013, 116]), появляются детальные описания симптомов нарушения работы организма из-за лучевого поражения, например: «Ожоги выходили наверх... Во рту, на языке и щеках, сначала

появились маленькие язвочки, потом они разрослись. Пластами отходила слизистая, пленочками белыми. Цвет лица... Цвет тела... Синий... Красный... Серо-бурый...» [Алексиевич 2013, 16]. Оказывается, что лучевая болезнь влияет на овеществление *чернобыльского человека*, который становится *редким экспонатом* [Алексиевич 2013, 29], *радиоактивным объектом* [Алексиевич 2013, 15], *реактором*: «Это уже не человек, а реактор. Сгорите вместе» [Алексиевич 2013, 15].

Сам испытывая страх перед последствиями случившегося, *чернобыльский человек* также становится реальным источником страха для других людей. Его боятся как живого, так и мёртвого: «Ну, разные слухи: чернобыльцы и после смерти „светятся“... Ночью над могилами поднимается свет... Я сама читала, что могилы чернобыльских пожарников, умерших в московских госпиталях и похороненных под Москвой в Митино, люди обходят стороной, своих мертвых возле них не кладут. Мертвые мертвых боятся, не говоря о живых. Потому что никто не знает, что такое – Чернобыль» [Алексиевич 2013, 148].

Чернобыльский человек – это отверженный, которого другие чуждаются: «„Давайте свои кружки или стаканы“. До нас сразу не дошло... Стаканов, что ли, не хватает? Нет! Нас боятся... „Откуда?“ – „Из Чернобыля“. И человек боком-боком от нашего купе, детей не пускают, чтобы бегали мимо» [Алексиевич 2013, 62].

Светлячки, чернобыльские ёжики, заразные, живые страшилки или *чернобыльские «хибакуси»* – по аналогии с хиросимскими «хибакуси» (т.е. теми, кто выжил после Хиросимы) – это только примеры отрицательных ярлыков, наклеенных переселенцам из чернобыльской зоны. Из-за медицинских предпосылок чернобыльцам открыто отказывают в праве любить: «„Милочка, разве вы сможете родить?“ (...) „Милочка, для некоторых существует грех деторождения“. Грех любить...» [Алексиевич 2013, 63]; «Ты теперь чернобыльский. Кто за тебя замуж пойдет?» [Алексиевич 2013, 49].

С одной стороны, *чернобыльский человек* вызывает чувство страха, с другой – становится темой анекдотов, которых в книге С. Алексиевич приводится много, например: «Указ правительства о льготах чернобыльцам... Тому, кто проживает в двадцати километрах от станции, к фамилии добавляется приставка „фон“. Те, кто в десяти километрах, они уже – Ваша светлость. А те, кто возле станции выжили – Ваше сиятельство. Ну, вот и живем, Ваша светлость... Ха-ха...» [Алексиевич 2013, 33].

Пусть этот своего рода смех сквозь слёзы станет точкой отсчёта для дальнейшей характеристики *чернобыльского человека*, в которой необходимо учесть его духовный мир.

Масштаб атомной катастрофы, её непостижимость для людей, повлияли на то, что *чернобыльский человек* стал склонным к философствованию: «Просто фактов уже не хватало, тянуло заглянуть за факт, войти в смысл происходящего. Эффект потрясения! И я искала этого потрясенного

человека... Он говорил новые тексты... Голоса иногда пробивались, как будто сквозь сон или бред, из параллельного мира. Рядом с Чернобылем все начинали философствовать. Становились философами» [Алексиевич 2013, 21]. Можно предположить, что люди хотели постичь произошедшее, понять суть трагических событий, чтобы необъяснимое стало понятным, чтобы создать новые основы для безопасной жизни, найти внутреннее спокойствие. Оказывается однако, что эта цель недостижима: «А событие все равно выше нас, любого комментария...» [Алексиевич 2013, 89]. Ответы жертвы катастрофы искали также в вере: «Храмы опять заполнились людьми... Верующими и недавними атеистами... Искали ответов, которые не могли дать физика и математика. Трехмерный мир раздвинулся, и я не встречала смельчаков, которые бы снова могли поклясться на библии материализма. Ярко вспыхнула бесконечность» [Алексиевич 2013, 21].

Катастрофа вызывает у людей сильную чувствительность, у *чернобыльского человека* обостряется сентиментальный подход к некоторым аспектам жизни: он живо реагирует на разрушение старого порядка вещей, обращает внимание на элементы семейной традиции, обладающие особой индивидуальной символикой. Примером здесь может служить описание двери как семейной реликвии и талисмана: «Наша дверь... Наш талисман! Семейная реликвия. На этой двери лежал мой отец. Не знаю, по какому обычаю, не везде так, но у нас, сказала мне мама, покойника надо положить на дверь от его дома. Он так лежит, пока не привезут гроб. Я сидел около отца всю ночь, он лежал на этой двери... Дом был открыт. Всю ночь. И на этой же двери до самого верха зазубрины... Как я рос... Отмечено: первый класс, второй. Седьмой. Перед армией... А рядом – как рос уже мой сын... Моя дочь... На этой двери вся наша жизнь записана, как на древних папирусах. Как я ее оставлю?» [Алексиевич 2013, 29].

Нельзя пройти мимо ментальности *чернобыльского человека* – главной его чертой является господство чувства, которому разум уступает место: «Наша ментальность... Особый разговор... У нас на первом месте чувство. Это дает размах, дает высоту нашей жизни и в то же время губительно. А рациональный выбор для нас – всегда ущербный. Свои поступки проверяем сердцем, а не разумом» [Алексиевич 2013, 78]. *Чернобыльский человек* хочет разделить судьбу других, думая о них больше, чем о себе: «С точки зрения нашей культуры думать о себе – эгоизм. Слабость духа» [Алексиевич 2013, 78].

Самопожертвование особенно заметно в работе ликвидаторов катастрофы. Работающих над реактором вертолётчиков именовали *героями в небе, чернобыльскими соколами* [Алексиевич 2013, 78], дети хвастались своими папами – ликвидаторами аварии («А в школе я всем хвастался, что мой папа приехал из Чернобыля, он – ликвидатор, а ликвидаторы – это те, кто помогал ликвидировать аварию. Герои! Мальчишки мне завидовали» [Алексиевич 2013, 142]), наконец, ликвидаторы аварии – «Это ещё и люди

особой культуры. Культуры подвига» [Алексиевич 2013, 90], у которых просто появилась возможность «проявить мужество и героизм», а за их борьбой со стихией с восторгом следит общество, следят другие чернобыльцы: «Верили в высокие идеалы. В нашу победу! Победим Чернобыль! Навалимся – и победим. Взахлеб читали о героической борьбе по укрощению реактора, который вышел из-под власти людей» [Алексиевич 2013, 125].

С одной стороны, нельзя, конечно, отказать ликвидаторам в героизме при борьбе с пожаром на АЭС и устранении последствий трагической катастрофы. С другой стороны, *Чернобыльская молитва* заставляет сосредоточиться на обратной стороне медали, т.е. на определении ликвидаторов аварии как жертв. В книге обращается внимание на то, что они являются не только жертвами самого взрыва на АЭС (имея ввиду нарушение состояния физического здоровья или даже смерть), но и жертвами власти, системы, жертвами своей ментальности.

В *Чернобыльской молитве* зафиксировано определение ликвидаторов как овеществлённых *зелёных роботов*: «Радиоуправляемые манипуляторы часто отказывались выполнять команды или делали совершенно не то, так как их электронные схемы в высоких полях разрушались. Самыми надёжными роботами были солдаты. Их окрестили «зелеными роботами» (по цвету военной формы)» [Алексиевич 2013, 90]. О поведении тушивших огонь пожарников и ликвидаторов говорят, что оно *напоминает коллективное самоубийство* [Алексиевич 2013, 22] и провоцирует задать вопрос: «Так кто они все-таки: герои или самоубийцы? Жертвы советских идей и воспитания?» [Алексиевич 2013, 22].

В этом месте особенно заметным становится соприкосновение характеристик *чернобыльского человека с советским человеком – homo soveticus*, являющимся соединяющим звеном всех книг цикла *Голоса Утопии* С. Алексиевич, в том числе *Чернобыльской молитвы*.

Об отдельном типе человека – *homo soveticus* – писательница, сама чувствуя себя представительницей этого особого человеческого типа, рассказывает подробно в *Записках соучастника* в книге *Время секунд хенд* [Алексиевич 2013а]. Это люди, сформированные в социализме, представители разных стран Советского Союза, на воспитание которых огромное влияние оказала социалистическая идеология. Верность идее – особая черта *советского человека*, которая среди *чернобыльских людей* ярче всего проявляется в работе ликвидаторов аварии, работающих без защитной спецодежды, мирящихся с тем, что от них скрывают информацию о настоящих дозах радиации, радующихся – вопреки всему, получаемым правительственным грамотам и медалям.

«В газетах пишут... Чернобыль развалил империю, он излечил нас от коммунизма... От подвигов, похожих на самоубийство, от страшных идей... Я уже понимаю... Подвиг – это слово, которое придумало государство» [Алексиевич 2013, 109] – упомянутая роль катастрофы в распаде Советского

Союза неоднократно подчёркивается в тематической литературе. Оксана Забужко говорит о том, что события на АЭС стали духовой первопричиной приближающегося фактического распада советской империи [Radecka 2017, 111], Чернобыль – это символическое начало новой эпохи, связанной с перестройкой стран СССР [Boruszkowska 2017, 82]. Эти тенденции сильно отражаются также и в образе *чернобыльского человека*, характеристику которого нельзя отделить от общественных и политических реалий.

Чернобыльский человек, через призму отношения к нему представителей власти, чувствует себя обманутым, игнорируемым, даже пренебрегаемым. В тексте часто указывается на то, что *чернобыльский человек* вообще не информирован о настоящем масштабе случившегося, о степени повышения уровня радиоактивности, о получаемых реально дозах радиации и их воздействии на живые организмы: «Днями сидели у телевизора и ждали, когда Горбачев выступит. Власти молчали... Только когда отгремели майские праздники, Горбачев сказал: не волнуйтесь, мол, товарищи, ситуация под контролем... Пожар, просто пожар. Ничего особенного... Люди там живут, работают... Мы верили...» [Алексиевич 2013, 95]; «(...) с народом не общаться, панику не поднимать...» [Алексиевич 2013, 96]; «(...) людей обманывали. Обманывало государство. Вся информация стала тайной... Именно в то время, когда коротко живущие элементы давали жесткое излучение, и все „светилось”» [Алексиевич 2013, 103] – можно привести ещё множество подобных цитат.

Отсутствие своевременной информации об угрозе влияет на поведение людей – часто оно неадекватно ситуации: «Трактор стоял, а тракторист лежал на траве, отдыхал. „Вы с ума сошли? Разве вас не предупредили?” – „Так я же голову телогрейкой накрыл”, – отвечает. Люди не понимали. Их все время пугали, готовили к атомной войне. А не к Чернобылю...» [Алексиевич 2013, 106]; «Возвращаемся в Минск. На проспекте торгуют всю пирожками, мороженым, мясным фаршем, булочками. Под радиоактивным облаком...» [Алексиевич 2013, 131].

Рассуждая об образе *чернобыльского человека*, необходимо вспомнить об испытываемом им чувстве несправедливости и беззащитности. Катастрофа повлияла на то, что люди стали более критически относиться к представителям власти, самолично решающим их судьбу путём замалчивания событий на АЭС в Чернобыле:

«Какая власть! Безмерная власть одного человека над другим человеком. Это уже не обман, это война с невинными...» [Алексиевич 2013, 133].

Несмотря на все отрицательные последствия катастрофы, *чернобыльский человек* стремится найти положительные стороны ситуации, в которой он очутился. Ввиду того, что весть о катастрофе разнеслась по всему миру, её жертвы вправе считать себя более узнаваемыми представителями своей нации: «(...) Чернобыль... Что-то лепит он из нас. Творит. Теперь мы стали народом. Чернобыльским народом. А не дорогой – из России в Европу

или из Европы в Россию. Только теперь...» – говорит о белорусах одна из высказывающихся в книге героинь [Алексиевич 2013, 124]. Самую важную роль играет здесь осознание *чернобыльским человеком* объединяющей функции трагических событий на АЭС.

Всё сказанное выше – это, конечно, мозаичная картина *чернобыльского человека*. Техника монтажа, применяемая С. Алексиевич, позволяет познакомиться со многими судьбами, с историями людей, вносящими свою лепту в описываемое событие на АЭС в Чернобыле. Хотя каждая история заслуживает того, чтобы отнестись к ней индивидуально и на её основании приписать *чернобыльскому человеку* новую, особую черту, можно, однако, прийти к обобщающим выводам.

Чернобыльский человек – это не только человек, испытывающий страх из-за случившегося, но и человек, которого, как подтверждает цитируемый материал, боятся окружающие. Это человек-философ, жертва политической системы, человек, попираемый властью, человек незащитный, смирившийся со своей судьбой, но начинающий осознавать несправедливость по отношению к себе как к личности. Обманутый властью, медлящей открыто сказать о произошедшей катастрофе, *чернобыльский человек* в книге С. Алексиевич подтверждает своим отношением к событиям в Чернобыле, что духовой распад советской империи принимает всё более отчётливый характер.

В характеристике *чернобыльского человека* соматическая сторона (в контексте которой сосредоточиваемся, конечно, на влиянии облучения на состояние человеческого здоровья) уступает место психологической. *Чернобыльский человек* – это особый психологический тип человека, характер которого обусловлен вплетением в общественные и политические реалии, отражающиеся на его личной жизни. В контексте сказанного кажутся уместными слова профессора Збигнева Яворовского, выдающегося врача-радиолога, специалиста в области радиоактивного загрязнения и его влияния на организмы, члена комиссии, оценивающей последствия чернобыльской катастрофы 1986 года. По его мнению, уничтожение реактора в Чернобыле было крупнейшей психологической катастрофой в мирное время, а самый большой вред она нанесла не в телах, а в умах людей [Jaworowski 1996].

Общность испытаний и сила их эмоционального переживания придают *чернобыльскому человеку* особую психологическую характеристику.

Библиография

- Aleksievič Svetlana. 2013. *Černobyl'skaâ molitva. Hronika budušego*. V: https://www.litres.ru/svetlana-aleksievich/chernobylskaya-molitva-hronika-budushego/?track=from_all_books_my [Dostup 10 V 2018] [Алексиевич Светлана. 2013. *Чернобыльская*

- молитва. Хроника будущего*. B: https://www.litres.ru/svetlana-aleksievich/chernobylskaya-molitva-hronika-buduschego/?track=from_all_books_my [Доступ 10 V 2018].
- Aleksievič Svetlana. 2013a. *Vremâ sekond hend*. V: <https://www.litres.ru/svetlana-aleksievich/vremya-sekond-hend/chitat-onlayn/> [Dostup 10 V 2018] [Алексиевич Светлана. 2013a. *Время секунд хенд*. B: <https://www.litres.ru/svetlana-aleksievich/vremya-sekond-hend/chitat-onlayn/> [Доступ 10 V 2018]
- Beck Ulrich. 1986. *Der anthropologische Schock. Tschernobyl und die Konturen der Risikogesellschaft*. „Merkur, Deutsche Zeitung für europäisches Denken” No 8: 653-663.
- Boruszkowska Iwona. 2017. *Mapowanie apokalipsy – pustka i ślad czarnobylskiej zony w narracjach poczarnobylskich*. B: *Po Czarnobylu*. Red. Boruszkowska I., Glinianowicz K., Grzemska A., Krupa P. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: 80-89.
- Hundorowa Tamara. 2017. *Gatunek czarnobylski: wyparcie realnego i nuklearna sublimacja*. B: *Po Czarnobylu*. Red. Boruszkowska I., Glinianowicz K., Grzemska A., Krupa P. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: 55-66.
- Jaworowski Zbigniew. 1996. *Jak to z Czarnobylem było*. „Wiedza i Życie” nr 5. B: <http://archiwum.wiz.pl/1996/96052000.asp> [Dostęp 7 V 2018]
- Po Czarnobylu*. 2017. Red. Boruszkowska I., Glinianowicz K., Grzemska A., Krupa P. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Radecka Aniela, *Duchowy rozpad ZSRR. W stronę twórczości literackiej Oksany Zabuzko*. B: *Po Czarnobylu*. Red. Boruszkowska I., Glinianowicz K., Grzemska A., Krupa P. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: 105-112.

Summary

AN IMAGE OF A “CHERNOBYL MAN” IN *CHERNOBYL PRAYER* BY SVETLANA ALEXIEVICH

This article is an attempt at recreating the portrait of a “Chernobyl Man” created by Svetlana Alexievich in *Chernobyl Prayer*. The “Chernobyl Man” is a certain psychological type whose psychological portrait is drawn based on their entanglement in the current social and political realities. On the one hand, the “Chernobyl Man” is a typical representative of a homo sovieticus – an individual displaying boundless devotion to the state. On the other hand, this type of man through their relationship with the world is living proof of the spiritual disintegration of the Soviet empire.

Kontakt z Autorką:
daria.slupianek@amu.edu.pl

Татьяна Александровна Шарыпина DOI: <https://doi.org/10.31648/an.3635>
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ДИЛОГИИ ЮРИЯ БРЕЗАНА О КРАБАТЕ

Key words: interpretation, postmodernism, intertext, the author's myth, reception

Своеобразным пророчеством о путях развития литературного процесса в Германии XX и текущего XXI столетий стали слова Фридриха Ницше из речи, произнесенной им в 28 мая 1869 года в Базеле: «*Philosophia facta est, quae philologia fuit*. Этим я хочу сказать, что каждая филологическая деятельность должна быть включена в философское мировоззрение, в котором всё единичное и частное испаряется как ненужное и остаётся нетронутым лишь целое и общее» [Ницше 2000, 22].

Интеллектуальная наполненность произведения искусства – отличительная черта художественного сознания современности – приобретает особое значение в немецкой литературе. Полный трагических катаклизмов исторический путь Германии ушедшего столетия послужил своеобразным катализатором развития философских тенденций в немецком искусстве новейшего времени. Не только конкретный жизненный материал, но и весь арсенал философских и этико-эстетических теорий, выработанных человечеством, используется в новейшей немецкой литературе для моделирования авторской концепции мира и места человека в нем. Одна из причин глобальной интеллектуализации культуры, и в частности романа, заключается в естественном желании человека среди эсхатологических предсказаний найти путеводную нить, определить своё историческое место и время.

Третьего октября 1990 года произошло событие, которого на протяжении сорока пяти лет ждали по обе стороны Берлинской стены, – Германия стала единой. Немцы вновь оказались «в общем доме».

Долгожданное объединение принесло новые проблемы и поставило новые вопросы, по-разному оцениваемые в различных слоях общества объединенной Германии, прежде всего, в среде бывшей восточногерманской интеллигенции, вызвав к жизни такой психологический феномен, как «остальгия», порожденный чувством утраты привычных ценностей (солидарность, задушевность, общность) «осси» и теми психологическими и социальными проблемами, которые неизбежно возникли после эйфории быстрого воссоединения. В этом контексте проблема национальной идентичности приобрела новую злободневность, поскольку актуален стал вопрос о разнице в менталитете немцев разных поколений, а также о возможности согласия людей, долгое время разделенных Берлинской стеной. Литература Германии в целом оказалась подготовлена к дискуссии о важнейшей национальной проблеме. На примере ряда прозаических произведений К. Вольф, Ю. Брезана, Г. Грасса, М. Вальзера, Й. Шпаршу, У. Телькампа, Л. Зайлера, Ф.К. Делиуса, акций и проектов, сценических постановок Х. Мюллера, Б. Штрауса, Ф. Брану стали очевидны дезинтеграционные и интеграционные процессы в немецком обществе и культуре конца XX и текущего XXI столетий. Важным явлением социокультурного и литературного пространства современной Германии, подлежащим осмыслению, освещению и изучению, вызывающим определенное напряжение в немецком обществе, стал мультикультурализм, выражающийся во все более усиливающемся притоке выходцев из других стран, в том числе и писателей, живущих теперь в Германии и пишущих на немецком языке (Саид, Ф. Займоглу, А. Ницберг и др.). Однако явление мультикультурализма присуще немецкой культуре с древнейших времён. Одной из важных в изучении немецкой ментальности является проблема включенности славянской составляющей в общее культурное поле. Так, например, неотъемлемой частью её издавна была серболужицкая литература, связанная с тысячелетним противостоянием и одновременно сосуществованием и культурным взаимодействием с немецкой социокультурной традицией¹. Проблемы межкультурной коммуникации, включающие вопросы изучения национальной ментальности, констатируются и активно исследуются европейской научной общественностью на форумах разного уровня. Так, только польскими учёными Варминско-Мазурского университета в Ольштыне за последнее время были проведены научные форумы XV-XX Международные Славянские Конференции «Польские и восточнославянские языковые, литературные и культурные контакты: история, настоящее состояние, перспективы» (2013-2018 гг., Ольштын), а также Международные конференции из цикла «Между словами, между мирами» на тему «Межкультурная коммуникация в контексте

¹ Подробно об этом см. Шарыпина 2014, 215-224.

современной транслотологии» (Ольштын, 2014-2017 гг.), перспективность и продуктивность которых была не в малой степени связана с изучением польско-восточнославянских, польско-русских языковых, польско-германских литературных и культурных контактов, вопросов мультикультурализма.

Ярким представителем культуры лужицких сорбов является Юрий Брезан (Jurij Brězan, 1916-2006). С юности Ю. Брезан занимал четкую антифашистскую позицию, о чём вспоминал впоследствии в одном из автобиографических эссе. Он был участником лужицкой группы Сопротивления, сидел в тюрьме, а потом был мобилизован и отправлен на фронт. После войны Ю. Брезан становится организатором и руководителем лужицкой молодёжи. Его широко известный роман-эпопея о пути исканий Феликса Хануши не отражает, однако, в полной мере своеобразие художественного мира Юрия Брезана. Его творческий потенциал, способность сквозь призму сиюминутных затруднений увидеть вечные проблемы бытия человеческого раскрылись в дилогии о сорбском фольклорном герое Крабате, первый том которой *Крабат, или Преображение мира* (Brězan J. (1976) *Krabat oder Die Verwandlung der Welt*), вышедший одновременно на сорбском и немецком языках, во многом отражает сложные проблемы включенности славянской (сорбской) составляющей в общее культурное поле немецкой государственности и многовекового противоречивого сосуществования славянской и германской ментальности.

Роман о Крабате появляется как раз в то время, когда после известного *Письма министру культуры* (*Brief an den Minister für Kultur*, 1964) Франца Фюмана начинается широкое движение в литературе Восточной Германии, характеризующееся зрелым пониманием специфики художественной литературы и многообразия функций художественного творчества в общественном сознании. Это в свою очередь поставило на повестку дня вопрос о закономерности и правомерности многообразия писательских манер, о нерегламентированной циркулярами интенсивности творческих поисков, о границах условности и приёмах фантастики в художественном произведении. Одновременно активизируется творческий интерес к наследию немецкого романтизма, начиная с 30-х годов, под влиянием Д. Лукача, полярно противопоставлявшего классике в духе критического реализма XIX или эстетике Веймарского классицизма И. В. Гёте и Ф. Шиллера. Дискуссии о романтизме, о сочетаемости реализма с приёмами условности и фантастики возникали ещё в середине 30-х годов в выступлениях и статьях, переписке Д. Лукача с А. Зегерс и Б. Брехтом. Однако до начала 70-х годов позитивная роль наследия раннего философского романтизма, немецкого экспрессионизма, неомифологизма, модернистских, а впоследствии и постмодернистских течений в философии и литературе XX века официальным литературоведением

Восточной Германии отрицались. Следует, однако, отметить, что столь популярная в мировой литературе постмодернистская тенденция в своём чистом виде (за редким исключением – Бото Штраус, Патрик Зюскинд) всё же не нашла на немецкой почве, в литературном сознании Германии существенного развития. Это связано, думается, прежде всего, с тем, что традиционно в немецкой литературе была сильна просветительская, в лучшем смысле этого слова, ориентация, философская и нравственная глубина, стремление приобщиться как к тайнам вселенского бытия, так и к своим истокам. Трагизм пути Германии в XX веке стимулировал эти тенденции. Однако наиболее талантливые авторы Германии (Ю. Брезан, К. Вольф, И. Моргнер, Ф. Фюман, Х. Мюллер, Ф. Браун, Л. Зайлер, Б. Штраус, Б. Шлинк и др.) творчески использовали и используют поэтологические стратегии постмодерна, расширяя смысловые горизонты своего творчества. Характерные для постмодерна приёмы, связанные прежде всего с уходящими в бесконечность интертекстуальными связями, имеются в романе Ю. Брезана, однако не для ироничной игры с читателем, как в канонических произведениях постмодернистов. Тем не менее, все оттенки иронии присутствуют в авторском повествовании в различных своих проявлениях. Интертекстуальная подоснова романа Ю. Брезана позволяет расширить коммуникативное пространство, подключив смысловые пласты по сути всех времён и народов, выбрав из них знаковые как для сорбского, так и для немецкого менталитета исторические эпохи и личности, литературные произведения, мотивы, образы: «Со времени великого восстания лужичан в 1010 году у нас не было истории. Большая история нашего народа складывалась из тысяч маленьких историй, размером в жизнь лужичанина. Лучшие черты героев этих историй я и хотел воплотить в образе Крабата, имеющим обобщающее значение» [Брезан 1987, 13].

Благодаря интертексту топос и хронотоп романа не имеют границ, уходя от библейских времён в будущие времена. Эта особенность поэтики дилогии Ю. Брезана идёт в русле общей тенденции романного творчества XX-XXI вв., в котором особое место, начиная с романного цикла Марселя Пруста, занимает проблема времени. Время в романах зачастую не только дискретно, лишено линейного непрерывного развития, но из объективной физической и философской категории превращается в субъективную. В этом сказалось несомненное влияние, как философской концепции А. Бергсона, заменившего время как объективную реальность субъективно воспринимаемой длительностью, в которой нет четкой грани между прошлым, настоящим и будущим, они взаимобратимы, так и знаменитой субъективной эпопеи М. Пруста *В поисках утраченного времени*. Всё это оказывается востребованным в искусстве XX века, достаточно вспомнить такие шедевры, как *Жан-Кристоф* Р. Роллана или *Волшебную гору* Томаса Манна.

Интертекстуальное пространство романа Ю. Брезана имеет несколько культурных пластов. Писатель обращается к Священной библейской истории, к миру серболужицких и немецких сказок, образам греко-римской мифологии, немецким народным книгам и шванкам, шедеврам классической литературы: М. Сервантес, Д. Дидро, Э.Т.А. Гофман, А. Франс, Р. Роллан, А. Камю и т.д. В причудливых историях Крабата и его вечного спутника Якуба Кушка прежде всего прочитываются сюжеты из немецких народных книг о шильдбюргерах и Тиле Уленшпигеле. Как и Тиль из легенд, Крабат, особенно в ранних произведениях Ю. Брезана *Мастер Крабат* (1955) и *Черная мельница* (1968), представляет собой тип веселого мошенника, отнюдь не идеального героя и образца для подражания. Похождения сорбского Крабата, как и героя фламандского и немецкого фольклора Тиля Уленшпигеля, могут восприниматься в контексте Реформации, поскольку поступки и проказы героя подрывают основы мира Средневековья. Как и Тиль, Крабат – странник, вечно находящийся в пути, воплощающий в себе дух независимости, свободы и личной инициативы. Постепенно легендарный Тиль Уленшпигель становится символом сопротивления испанскому владычеству. В первой части дилогии Крабат как герой серболужицкого фольклора также отстаивает самостоятельность и самобытность сорбского народа в борьбе с Вольфом Райсенбергом. Тиль Уленшпигель наделяется народной традицией бессмертием, пробуждаясь на собственных похоронах. В дилогии Ю. Брезана мифическая биография Крабата уходит в бесконечность: он не только присутствует при создании мира Творцом, но и был распят на кресте. Его ипостась сливается со Спартаксом, Яном Гусом, он один из первооткрывателей Америки, он сражается с турками под Веной и штурмует с гуситами Бауцен. Он изобретал колесо и открывал Северный полюс, брал Бастилию и даже якобы упокоился на кладбище Пер-Лашез. Фольклорный Крабат ведёт своё начало из времён Тридцатилетней войны, но герой Брезана масштабнее своего прототипа: «Однако и ныне – как и во все времена – встречаются люди, которые почитают обувную или, к примеру, шляпную коробку чуть ли не священным саркофагом и объявляют ересью всё, что в ней не помещается. Эти-то люди и завладели свидетельствами о жизни Крабата; они кромсали, пилили и рубили до тех пор, пока то, что осталось, не уложилось без труда в шляпной коробке их реальности. Из этого жалкого обрубка явствует, что Крабат родился вскоре после Тридцатилетней войны (...). Всё это звучит вполне правдоподобно и убедительно для людей, предпочитающих иметь дело с гладким и округлым плодом чьей-то фантазии, а не с грубой и шероховатой плотью реальности и считающих жизнь волшебника Крабата всего лишь нарушением нормального хода вещей, по которому заключительное „спасение“ его души, в сущности, не имеет никакого отношения к Крабату и пришивается белыми нитками лишь

для того, чтобы в конечном счёте свести необычайное к обыкновенному (...)» [Брезан 1987, 110]. Интертекстуальность не усложняет чтения романа, который может быть прочитан с интересом и неискушенным в шедеврах мировой литературы человеком. Содержание произведения, тем не менее, раскрывается во всей полноте только для интеллектуально обогащенного читателя.

У каждого народа, есть имя, духовные и творческие ориентиры которого освещают дальнейшее развитие культуры, невзирая на время. Безусловно, для англичан это имя Шекспира, при всех спорадически возникающих спорах о подлинности его личности. Для немцев – это И.В. Гёте. Нет, пожалуй, такого немецкого автора, который бы так или иначе не подражал, не развивал традиции или не соревновался с И.В. Гёте. В романе отчетливо просматривается волнующая автора фаустианская дилемма о первичности Слова или Дела. Однако нового Фауста занимает не проблема, что из них первично, а их взаимосвязь: слово, написанное или произнесенное, отражается в делах, а дела следуют за словом. В сложной системе двойников всех времен и народов образ Крабата, ищущего смысл жизни, сливается с образом Фауста, жаждущего познания, а также с образом вечного странника Одиссея. Соотнесение привычных ролей вечных образов приводит подчас к «странным сближениям»², дающим традиционным мифическим и литературным образам новую трактовку, дополнительное значение. Так, Крабат – Ян Сербин (его инвариант в современности) в своей ипостаси Фауста сближается с образом греческой мифологии – Гераклом. Ян Сербин, рассуждая о своем предназначении на земле и проводя аналогию между своими исканиями и стремлениями Фауста, замечает: «И, в конце концов, „кто жил, трудясь, стремясь весь век, достоин искупленья”. Искупленья – от чего и для чего? Чем дольше я об этом думаю, тем меньше я понимаю как раз это место, я всегда подозревал, что Фауст выступает здесь в роли Геракла и в награду за сверхчеловеческие усилия милостиво возводится в ранг полубога или вроде того, миф и выдумка - в ранг решения, а человек остается человеком – ибо прах ты и в прах возвратишься» [Брезан 1987, 191]. Однако реминисценции из Гёте – это лишь один из смысловых векторов романа. Наличие двойников у Крабата и его современной ипостаси – Яна Сербина с очевидностью отсылает читателя к поэтике произведений Э.Т.А. Гофмана и йенских романтиков. Одно из приключений героев романа – посещение Города Слепых, в который попадают Крабат и Якуб Кушк в поисках Страны Счастья, также заставляют вспомнить о новеллах Э.Т.А. Гофмана. Противопоставление естественного зрения и механического, неистинного видения при помощи искусственных глаз, искажающих

² Выражение А.С. Пушкина из *Заметки о графе Нулине* (1830).

подлинную природу и суть вещей и способствующих ложному знанию, встречаются в его новеллах *Песочный человек, Пустой дом, Автоматы*.

Мифическая биография Крабата, поступки героя и сложная проблема выбора, стоящая перед ним во все времена, заставляет вспомнить философское эссе Альбера Камю *Миф о Сизифе* (1942). В качестве своеобразного заключения к которому А. Камю предлагает притчу о древнегреческом герое Сизифе, истолкованную в экзистенциальном духе. Притча о Сизифе, как и древний миф об этом герое, обладает различными толкованиями и интерпретациями. Наказание героя в притче А. Камю бессмысленно по самой сути, но, сознавая всю его абсурдность и не прося богов о пощаде, Сизиф одной своей ясностью ума выносит обвинение своим мучителям. Так и Крабат в дилогии Ю. Брезана, понимая трагичность и противоречивость человеческого существования, готов повторять свой подвиг во имя справедливости бесконечно, осознавая, что в конце пути будет вновь мучительно распят.

Обращение к классике в литературе Восточной Германии 70-80-х гг. было связано и с отказом от правил нормативности в освоении культурного наследия. Произведения прошлого воспринимаются не как нормативный образец, а как своеобразный «банк идей», плодотворно работающий в условиях современности. Этот процесс находит отражение в многочисленных интерпретациях как самих произведений, так и отдельных сюжетных мотивов, образов, оригинальных театральных инсценировках, по сути ведёт к использованию интертекстуальных взаимосвязей. Проблемы освоения и интерпретации классического наследия, а также связанные с ними вопросы обогащения жанровых и стилистических форм, по сравнению с «аскетичностью» литературы 50-х – начала 60-х годов, поднимаются А. Зегерс, И. Бобровским, К. Вольф, Ф. Фюманом, а также Ю. Брезаном, художественная практика которого этого периода является тому ярким подтверждением. Литература Восточной Германии как бы обретает новую функцию, очень точно названную Д. Шленштедтом функцией «коллективного самоосмысления».

Обращает на себя внимание тот факт, что освоение глубин мирового наследия человечества писателями Восточной Германии зачастую начиналось со сказок. Это относится не только к творческой практике Ю. Брезана, но и И. Моргнер, Ф. Фюмана, эволюция творческой манеры которого от мира сказок к вселенной мифа напоминает эволюцию художественного мира Ю. Брезана. В первых книгах о Крабате (обработка сказки лужицкого писателя М. Новака-Нехорнского *Мастер Крабат*, 1955; *Черная мельница*, 1968) этот персонаж во многом похож на героя волшебной сказки, чётко разделяющего черное и белое, добро и зло. Кстати, при создании образа юного Крабата здесь прослеживается интертекстуальная связь с балладой Гёте *Ученик чародея*.

Подобную творческую эволюцию переживает и Франц Фюман, очень рано проявивший интерес к фольклорному, сказочному наследию. Особенность эта связана во многом с уникальным местом рождения писателя: у подножия Судетских (Исполиновых, Riesengebirge) гор, где издавна соединялись традиции немецкой, австрийской, славянской культур, в особенности их фольклор, что нашло преломление в творчестве будущего писателя. После окончания войны и антифашистской школы в России и последовавшим за этим переосмыслением ценностей и событий немецкой истории и культуры, у Ф. Фюмана возникает мысль очистить классическое наследие прошлого, прежде всего, мифы, сказки и легенды древнегреческого и германских народов от ложных истолкований и спекуляций нацистских идеологов. Самому Ф. Фюману в 1950-1960-х гг., всегда искавшему непреложную истину и опору в наследии прошлого, как и Ю. Брезану этого периода, больше импонировала «мудрость сказки» с её безыскусностью и бескомпромиссностью и извечной победой доброго начала над злым. Не случайно именно в это время появляется поэтический сборник *Направление сказок (Richtung der Märchen. Gedichte, 1962)*. Однако уже в нем у Ф. Фюмана появляется стремление всмотреться пристальнее в «направление сказок». Это приводит писателя к своеобразному «остранению» смысла привычных сказочных сюжетов. Ф. Фюман концентрирует внимание на том, что победе над злом в сказке, как правило, предшествует сошествие в бездну, иногда чрезвычайно мучительное для героя и требующее от него чрезмерных, чрезвычайных усилий [Fühmann 1993, 2, 60]. Эти высказывания писателя очень напоминают размышления Крабата и его современной ипостаси – Яна Сербина, не принимающих бескомпромиссное деление мира человеческого и вселенского на «черное» и «белое», Свет и Тьму, о чём неоднократно напоминает нам как писатель, так и его герой. Не сказочный волшебник из *Черной мельницы*, а герой созданного писателем мира авторской мифологии Крабат из дилогии Ю. Брезана понимает, что без Тени нет Света и черно-белое представление о мире – примитивно. Даже в момент победы над антагонистом Вольфом Райсенбергом (одна из современных ипостасей – Линдон Хоулинг) в первой части дилогии Крабат-Сербин замечает: «Оба пространства (Свет и Тьма – Т.III.) столкнулись друг с другом и перемешались, иногда казалось, что это черная пустота и обычный день с простой маленькой песенкой были не пространством, а временем – вечером и утром. И вполне естественно, что чем выше всходило солнце, тем короче становились тени и теснее жались к предметам, свет утратил мягкость, у роз выросли шипы, и земля уже не была девственной и нетронутой» [Брезан 1987, 429].

Концепция эта получает развитие во второй части дилогии – *Krabat oder Die Bewahrung der Welt (Крабат, или Сохранение мира, 1993)*, написанной спустя двадцать лет, уже после объединения Германии.

Не бескомпромиссная борьба антагонистов, их двойников и потомков и полное преобразование мира, по убеждению умудренного жизненным опытом и примерами мировой истории писателя, а бережное его сохранение поможет человеку сберечь жизнь и справедливость на земле и на своей большой и малой родине. Такое завещание оставляет Ю. Брезан своим соотечественникам: несмотря на то, что ценностная картина бывших жителей ГДР и ФРГ после объединения оказалась разной. Для Ю. Брезана это не является катастрофой: немецкая идентичность, с его точки зрения – это совокупность складывавшихся на протяжении хода истории противоположных ценностей и мировоззрений. Такая немецкая черта, которая характеризуется выражением «In Ordnung», подразумевает, что во всём должен быть порядок, и вопрос самоосознания в контексте мировой истории не становится исключением.

Франц Фюман не дожил до объединения Германии, но, преследуя в работе над мифами «очистительную», гуманизирующую цель, подобно Ю. Брезану, подчеркивает важное для него самого качественно иное, чем в сказке, где мораль однозначна, а сюжет всегда завершен, распределение в мифе, где всё находится в процессе вечного изменения и становления, – «света» и «тени», добра и зла. Анализируя произведения различных эпох, писатель выявляет духовную сущность искусства, так называемый «мифический элемент» – «объективированный и обобщенный в художественных образах индивидуальный опыт миллионов отдельных людей, многих поколений» [Fühmann, 1974, 181].

Тема мужественного страдальца и скитальца Одиссея – одна из ведущих в немецкой литературе XX века. Ещё в 30-е годы образ Одиссея и мотив его скитаний использовался в антифашистской литературе в качестве наиболее ёмкого обобщения, символизирующего тяжкий путь немецких эмигрантов-антифашистов. Любовь к родине и безграничная сила духа – основные качества, определявшие поступки Лаэртида тридцатых годов (А. Зегерс *Три дерева*, И. Бехер *Итака*). Способность мифа функционировать в разных художественных парадигмах приводит в данном конкретном случае к появлению многочисленных инвариантов этого классического античного героя. Рефлектирующий Одиссей из романа Г.Э. Носсака *Некийя* относится к иному, чем вышеназванные, варианту прочтения этого многозначного мифологического образа в эпоху немецкой «литературы развалин» («Trümmerliteratur» – выражение Генриха Бёлля, 1950). Г.Э. Носсака интересует сама экзистенциальная ситуация выбора, получившая в его произведениях ярко выраженную этическую окраску. Для носсаковского героя важно не просто констатировать произошедшую катастрофу, но доискаться до причин произошедшего. Один из наиболее актуальных вопросов в эстетических рассуждениях и художественной практике немецких писателей этого времени, как на Западе, так и на Востоке, – особенности мифомышления

сегодня. Жизнь, по мнению таких писателей, как Ф. Фюман и Ю. Брезан, постоянно рождает новые мифологические ситуации или наполняет современным содержанием уже традиционные (как в случае с Одиссеем), «миф даёт нам возможность соизмерить свой индивидуальный опыт с моделями опыта общечеловеческого» [Fühmann 1975, 163]. Задача писателя – «развернуть новую мифологическую ситуацию в художественное целое» [Fühmann 1973]. Возможности современного мифотворчества неистощимы, поскольку способность к мифологизированию обусловлена двойственной природой человека как существа биологического и в то же время немислимого вне общества. Этот тезис Ф. Фюмана почти дословно соответствует определению сути человеческой Яном Сербином–Крабатом в его современной ипостаси. Проблема выбора и ответственности человека за последствия своих поступков определяют поведение и героя романа Ю. Брезана (*Крабат, или Преображение мира*). Уже в прологе романа в сцене с Творцом появляется герой, в системе романа противостоящий бездумной силе разрушения, воплощенной в образе Ахилла, – Одиссей. В образной ткани романа, изобилующей двойниками сорбского легендарного Крабата во всех временах и у всех народов, Одиссей – двойник учёного-биогенетика Яна Сербина, блуждающего среди чудовищ и химер современного мира в поисках своей будущей путеводной звезды-истины. Более подробно свою концепцию образа современного Одиссея, затерявшегося среди нравственного убожества современного мира, Ю. Брезан излагает в сценарии кинофильма, включенного в роман, концепция которого содержит, на наш взгляд, скрытые реминисценции из драмы Г. Гауптмана *Лук Одиссея*. Мотив Ян Сербин-Одиссей приобретает новый смысл: сорбский искатель истины Крабат – это тот же вечный Одиссей, потерявший и ищущий свою Итаку (Саткулу) и Пенелопу (Смялу). В конце романа *Крабат* Ян Сербин – на пути к своей Итаке (Саткуле). И на этой современной Итаке, на холмике у Саткулы, ждет его современная Пенелопа. Тема и образ Одиссея получают во второй части диалогии Ю. Брезана новую трактовку в духе уже обозначенной изменившейся концепции, связанной теперь не с разрушением и преображением старого мира, но с его сохранением и очищением. Во втором томе *Крабат, или Сохранение мира*, написанном в новый период жизни Германии, Одиссей нового времени – Роберт В.Теармонт, современный прапраправнук одновременно и Крабата, и Райсенберга, произошедший от их общего потомка с говорящим именем Христиан, вернётся на свою серболужицкую Итаку-Саткулу, для того, чтобы построить новый общий дом и дожидаться торжества справедливости.

Юрий Брезан, использует в своём новаторском для 70-х гг. произведении типичные слагаемые художественного панмифологизма. В его диалогии мы встречаем весьма свободную манеру обращения с образами традиционной мифологии, соединение сюжетов и образов различных

мифологических систем, а также попытку сознательного, нетрадиционного использования мифа, приобретающую характер авторского мифологизирования. В тексте романа Ю. Брезан прибегает не только к многочисленным интертекстуальным мотивам и взаимосвязям. Автор активно использует и появившийся в XX столетии особый тип мифологизирования: мифологизацию отдельных исторических событий, исторических лиц и литературных персонажей, за счёт чего происходит сближение мифического и типического в духе известной концепции Т. Манна, воплощенной им гениально в тетралогии об Иосифе и его братьях.

Всем содержанием своего романа Ю. Брезан призывает своих соотечественников отбросить пропагандистские лозунги и стереотипы и с точки зрения разума оценить трагизм истории Германии. В этом заключается глубинный смысл диалогии и убеждение Ю. Брезана, выработанное на примере своей малой родины в том, что история сорбского народа потому-то и уникальна и сорбы сумели во все эпохи сохранить свою самобытность, что народная мудрость заставляла их за тысячелетнюю историю следовать простому правилу: «не стремиться к трагическим вершина, а всегда искать дорогу, чтобы обойти катастрофу» [Brězan 1989, 30], т.е. всегда искать разумный компромисс. Без этого взаимопонимания жизнь в «общем доме» невозможна.

Библиография

- Brězan Jurij. 1976. *Raubewusstsein – Zeitbewusstsein*. B: Brezan Ůrij. *Ansichten und Einsichten. Aus der literarischen Werkstatt*. Berlin.
- Brězan Jurij. 1989. *Ansichten und Einsichten. Reden, Aufsätze und andere Nebenarbeiten*. Berlin.
- Brězan Jurij. 2010. *Krabat oder Die Bewahrung der Welt*. Bautzen.
- Brezan Ůrij. 1987. *Krabat, ili Preobraženie mira*. V: Brezan, Ůrij. *Izbrannoe*. Moskva: Raduga [Брезан Юрий. 1987. *Крабат, или Преображение мира*. В: Брезан Юрий. *Избранное*. Москва: Радуга].
- Erhardt Marie-Luise. 1982. *Die Krabat-Sage. Quellenkundliche Untersuchung und Wirkung eines literarischen Stoffes aus der Lausitz*. Marburg.
- Fühmann Franz. 1975. *Das mythische Element in der Literatur. Vortrag*. B: Fühmann Franz. *Erfahrungen und Widersprüche. Versuche über Literatur*. Rostock: Hinstorff-Verlag.
- Fühmann Franz. 1993. *Autorisierte Werksausgabe in 8 Bänden*. Bd 2. Rostock: Hinstorff-Verlag.
- Fühmann Franz. 1993. *Zweiundzwanzig Tage oder Die Hälfte des Lebens*. Rostock: Hinstorff-Verlag.
- Galevi Daniel'. 1991. *Žizn' Fridriha Niče*. Riga: Spiriditis [Галеви Даниель. 1991. *Жизнь Фридриха Ницше*. Рига: Спиридитис].
- Koschmal Walter. 1993. *Perspektiven sorbischer Literatur. Eine Einführung*. B: Koschmal Walter (hrsg.). *Perspektiven sorbischer Literatur*. Köln-Weimar -Wien.

- Ničše Fridrih. 2000. *Filosofskaâ proza. Stihotvoreniâ*. Minsk: Poppurî [Ницше Фридрих. 2000. *Философская проза. Стихотворения*. Минск: Поппури].
- Nossack Hans Erich. 1961. *Nekyia*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Šarypina Tat'âna. 2014. *Sorbskij mif o Krabate v kontekste nemeckej kul'turnoj tradicii*. «Acta Neophilologica» nr XVI (1): 215-224 [Шарыпина Татьяна. 2014. *Сорбский миф о Крабате в контексте немецкой культурной традиции*. «Acta Neophilologica» nr XVI (1): 215-224].
- Sauter Josef-Hermann. 1971. *Interview mit Franz Fühmann*. «Weimarer Beiträge» Nr. 1.
- Schölze Dietrich. 1999. *Postmoderne Tendenzen in der sorbischen Literatur*. «Weimarer Beiträge» Nr. 3.

Summary

INTERTEXTUAL AND SOCIOCULTURAL CONTEXTS OF JURIJ BRĚZAN'S DILOGY ABOUT KRABAT

This article analyzes intertextual references and the transformation of pan-European mythological motifs and images in J. Brězan's diology novel about Krabat. It is concluded that the era of globalization as well as the German reunification make German writers search for new artistic ways of embodying traditional ontological conflicts in literary texts. This actualizes the usage of postmodern poetics' principles, and also leads to a synthesis of juxtaposed biblical, historical, fable and mythological motifs and images within one piece of literature, a mode of writing untypical in the past.

Kontakt z Autorką:
swawa@yandex.ru

Aleksandra ZywertDOI: <https://doi.org/10.31648/an.3636>

Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

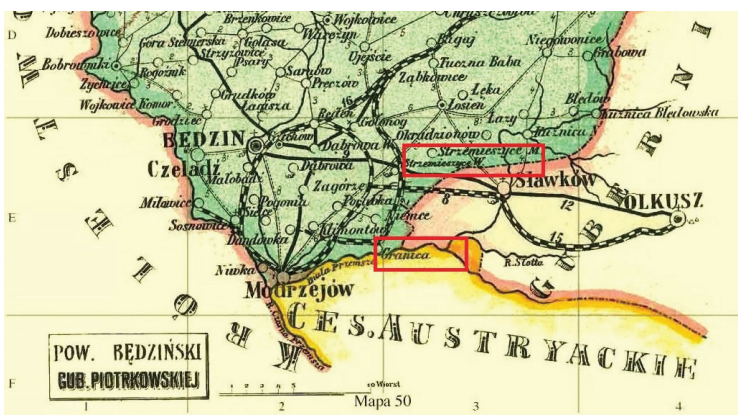
**POLSKA, KTÓREJ NIE MA
(BORIS AKUNIN, *DOKĄD PŁYNIEMY?*,
LATAJĄCY SŁOŃ)**

Key words: Boris Akunin, *Where Shall We Go?*, *The Flying Elephant*, Poland, stereotypes

Motywy polskie w twórczości Borisa Akunina pojawiają się rzadko i zwykle tylko przy okazji realizacji kolejnych projektów (jak to było choćby w *Książce dla dzieci* (*Детская книга для мальчиков*, 2005)). Tym bardziej interesująca wydaje się ta obecność w najnowszych utworach tego autora zwłaszcza, że ich akcja rozgrywa się w okresie zaborów na terenie dzisiejszej Polski. Mam tu na myśli opowiadania *Latający słoń* (*Летающий слон*, 2008)¹ oraz *Dokąd płyniemy?* (*Куда ж нам плыть? Идиотический детектив*) ze zbioru *Planeta woda* (*Планета вода*, 2015). Pierwsze z nich opowiada o niemieckiej akcji szpiegowskiej z 1915 roku: kapitan Josef von Toefels – daleki krewny Erasta Fandorina, znany z *Powieści szpiegowskiej* (*Шпионский роман*, 2005) – otrzymuje zadanie, by przeniknąć do elitarnej załogi nowoczesnego rosyjskiego bombowca „Ilja Muromiec” i pokrzyżować plany Rosjan. Drugie, nazwane przez autora w podtytule kryminałem absurdalnym, w całości rozgrywa się na terenie dzisiejszej Polski. Akcja toczy się na przełomie 1912 i 1913 roku. Państwo Fandorinowie wracają pociągiem z planu filmowego w Częstochowie. W pewnym momencie dochodzi do napadu na wagon pocztowy. Poproszony przez policję o pomoc w ujęciu sprawcy – Stanisława Różewicza, ksywka Cukierczek – detektyw podejmuje wyzwanie i rusza za nim w pogoń.

¹ Utwór wchodzi w skład trzeciej książki z serii *Смерть на брудершafft*. Jest to seria dzieł opowieści napisanych w eksperymentalnym gatunku „powieść-film” („роман-кино”) będącym połączeniem tekstu literackiego z wizualnością właściwą dziełom filmowym (co na poziomie tekstu sprowadza się głównie do dużej liczby ilustracji).

Dbalność autora o szczegóły pozwala dość dokładnie prześledzić całą „polską” część podróży Fandorina. Rozpoczyna się ona w Częstochowie i teoretycznie powinna zakończyć się w Warszawie. Dowiadujemy się, że istnieje bezpośrednie połączenie między tymi miastami, ale z uwagi na okoliczności (żona bohatera nie uznaje podróży drugą klasą) małżeństwo wybiera okrężną drogę przez Kielce. Tam powinni się przesiąść na pociąg do Warszawy przez Zagnańsk, Skarżysko (dziś Skarżysko-Kamienna), Radom. Ostatecznie trasa zostaje zmodyfikowana – z Kielce do stacji Granica (dziś nieistniejąca, a znajdująca się w okolicach stacji Jaworzno Szczakowa) i dalej, cały czas tzw. linią iwanogrodzką² już przez tereny Austro-Węgier do Krakowa. Przy tej okazji pojawia się także nazwa Strzemieszyce – niegdyś miejscowość, dziś – dzielnica Dąbrowy Górniczej.

Ryc. 1. Fragment mapy powiatu będzińskiego 1867-1914

Źródło: http://wikizaglebie.pl/images/9/99/Mapa_Powiatu_będzińskiego_1867_-_1914.JPG (zaznaczenia moje – A.Z.)

Analogiczna strategia została zastosowana w *Latającym słoniu*, z tą jednak różnicą, że tu obszar wyznaczają głównie konkretne punkty o znaczeniu strategicznym (np. most na rzece Dunajec: „Палец летуна безошибочно ткнул в мост через реку Дунаец” [Акунин 2008], twierdza Iwanograd³ – dziś Muzeum Twierdza Dęblin, Radom).

² Chodzi o historyczną szerokotorową linię kolejową w królestwie Polskim łączącą Dęblin z Dąbrową Górniczą (przez Radom, Skarżysko-Kamienna, Kielce, Olkusz). Dzięki rozgałęzieniom na bocznicach zapewniała także połączenie z Sosnowcem i Granicą.

³ Mapa twierdzy Iwanograd zob. [Атлас крепостей..., online].

Zakładając, że mapa jest zjawiskiem nie tylko otwartym na inne dyskursy⁴, lecz także wręcz pogranicznym między nimi⁵, niezależnie od rodzaju wybranej przez autora metody selekcji toponimów, ich status i funkcja w obu tekstach są takie same – odróżniają jedno miejsce od drugiego, są (zwłaszcza miejsca przemianowane) nośnikami pamięci kulturowej i ujawniają (z punktu widzenia socjologii wiedzy⁶) efekt konkretnych zabiegów politycznych stosowanych w „praktykach kolonialnych, gdy nazywanie było aktem zawłaszczania przestrzeni” [Rybicka 2014, 197]. W ten sposób powstaje spójna wielopoziomowa i wielofunkcyjna (bo oparta zarówno na danych kartograficznych, jak i elementach sensualnych) mapa przestrzeni literackiej. Zabieg ten pozwala autorowi plastycznie zorganizować terytorium, wizualizować je i wykreować jego kulturowy wymiar. Zauważmy jednocześnie, że przywołując sporo nazw miejsc dziś już nieistniejących, Akunin tworzy mnemotopos przypominający o przeszłości tego konkretnego obszaru. Dzięki temu czytelnik musi sam zrekonstruować (zdezaktualizowaną już dziś) mapę opisanego w utworze terytorium, sięgnąć do jego historycznych konotacji, by ostatecznie „reanimować” je w konkretnym czasie i konkretnej przestrzeni⁷. Jest to szczególnie istotne, bowiem trasa pościgu Fandorina wiedzie przez terytorium dwóch zaborów – rosyjskiego i austro-węgierskiego („Теперь в новой столице Сигизмунда, Варшаве, правила русские, а в старой столице, Кракове, – немцы” [Акунин 2015]). W praktyce oznacza to dodatkowo konieczność wewnętrznego zróżnicowania wyobrażenia przestrzeni.

Niezwykle pomocne w tym procesie są pojawiające się w odpowiednich fragmentach tekstu (czasami pisane alfabetem łacińskim) polonizmy (np. „паненка”) bądź wtrącenia w języku polskim lub (dotyczy epizodu „krakowskiego”) niemieckim. Mogą to być pojedyncze riposty bohaterów (np. „Judasz”) opatrzone przypisem (np. przyp. nr 9 – „Иуда! (польск.)” [Акунин 2015]) lub nazwy miejsc (jak w przypadku pisowni nazwy restauracji „Arka Noego” („вывеска «Restauracja Arka Noego»” [Акунин 2015]) czy piwiarni „Hawelka” („...увидел (...) пивную с вывеской «Hawelka»” [Акунин 2015])). Według analogicznego klucza wprowadzany jest także język niemiecki. Czasami autor posługuje się pisownią łacińską („Собеседники явно договаривались

⁴ Jak pisze Elżbieta Rybicka, „mapa jest zjawiskiem pogranicznym i wędrującym, swoistym łącznikiem pomiędzy geografiami i innymi dyskursami (...) i (...) może być rozumiana (...) jako metafora lub motyw, czasem topos” [2014, 151].

⁵ Szerzej zob. [Konończuk 2011, 255-264; Rybicka 2014, 151].

⁶ O aspekcie społecznym i politycznym w kontekście kwestii kontroli nad przestrzenią zob. [Konończuk 2011, 256-257].

⁷ Mapa zdezaktualizowana występuje także w charakterze namacalnego świadectwa „przemian społeczno-historycznych, a zarazem jako przedmiot waloryzowany emocjonalnie i estetycznie (...) Mapa staje się zatem przyczyną doznań estetycznych i metafizycznych. Inicjuje jednak także doświadczenie polityczne (...) skłania do refleksji nad funkcją kartografii w jej uwikłaniu w dyskursy: polityczny, historyczny, estetyczny i etyczny” [ibidem, 259-260].

o встрече. Wo und wann” [Акунин 2015]), a czasami nie (jak w przypadku podawania nazw krakowskich ulic: „Подзамче-штрассе”, „Повисле-штрассе” [Акунин 2015]).

W kontekście interesującego nas tematu *Dokąd płyniemy?* zawiera zdecydowanie więcej informacji niż *Latający słoń*. W *Dokąd płyniemy?* pierwsza wzmianka na temat Polski pojawia się już w inicjalnej scenie utworu podczas rozmowy Fandorina z żoną Elizą – dość wziętą aktorką, ale niezbyt mądrą (delikatnie rzecz ujmując), nudną, przewidywalną i nużącą na dłuższą metę – kobieta – supebohater⁸ dialog wyznacza od razu proporcje i staje się podstawą do zarysowującej się coraz wyraźniej wraz z rozwojem akcji wizji Polski okresu zaborów. Punktem wyjścia jest pozornie nieznacząca uwaga kobiety o języku polskim, według niej złowieszczym i wrogim już poprzez swoje brzmienie („Право, в польском шипении есть нечто злобное (...) Они нас, русских, не любят” [Акунин 2015]), która staje się dla niej podstawą do wyrażenia niechęci wobec Polaków⁹. Podany przykład stereotypizacji werbalnej odzwierciedla „schemat myślowy oparty na błędnym wnioskowaniu i niewspółmierności przesłanek” [Tokarz 2003, 166], który w efekcie prowadzi do wykształcenia się opartych wyłącznie na wierze tzw. sądów obowiązujących, niemających nic wspólnego z faktami. Nacechowana negatywnie, niebezpiecznie dryfująca w kierunku ksenofobii, wypowiedź Elizy prowokuje Fandorina do natychmiastowej riposty (tyleż ciekawej, co charakterystycznej dla wyważonego i opanowanego „europejskiego Brytyjczyka” jakim jest detektyw). Fandorin mówi: „За что ж им нас любить? (...) Была страна Польша. Мы ее захватили и превратили в какой-то безличный «Привисленский край»” [Акунин 2015].

Ta krótka odpowiedź jest istotna z kilku powodów. Po pierwsze, przede wszystkim racjonalizuje zjawisko niechęci Polaków wobec Rosjan. Po drugie, pośrednio przypomina o istnieniu innego, funkcjonującego na równi ze stereotypami, zdecydowanie bardziej jej przychylnego, obrazującego wewnętrzne rozdwojenie wewnątrz samego Imperium Rosyjskiego, wyobrażenia o Polsce. Podkreślimy, że w przypadku Fandorina możemy mówić zaledwie o delikatnym

⁸ Szerzej na ten temat zob. [Żak 2014, 262].

⁹ Nie jest to autorski pomysł Akunina. Analogiczne wnioski można znaleźć choćby w wypowiedziach Nikołaja Bierdiajewa, który pisał, że język polski choć pokrewny, jednak dla Rosjanina „brzmi nieprzyjemnie i wydaje się być zniekształconą formą ojczystego” [2004, 146]. Dodajmy równocześnie, że „stereotyp Polaka i polskości (identyfikowanej również z obcością konfesjonalną) jako wroga i wrogięgo żywiołu wobec Imperium” konstituuje się już po zakończeniu powstania listopadowego i z niewielkimi modyfikacjami (w drugiej połowie XIX wieku zostaje uzupełniony o, również negatywny, stereotyp Żyda) utrwała się przez kolejne dziesięciolecia. Jak pisze Aleksander Lipatow, stereotyp Polaka jako wroga „już w połowie XIX wieku zdominuje wyobrażenia społeczeństwa upaństwowionego, zaś w drugiej połowie stulecia będzie występował w bezpośrednim współdziałaniu z wrogim stereotypem Żyda. Ów polsko-żydowski stereotyp, wykorzystywany w propagandzie oficjalno-patriotycznej, występował jako absolutne wcielenie zagrożenia państwowotwórczej triady Uwarowa: «prawosławie, samodzierżawie, narodowość», czyli obca konfesja, obce wyobrażenia, obca narodowość” [2006, 332].

zaznaczeniu tego zjawiska, albowiem, mimo nietypowej jak na tego bohatera sytuacji rodzinnej¹⁰, w dalszym ciągu mamy do czynienia przede wszystkim z utwaleniem jego wizerunku jako bohatera, który „konsekwentnie (...) stwarza swój własny porządek, wyznaje mocne zasady oparte na tradycyjnych wartościach humanistycznych” [Żak 2014, 239]¹¹. Tłumaczy to jego programowy brak zaangażowania emocjonalnego przekładający się na chłodny i obiektywny ogląd rzeczywistości. Fandorin nie współczuje Polakom ani też ich nie potępia, a skupia się na rzetelnej ocenie sytuacji¹².

Kolejną istotną informacją jest określenie Polski bądź jako „bezosobowy kraj Nadwiślański” (*Dokąd płyniemy?*), bądź wprost – „rosyjska Polska” (*Latający słoń*). Przykładowo w *Dokąd płyniemy?* oczywiście jest mowa o Polakach, pojawiają się też informacje dotyczące choćby kulturowej specyfiki tego obszaru, mowa jest nawet o „polskiej części filmu”, w którym gra Eliza, ale nigdy terytorium to nie jest postrzegane jako całkowicie odrębne politycznie (nawet, jeśli w tekście wprost pojawia się określenie „Polska” („Декабрь в южной Польше выдался малоснежный, но противный – ветер пробирал до костей” [Акунин 2015]) lub „polski”, np. gdy mowa jest o polskim światku kryminalnym). Odwrotnie – Akunin cyklicznie wplata fragmenty systematycznie przypominające o całkowitej zależności Polski w stosunku do Rosji i Austro-Węgier. Przykładem może być choćby określenie Kielc (*Dokąd płyniemy?*) jako zwyczajnego gubernialnego zachodniorosyjskiego miasta średniej wielkości, w którym dworzec kolejowy jest typową, obliczoną na efekt, budowlą mającą zaświadczać przed turystami z Europy o wielkości Imperium Rosyjskiego.

Realizacja przez propagandę państwową Rosji procesu systematycznego utrwalania w zbiorowej świadomości społecznej stereotypowego obrazu Polski jest zauważalna choćby we fragmencie, w którym mowa o filmie z udziałem Elizy. Jest to obraz realizowany na zamówienie władz, którego całą „polską część” nieprzypadkowo kręci się w Częstochowie – emblematycznym w kontekście kwestii odrębności religijnej Polski miejscu. Nie dziwi zatem fakt, że jedynym skonkretyzowanym w tekście obiektem jest jezuickie więzienie.

Элиза возвращалась со съемок исторической фильмы, которую готовили к 300-летию дома Романовых. Играла порочную паненку, которая пытается склонить патриарха Филарета к капитуляции перед римским папой. (...) Иезуитскую темницу и вообще всю польскую часть снимали в Ченстоховой, где превосходные локации и готовые декорации [Акунин 2015].

¹⁰ Dotąd Fandorin był kreowany według wzorca nakreślonego przez Umberto Eco – samotnego superbohatera, który zarówno z uwagi na swój charakter, jak i doświadczenia życiowe nie należy do żadnej kobiety [Eco 1996, 103].

¹¹ Analogiczny pogląd wyraża sam autor. W jednym z ostatnich wywiadów Akunin mówi: „Фандорин не пытался вписаться в систему российского государства. Фандорин – «цзюнь-цзы», человек, который живет, слушая внутренний голос. И пока эта внутренняя правда не приходит в непримиримое противоречие с системой, он может находиться внутри системы. У него нет колебаний, выйти из нее или нет. Он всегда верен себе” [Акунин *То, что русские плохо...*, online].

¹² Trudno w tym kontekście zgodzić się z jedną z recenzentek, która oceniając tę część książki Akunina dopatruje się przychylności wobec Polaków [Sarzyńska, online].

Przypomnijmy, że w myśl jednego z zasadniczych stereotypów religijnych w relacji Polska–Rosja jest utożsamienie Polaka z katolicyzmem (a więc pozytywnym stosunkiem do Rzymu), zaś Rosjanina z negatywnie ustosunkowanym do Rzymu, aprobującym Moskwę jako Trzeci Rzym, prawosławiem. W rezultacie mimo iż oba te wyznania są chrześcijańskie i nacechowane uniwersalizmem, to „oba (...) naznaczone są jakimś charakterem narodowym (tu odpowiednio: polskim i rosyjskim)” [Przesmycki 2006, 520-521], co w praktyce oznacza, że stereotypowo w oczach Rosjan katolicyzm jest ściśle powiązany z polityką, a przez to niebezpiecznie ekspansywny, co z kolei stanowi realne zagrożenie zarówno dla samego prawosławia, jak i Rosji¹³. Fakt ten wyjaśnia treść opisanego epizodu filmowego oraz uzasadnia lokalizację miejsca akcji, Częstochowa bowiem występuje tu w charakterze symbolu negatywnie postrzeganego katolicyzmu. W odniesieniu do wymowy ideowej opowiadania (co istotne) ostateczny wydzźwięk tego fragmentu to przykład próby obalenia stereotypu, nie zaś jego utrwalenia, bowiem film, o którym mowa, jest z założenia mistyfikacją celowo zniekształcającą rzeczywistość i funkcjonuje tylko jako integralna część systemu medialnej propagandy perswazyjnej¹⁴.

Kolejnym istotnym współtworzącym wizję Polski elementem, kwalifikowanym jako odmiana literackiej topografii sensualnej¹⁵, jest jedzenie (tu: flaki). Zgodnie z zamysłem autora motyw ten łączy w sobie dwa podstawowe, właściwe dla geografii smaku, zakresy problematyczne – z jednej strony dla przybysza z zewnątrz jest to potrawa egzotyczna, której próbowanie należy do obowiązkowych rytuałów podróźniczych, z drugiej zaś – zaświadcza ona namacalnie o odmiennej tożsamości narodowej obszaru, dla którego jest specyficzna¹⁶. Przykładowo, jeszcze na terenie Imperium Rosyjskiego, na stacji Granica, gdzie (jak się wyraża jeden z bohaterów) trzeba szczególnie dbać o menu ze względu na sporą liczbę wymagających gości, sztandarowym daniem są właśnie flaki („Таких фляков, которые делает наш повар, ближе Варшавы не отведаете” [Акунин 2015]). Analogiczna sytuacja ma miejsce w Krakowie, w znanej piwiarni „Hawelka”: kiedy Fandorin pyta o możliwość zjedzenia kolacji, kelner bez wahania proponuje mu „flaki po polsku”. Jest to danie, co wynika z tekstu, szczególnie poważane (co ciekawe) nie tylko przez Polaków, ponieważ kiedy w strzelaninie przypadkowo ginie kucharz, porucznik Zujew z zalem konstatuje: „Не будет больше фляков!” [Акунин 2015].

Innym uzupełnieniem topografii miejsca są systematycznie włączone w tekst polsko brzmiące nazwiska, skrupulatnie dobrane tak, aby uwypuklić specyfikę dźwiękową języka polskiego, a ściślej jego subiektywny odbiór przez

¹³ Szerzej zob. np. [Pikus 2003, 118].

¹⁴ O systemach propagandy zob. [Kula 2005, 83-89].

¹⁵ Pojęcie z obszaru antropologii miejsca. Literackie topografie sensualne porządkuje się za pomocą poszczególnych zmysłów: wzroku, słuchu, dotyku, smaku, węchu i uzupełnia o zjawiska polisensoryczności i synestezji. Szerzej zob. [Rybicka 2014, 249].

¹⁶ Szerzej zob. [ibidem, 255-256].

obywateli innych nacji (tu: Rosjan, którzy słyszą w nim głównie szeleszczenie). Odwołując się do kultury oralnej, Akunin wprowadza nazwiska, takie jak: Grzebicz, Chwoszczyński, Różewicz (*Dokąd płyniemy*) czy Pirsak (*Latający słoń*), podkreślające odrębność narodową poszczególnych postaci. Dodajmy, że kod oralny nie stygmatyzuje bohaterów, bowiem w ich charakterystyce brak nacisku na atawizmy rozpoznawcze, automatycznie determinujące postrzeganie którejkolwiek postaci jako potencjalnie obcą–groźną¹⁷. Przykładowo, obraz groźnego bandyty i mordercy, Bolesława Różewicza – Cukiereczka nie sugeruje, by jego postawa w jakikolwiek sposób była powiązana z przynależnością narodową. Cukiereczek ani wizualnie, ani charakterologicznie niczym nie różni się od podobnych do siebie przestępców z całego świata.

Dokładnie tę samą zasadę zastosowano w drugim utworze, *Latający słoń*, w którym w centrum uwagi autora znalazła się polska kelnerka, Zosia Pirsak – zwyczajna, prosta, nieco naiwna, ale szczerza i prostoduszna kobieta „w pewnym wieku”, jakich wiele na świecie, która bardzo pragnie wreszcie znaleźć szczęście u boku porządnego mężczyzny. Jego obywatelstwo nie ma znaczenia, liczą się tylko przymioty ducha, więc Zosia nie ma oporów, by związać się z Rosjaninem. Zauważmy, że jej historia jest typowa dla obrazów wszystkich bohaterek literatury światowej skonstruowanych według szablonu „młoda, ładna i naiwna”, który jest zbiorem określonych cech charakterologicznych występujących niezależnie od przynależności narodowej, nie można tu zatem mówić o stereotypizacji, a wyłącznie o typizacji. Potwierdzeniem tej tezy jest także fakt, że w obu omawianych utworach bohaterowie wszystkich nacji funkcjonują na tych samych prawach (nawiązują znajomości, przyjaźnie, inicjują związki uczuciowe) i pokojowo współistnieją.

Przeniesienie akcji do Krakowa (*Dokąd płyniemy?*) wiąże się ze zmianą kreacji mnemotoposu. W odróżnieniu od poprzednio eksponowanych miejsc Kraków jest miastem z (jak się wyraża narrator) ambicjami, choć niestety, nie do końca uzasadnionymi („...бывшая столица, (...) похожа на вдовствующую царицу: живет прежним сиянием и донашивает потрепанные наряды, давно вышедшие из моды” [Акунин 2015]). Niemniej na tle uprzednio odwieczonych miast gubernialnych jawi się jako miejsce – mimo swojego głębokiego zakorzenienia w historii – nowoczesne, szykowne, czyste i po europejsku uporządkowane.

(...) город Краков не чужд веяниям двадцатого века. Мимо продребезжал украшенный праздничными лампочками трамвай, а на углу большой площади,

¹⁷ Jak pisze Sabina Magierska, „wpisanie Drugiego lub innego do fundamentalnej relacji poznawczej zawsze wiąże się z redukcją człowieka do przedmiotu, a to uruchamia (...) mechanizmy i atawizmy rozpoznawcze. Otwiera perspektywę zagrożenia i lęku, wyobraźnia zaś uzupełnia percepcję, tworząc obraz Obcego jako straszzydła, potwora, zwierzo-demon, groźnego i potężnego (...) tak więc «obcy» jest przede wszystkim lokowaniem obiektu (...) w perspektywie wartościującej, kiedy globalnie pojmowana w percepcji inność zniechęca do kontaktu nawet poznawczego” [1997, 13].

где тоже светились разноцветные огни, обнаружилась стоянка таксомоторов – там выстроились вереницей французские «рено» новейшей модели „купе-де-вилль” [Акунин 2015].

Kreując obraz miasta, także i tu autor posiłkuje się ekspozycją jego emblematycznych punktów na mapie (Grand Hotel przy ul. Sławkowskiej, Hotel Francuski przy ul. Pijarskiej, piwiarnia „Hawelka”, restauracja „Arka Noego”) według sprawdzonego wcześniej schematu przeplatania miejsc do dziś istniejących w tej samej lokalizacji (Grand Hotel, „Hawelka”, ul. Pijarska) z tymi, które już zniknęły z mapy miasta lub zmieniły miejsce (np. restauracja „Arka Noego” dziś mieści się przy ul. Izaaka na Kazimierzu, nie zaś nad brzegiem Wisły).

Ciekawym w tym kontekście elementem, wpisującym się w obraz Polski, jest artystyczny wizerunek wspólnoty żydowskiej. Jest to społeczność zamknięta, hermetyczna, ściśle zhierarchizowana, funkcjonująca według własnych praw i przez to tylko teoretycznie przynależąca do konkretnej monarchii, w rzeczywistości zaś będąca zupełnie odrębnym organizmem. Akunin pisze:

Фандорин узнал, что на широких пространствах Восточной и Центральной Европы существует особая страна, не имеющая собственной государственности: большой мир с населением в несколько миллионов человек; целый архипелаг, состоящий из еврейских кварталов и местечек. Эта не нанесенная на карты держава существует сама по себе, почти не соприкасаясь с казенными институтами. В „Идишланде” свой язык и религия, свои обычаи и культура, свои свахи и акушерки, свои школы и академии, свои авторитеты и изгои. И свои преступления, не всегда совпадающие с официальным уголовным кодексом [Акунин 2015].

W obrazie tym autor precyzyjnie wyodrębnia wszystkie najważniejsze, a funkcjonujące w potocznej świadomości społecznej, cechy wywoławcze Żydów (nacisk na świadomą wewnętrzną izolację wspólnoty, niechęć do asymilacji, przeświadczenie (pośrednio zaznaczone w tytule rozdziału *Лебедик-Голем*) o swojej wyjątkowości na tle innych nacji, oraz specyficzny rodzaj przenikliwości i zdolności interpretacyjnych w połączeniu z pędem do szczególnego rodzaju wiedzy (głównie scholastyczno-prawniczej)¹⁸), aczkolwiek nie opatruje tych informacji sugestywnym komentarzem o charakterze oceniającym. Dlatego –pomimo łatwo zauważalnych elementów typowości – nie dochodzi do wykształcenia się stereotypu o właściwościach dezinformacyjnych. Prezentowana społeczność zaciekawia odbiorcę swoją wewnętrzną egzotyką¹⁹, a w dalszej perspektywie jest jednocześnie elementem uzupełniającym obraz Polski początku XX wieku jako terytorium wielonarodowego i multikulturowego.

Konweniuje z tym poniekąd finał historii, w którym Akunin nawiązuje do rzeczywistego wydarzenia historycznego, jakim było spotkanie w styczniu

¹⁸ Wnioski te pokrywają się z ustaleniami Edmunda Lewandowskiego. Szerzej zob. [Lewandowski 2011, 76].

¹⁹ Taka strategia jest właściwa dla tzw. prozy środka, której reprezentantem jest także Akunin. O pojęciu „proza środka” szerzej zob. [Ostaszewski 2000, 132].

1913 roku w Krakowie Stalina i Lenina²⁰, utrwalając tym samym wizerunek tego miasta jako miejsca prawdziwie demokratycznego.

Mimo dość „rozrywkowej” konwencji (kolaż powieści sensacyjno-przygodowej i kryminalnej, ubarwiony elementami steampunku) nakreślony w analizowanych utworach obraz Polski, a ściślej „Polski, której nie ma”, jest wbrew pozorom pod wieloma względami dość rzetelny i, co istotne, pozbawiony wielkomocarstwowego zadęcia. Było to dla autora zadanie tym trudniejsze, że wymagało odtworzenia specyfiki okresu, kiedy w wyniku zmian historycznych w tym samym czasie i na tej samej przestrzeni zetknęły się i musiały wypracować normy społecznego współistnienia, co najmniej dwa różne narody²¹. Tym większe zatem, jak się wydaje, uznanie dla Akunina, że ustrzegł się prostych i *de facto* krzywdzących dla obu stron uproszczeń. Niebagatelną rolę odegrała tu niewątpliwie, dobrze już utrwalona, kreacja bohatera jako człowieka na wskroś niezależnego (Fandorin), ale nie tylko. Przykładem może być *Latający słoń*, w którym Fandorina nie ma, a główne role przypadają Niemcom. Także i tu Akunin nie daje się uwieść emocjom, nie popada w przesadę i wyważa proporcje pomiędzy typem a stereotypem. Można zatem powiedzieć, że rekonstrukcja stereotypów (także narodowościowych) jest immanentną częścią ich świadomej dekonstrukcji, chęci pokazania, iż oficjalna sfera polityczna (widoczna głównie na płaszczyźnie służbowej, zawodowej) nie odzwierciedlała rzeczywistego życia współistniejących ze sobą na jednym terytorium (czasami bardzo różnych) społeczności²².

Bibliografia

- Akunin Boris. 2008. *Smert' na bruderšaft. Letaŭšij slon*. W: http://loveread.me/read_book.php?id=2682&p=1 [Dostęp 10 V 2017] [Акунин Борис. 2008. *Смерть на брудершафт. Летящий слон*. W: http://loveread.me/read_book.php?id=2682&p=1 [Доступ 10 V 2017].
- Akunin Boris. 2015. *Kuda Ź nam plyt'?* *Idiotičeskij detektiv*. W: Akunin B. *Planeta Voda (sbornik). Priključeniâ Ėrasta Fandorina v XX veke*. W: <http://book-online.com.ua/read.php?book=9617&page=1> [Dostęp 10 V 2017] [Акунин Борис. 2015. *Куда ж нам плыть? Идиотический детектив*. W: Акунин Б. *Планета Вода (сборник). Приключения Эреста Фандорина в XX веке*. W: <http://book-online.com.ua/read.php?book=9617&page=1> [Доступ 10 V 2017].

²⁰ Do spotkania doszło w styczniu 1913 r. w Krakowie w kamienicy przy ul. Lubomirskiego 49. Odbyła się wówczas narada Centralnego Komitetu Rosyjskiej Socjaldemokratycznej Partii Robotniczej. Omawiane były kwestie dotyczące samostanowienia narodu [PKF 50/02, 1950].

²¹ O kwestiach polskości (w różnych jej wymiarach) w okresie zaborów szerzej zob. [Липатов 2002, 143].

²² W tym kontekście można przychylić się do opinii autora, który w jednym z wywiadów mówi: „На самом деле, мне кажется, мнение, что русские плохо относятся к полякам – это глубокое заблуждение. Русские любят поляков. Всегда любили” [Акунин *То, что русские плохо...*, online].

- Akunin Boris. *To, čto russkie ploho odnosâtsâ k polâkam – èto mif*. Interv'û Vladimira Gromova. W: <http://culture.pl/ru/article/boris-akunin-to-čto-russkie-ploho-otnosyatsya-k-polyakam-eto-mif-intervyu> [Dostęp 15 I 2017] [Акунин Борис. *То, что русские плохо относятся к полякам – это миф*. Интервью Владимира Громова. W: <http://culture.pl/ru/article/boris-akunin-to-čto-russkie-ploho-otnosyatsya-k-polyakam-eto-mif-intervyu> [Доступ 15 I 2017]
- Atlas krepостей Rossijskoj Imperii*. W: <http://sibved.livejournal.com/101561.html> [Dostęp 10 V 2017] [*Атлас крепостей Российской Империи*. W: <http://sibved.livejournal.com/101561.html> [Доступ 10 V 2017].
- Bierdiajew Nikolaj. 2004. *Dusza rosyjska i polska*. Tłum. Radolińska W. W: *Dusza polska i rosyjska (od Adama Mickiewicza i Aleksandra Puszkina do Czesława Miłosza i Aleksandra Solżenicyna)*. Materiały do „katalogu” wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan. Red. de Lazari A. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych: 146-150.
- Eco Umberto. 1996. *Superman w literaturze masowej. Powieść popularna: między retoryką a ideologią*. Tłum. Ugniewska J. Warszawa: Znak.
- Konończuk Elżbieta. 2011. *Mapa w interdyscyplinarnym dialogu geografii, historii i literatury*. „Teksty Drugie” nr 5: 255-264.
- Kula Henryk. 2005. *Propaganda współczesna. Istota – właściwości*. Toruń: Adam Marszałek.
- Lewandowski Edmund. 2011. *Charakter narodowy Polaków i innych*. Wyd. 3 uzup. Warszawa: MUZA SA.
- Lipatov Aleksandr. 2002. *Pol'skost' v russkosti: raznonapravlennyj parallelizm vospriâtiâ kul'tury zapadnego sosedâ (Gosudarstvo i graždanskoje obščestvo)*. W: *Rossia – Pol'sa. Obrazy i stereotypy v literature i kul'ture*. Otv. red. Horev V.A. Moskva: Indrik: 134-155 [Липатов Александр. *Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа (Государство и гражданское общество)*. W: *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*. Оtv. ред. Хорев В.А. Москва: Индрик: 134-155].
- Lipatow Aleksander. 2006. *Rosyjskie przyzmaty odbioru polskości*. W: *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*. Red. de Lazari A. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych: 329-338.
- Magierska Sabina. 1997. *Swoj i obcy – relacja poznawcza*. W: *Swoi i obcy w literaturze i kulturze*. Red. Rzewuska E. Lublin: Wydawnictwo UMCS: 11-16.
- Mapa powiatu będziańskiego. W: http://wikizaglebie.pl/images/9/99/Mapa_Powiatu_będzińskiego_1867_-_1914.JPG [Dostęp 10 V 2017].
- Ostaszewski Robert. 2000. *Dolna strefa stanów średnich*. „Twórczość” nr 3: 131-132.
- Pikus Tadeusz. 2003. *Katolik w Rosji*. Warszawa: Wydawnictwo Archidiecezji Warszawskiej.
- PKF 50/02. 1950. Polska. W: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,36710,tag-691983,strona-4> [Dostęp 10 V 2017].
- Przesmycki Piotr SDB. 2006. *Stereotypy, uprzedzenia i nieporozumienia „religijne” w relacjach między Polakami a Rosjanami. Refleksje teologa katolickiego*. W: *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*. Red. de Lazari A. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych: 519-545.
- Rybicka Elżbieta. 2014. *Geopoetyka*. Kraków: Universitas.
- Sarzyńska Anna. *Erast Fandorin pod wodą, Erast Fandorin w Krakowie. Najnowsza książka Borysa Akunina, czyli przyjazne spojrzenie – na Polskę*. W: <http://wpolityce.pl/kultura/289746-erast-fandorin-pod-woda-erast-fandorin-w-krakowie-najnowsza-ksiazka-borysa-akunina-czyli-przyjazne-spojrzenie-na-polske> [Dostęp 23 V 2017].

- Tokarz Bożena. 2003. *Twórca – stereotyp – profilowanie, czyli literacka rzeczywistość alternatywna*. W: *Stereotypy w literaturze (i tuż obok)*. Red. Bolecki W. i Gazda G. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN: 161-172.
- Żak Elżbieta. 2014. *Mieszkańcy rosyjskiej świadomości zbiorowej XX i XXI wieku. Bohater kryminalów Aleksandry Marininej i Borysa Akunina*. Kraków: Wydawnictwo Księgarnia Akademicka.

Summary

POLAND WHICH IS NOT THERE (*WHERE SHALL WE GO? AND THE FLYING ELEPHANT* BY BORIS AKUNIN)

This paper focuses on the image of Poland in the times of partitions as presented in the works by Boris Akunin on the basis of the stories entitled *Where Shall We Go?* and *The Flying Elephant*. This image is created with the use of space (as well as sensory) mapping through the presence of toponyms, names of dishes considered to be typically Polish (the geography of taste), interweaving the text with Polonisms and (sometimes spelled in the Latin alphabet) Polish words, Polish surnames, references to religious and national stereotypes. Despite its entertaining convention (the collage of action and detective novels enriched with some elements of steampunk) the image of Poland sketched in the analyzed works is relatively credible and devoid of superpower pathos. Akunin does not exaggerate and balances the proportions between type and stereotype by dint of showing that the official political area does not reflect the real lives of coexisting communities.

Kontakt z Autorką:
olazywert@o2.pl

Wojciech Klepuszewski
Wydział Humanistyczny
Politechnika Koszalińska

DOI: <https://doi.org/10.31648/an.3638>

“THEY ALL KNOW WHAT I AM”: LITERARY REPRESENTATIONS OF WOMEN AND ALCOHOL

Key words: Women’s fiction, alcohol, British literature, J. Rhys, A.L. Kennedy

Alcohol as a literary theme conveniently falls under the category of drinking studies, a recently burgeoning interdisciplinary field which is a composite of several areas, including, for instance, public health, crime studies, economics, and even politics. In *Biographies of Drink* (2015), a volume of essays pertaining to numerous alcohol-related subjects, its editors, Mark Hailwood and Deborah Toner, emphasise the significance of the socio-cultural dimension of drinking studies, which encompass such aspects as class, gender, or ethnicity, all considered in the “geographical and chronological contexts” [2015: 1]. This culture-oriented focal point generally analyses how drink has functioned in different communities. In this particular province, literary works provide excellent study material, offering numerous narratives and portrayals of drink, both literal and metaphorical.

A closer analysis will immediately demonstrate that drink-themed literature is an area decidedly dominated by male writers and male protagonists. The proof can be found in the abundance of literary renditions as well as critical studies. This applies both to the pre-twentieth-century examples, even such early ones as Old English poetry or Shakespearean plays, and to contemporary representations of alcoholic inferno. Shakespeare’s plays, for instance, offer an abundance of drink scenes involving male characters (see Buckner Trawick’s 1978 *Shakespeare and Alcohol*). In their company, Lady Macbeth, boosting up her courage before the murder scheme takes place (“That which hath made them drunk hath made me bold; what hath quenched them hath given me fire”; Act II, Scene I), is quite a singular case. Much the same applies to the core

texts of the alcoholic genre, Malcolm Lowry's *Under the Volcano* (1947) and Charles Jackson's *The Lost Weekend* (1944), in both of which the dipsomaniac protagonists are men. The imbalance between the literary depictions of drinking men and women is especially conspicuous in anthologies, a good example being David Daiches's compilation, *A Wee Dram: Drinking Scenes from Scottish Literature* (1990), which contains only one excerpt written by a female writer, reflecting Daiches's introductory remark that whisky in Scotland has customarily been "a male drink" [1990, 9]. This one exception included by Daiches is an excerpt from *Memoirs of a Highland Lady* by Elizabeth Grant of Rothiemurchus, first published in 1911, in which she sketches the Scottish reality of her time, also referring to the 'whisky landscape':

Whisky-drinking was and is the bane of that country; from early morning till late at night it went on. Decent gentlewomen began the day with a dram. In our house the bottle of whisky, with its accompaniment of a silver salver full of small glasses, was placed on the side-table with cold meat every morning. In the pantry a bottle of whisky was the allowance per day, with bread and cheese in any required quantity, for such messengers or visitors whose errands sent them in that direction [quoted in Daiches, 23; originally in Grant 1911, 199].

The male dominance is observable not only in drink literature but also in the alcoholic propensity of the writers. So much so that in his review of John Booth's anthology, *Creative Spirits: A Toast to Literary Drinkers* (1997), David Lister comments that the anthology "covers many of the best known writers in English literature – though not a single one of them is female" (1997), blatantly overlooking the fact that Booth includes passages referring to three women, Simone de Beauvoir, Sidonie-Gabrielle Colette, as well as one representative of Anglophone literature in the figure of Jean Rhys, the author of drink-soaked fiction and a heavy drinker herself.

As to critical studies, these tend to concentrate on alcoholic writers much more than on alcohol as a literary theme. This, however, is predominantly the case with the criticism concerning American literature. Here, one-gender dominance is most conspicuous, though admittedly at least two women writers are usually included. One is Carson McCullers, of whom her biographer, Virginia Carr, writes that she "nursed sherry through most of the day while she worked, for she needed a certain amount of alcohol in her system to function creatively" [2003, 143]. The other female writer who looms large in critical studies is Dorothy Parker, particularly her oft-quoted short story "Big Blonde" (1929). Parker, in fact, occupies much space in *Flawed Light: American Women Poets and Alcohol* (2009), one publication which stands out in the context, because it is entirely devoted to women's literature. The author, Bret Millier, begins her study with a list of alcoholic male writers [2009, 2-3], only to conclude that women "might begin the alternative list" (4), one which in her study is dominated by Dorothy Parker, whom Millier hails "the most

famous female drinker of her day” (17), a prime example of a female alcoholic writer to whom she devotes, unsurprisingly, a chapter called “Dorothy Parker as Archetype” (17-33).

However, Millier’s study is a rare case of critical interest in the drinking women of letters, both in the biographical and literary dimensions. More to the point, as has already been stated, such interest is practically limited to the American literary scene. Thus, when Dimitra Gefou-Madianou, the editor of a more general critical work titled *Alcohol, Gender and Culture* (1992), complains that there is a shortage of “studies which examine alcohol consumption, production, and distribution from a woman’s point of view” [1992, 8], it is even more relevant as far as the literature of the British Isles is concerned. This is indeed an area which remains largely neglected, reflecting a socio-cultural paradigm, still a common perception that alcohol is largely a signifier of masculinity, and women are best left to waving flags of temperance. The predominant aim of this article is to take a closer look at the way the drink theme is rendered by English, Scottish and Irish women writers, with a particular emphasis on Jean Rhys and A.L. Kennedy.

There are at least three possible angles to approach the literary theme of women and alcohol, and all of them can be focalised in separate critical volumes. The first vantage point is the way women are portrayed in the fiction written by male writers. Here, by and large, women are usually featured in familial settings, or entangled in difficult (non)relationships, in which alcohol turns out to be an escape route, as in John Braine’s novel *Room at the Top* (1957), whose main character, Joe Lampton, deserts his lover, Alice Aisgill, in order to marry the girl he impregnates, a daughter of wealthy parents. Alice dies tragically in a car she drives drunken after parting with Joe. His afterthoughts on learning about the accident perfectly underscore the drink-induced finale of their relationship: “I could imagine everything that happened to Alice after I’d left her. She’d stayed in the flat the duration of two more double-gins” [1961, 238]. Another good example is Brian Moore’s *Judith Hearne* (1955), subsequently republished as *The Lonely Passion of Judith Hearne* in 1956. Here, the protagonist is a disillusioned, ageing spinster, whose desperate as well as futile attempts to find love in the person of James Madden, a fellow boarding house resident, end up in finding consolation in whisky, apparently used to this end many times before.

As to the recurring theme of dysfunctional alcoholic families, good examples are provided, for instance, in Warwick Deeping’s fiction. Deeping, an extremely prolific, though a rather sentimental writer, was particularly popular in the interwar period. One of the many themes informing his fiction is alcohol and its devastating effects on the family bonds. In *The White Gate* (1913), Deeping’s female protagonist is haunted by the tyrannical shadow of her alcoholic mother. Similarly, in *A Woman’s War* (1907) a young doctor, James Murchison, whose “father had died of drink, and his grandfather before him”

(5), now continues the family tradition of male alcoholism, much to his wife's despair. This alcohol-family junction finds its continuation in Deeping's later novels, *The Woman at the Door*, 1937; and *The Dark House*, 1941. Similar, though contemporary, settings can be found in two novels by the Irish writer, Roddy Doyle, *The Woman Who Walked into Doors* (1996) and its sequel, *Paula Spencer* (2006), the eponymous Paula struggling with her own alcoholism as well as her violent husband's, and finally facing her daughter's plunge into what might be the case of inherited drinking.

The second area to be considered is the question of alcohol dependent literary ladies and/or the way they fictionalise drink in their writings. This is a province which is mostly of interest to biographers and those critics who, much as Bret Millier, dissect traces of writers' experience in what is often called life writing. There are also autobiographical accounts, usually left by women who live by the pen, writers or journalists, accounts recorded in the form of alcoholic memoirs, also referred to as recovery memoirs. Admittedly, this is not a strictly female domain, to mention, for instance, John Gardner, the English author of spy fiction. Gardner, best known for his continuation of the James Bond series, began his writing career with the publication of his autobiography, *Spin the Bottle* (1964), a chronicle of Gardner's battle with alcohol dependence. A much more recent example is A.A. Gill's *Pour Me: A Life* (2015), though his concern is the nature of alcohol addiction rather than a memoir recording the process of reaching sobriety. However, confessional alcoholic writings seem to be particularly popular with female authors, predominantly in America, Caroline Knapp's bestseller *Drinking: A Love Story* (1996) and Mary Karr's *Lit: A Memoir* (2009) being just two representatives of a whole range of memoirs. In Britain, there are fewer such autobiographical testimonies, but much as the ones on the other side of the Atlantic, they generally focus on recovery methodologies. In *A Nice Girl Like Me* (1984), for instance, Rosie Boycott, a journalist, devotes much space to the psychological background, quoting Carl Jung's letter to Bill Wilson, the co-founder of Alcoholics Anonymous, in which Jung emphasises the non-physical aspects of the therapeutic formula ("spiritus contra spiritum"; qtd. 271). Another good, and more recent, example is Tania Glyde's *Cleaning Up: How I Gave Up Drinking and Lived* (2009). Glyde, a journalist and novelist, opens her memoir with a post-alcoholic conclusion, an excellent motto for her memoir: "To understand living sober you need to understand living drunk" [2009, xiii]. Here, too, the recovery concentrates on an in-depth exploration of one's inner self. A deviation from the above and a refreshing change, as it were, is Amy Liptrot's *The Outrun* (2016). Liptrot, Orkadian by birth, returns to the Orkney Islands after a decade in London, a period of heavy drinking followed by alcohol rehabilitation. On the remote island of Papa Westray, she contemplates the mechanics of reaching sobriety, the wilderness of the Orkney Islands being the key factor in the healing process.

What is of most interest in this article, however, are the fictional works written by women writers, which partly or exclusively thematise drinking women and women caught in alcoholic backdrops. In general, such examples are to be found in twentieth-century literature, though a few can be singled out in Victorian fiction. One such instance is Elizabeth Gaskell's *Mary Barton* (1848), in which a peripheral character, Esther, in the aftermath of her elopement, turns to prostitution and subsequently to alcohol, her tranquilliser: “I must have drink. Such as live like me could not bear life if they did not drink. It's the only thing to keep us from suicide. If we did not drink we could not stand the memory of what we have been, and the thought of what we are, for a day” [2009, 316]. In another Victorian novel, *The Tenant of Wildfell Hall* (1848) by Anne Brontë, Helen, Arthur Huntingdon's wife, is a good example of portraying women downtrodden by their alcoholic husbands. An interesting case to analyse is George Eliot, some of whose characters, as Kathleen McCormack observes, “stagger through the novels with their perceptions blurred and reasons distorted by unwise consumption of brandy, wine, beer, ale...” [2000, 2]. However, the most relevant for the context discussed here seems Eliot's *Janet's Repentance*, not only because Janet's husband, Robert Dempster, is a drunkard [“he can drink a bottle of brandy at a sittin’; 1906, 262], a fact which predictably affects his wife, but more importantly because Janet herself finds escape in the bottle as a result of her predicament. In fact, as Logan rightly observes, “Eliot's focus is on Janet's “fall” and redemption, not on Dempster's alcoholism and abuse” [1998, 138].

Victorian fiction offers fairly standard literary representation of alcohol. Much the same motifs can be found in twentieth-century literature and onwards, the recurring alcoholic landscapes being disturbed relationships, most often, as has already been said, the familial ones. For instance, the Irish author of popular fiction, Marian Keyes, devotes much of her otherwise light-hearted novel, *Lucy Sullivan is Getting Married* (1996), to the heroine's father, who, abandoned by his wife, becomes heavily-dependent on his daughter, the eponymous Lucy, who fiercely defends him whenever his being a chronic alcoholic is implied, until his worsening condition finally opens her eyes: “He no longer seemed loveable and cute and cuddly and great fun. But drunk and lopsided and slurred and incapable and selfish” [1999, 619]. Quite conspicuous is the female contribution to the vast body of alcohol-pervaded Scottish fiction written by male novelists, such as Gordon Williams, Alasdair Gray or James Kelman. Agnes Owens, for instance, who employs heavy drinking as a theme in her short stories, or the representative of Scottish crime fiction (*Tartan Noir*), Denise Mina, and her *Garnethill Trilogy* (*Garnethill*, 1998; *Exile*, 2000; *Resolution*, 2001). The protagonist of Mina's three novels, Maureen O'Donnell, has a family background of alcoholic parents, and she herself is far from being alien to alcohol. Such portrayals need not necessarily be limited to fiction only, a perfect example being the kitchen sink drama, Shelagh Delaney's play *A Taste of Honey*,

first staged in 1958, and adapted for the screen in 1961 by Tony Richardson. The main protagonist, Jo, lives a dreary life with her mother, whose existence Jo summarises in the repetitive: “Drink, drink, drink” [1974, 8].

In most literary works written by female authors, the portrayals of women whose lives are intertwined with and determined by their alcoholic partners or family members either spotlight the passive witnesses, or, at worst, the victims of alcoholic settings. The texts which focalise drinking women are few and far between, and are most often limited to marginal subplots. An example of alcoholism fiction proper, as it were, is *Come Fill the Cup* (1955), a rather obscure novel by Rosalind Wade (not to be confused with Harlan Ware’s *Come, Fill the Cup* [1952]). Wade’s novel is a story of Hester Revell, whose recovery from the grip of alcohol dependence is the result of applying the N.M.B. scheme (an abbreviation for No More Booze), a fictional equivalent for the American concept of Alcoholics Anonymous: “There were thousands of people in England and other countries who owed their recovery from alcoholism to the group aid of N.M.B.” [1956, 287]. To a much more limited extent the alcoholic theme can be traced, for instance, in the crime/psychological thriller *The Girl on the Train* (2015) by Paula Hawkins. For the novel’s female protagonist, Rachel, whose life is very much conditioned by drink, the title ‘train’ is an important part of what might be called alcoholic topography, as this is where she drinks the “pre-mixed gin and tonic” [2016, 17], hidden in substitute, inconspicuous plastic bottles, and performs little acts of clandestine drinking: “I open one of the little bottles of Chenin Blanc I purchased from the Whistlestop at Euston. It’s not cold, but it’ll do. I pour some into a plastic cup, screw the top back on and slip the bottle into my handbag” (20). However, as far as fictionalisation of women and alcohol is concerned, there are two British writers who stand out, namely Jean Rhys and A.L. Kennedy. This is so because they both offer stylistics quite different from most fiction spotlighting women affected by alcoholic environments, or focalising those who are actual alcoholics.

Unlike Kennedy, Jean Rhys writes from her own experience, as her life was virtually drenched in alcohol. Rhys’s “legendary fondness for drink” [Kennedy 2000, viii] has been emphasised in biographical accounts. Lilian Pizzichini, for instance, notes that even when Rhys was approaching seventy, she could drink a bottle of whisky per day [cf. 2009, 289]. The extent to which Rhys’s daily routine was propelled by alcohol is overtly confirmed by herself in a letter dated 10 January 1959: “One day drunk, two days hangover, regular as clockwork” [qtd. Wyndham and Melly 1984, 159]. Rhys’s alcoholism was actually one of the reasons why her literary success came so late, and why for years she remained an obscure figure:

She gradually became a serious alcoholic and in middle age was arrested for disturbing the peace and was briefly confined in a woman’s prison for psychiatric evaluation. Many assumed she had died when she disappeared from public view for decades, so when she reappeared, there was talk of a “reincarnation” [Savory 2009, ix].

Rhys’s fiction owes much to her turbulent life, which is perfectly reflected in her novels because, as George Wedge notes, she “had a gift for turning personal disasters into compelling stories” [1998, 30]. A good example here is alcohol, which plays an important role in the lives of Rhys’s female characters, particularly in *Postures* (1928), republished as *Quartet* a year later, *After Leaving Mr Mackenzie* (1930), and *Good Morning, Midnight* (1939). In fact, the women protagonists have so much in common that the three novels can quite conveniently be discussed somewhat *en bloc*.

The setting linking these novels is predominantly Parisian, but much less glamorous than such a background would naturally connote. The world of Rhys’s females is one of cheap, shabby hotels, in which they languish, utterly dependent on allowances from men with whom they are or have been in whatever relationships. When Marya Zelli in *Quartet* concludes that “[a]ll these hotels are the same” [1981, 100], it is not only a reflection on the dreadful accommodation, but on the general futility of her life. Rhys underscores this sense of pervading ennui by structuring her novels on what hardly resembles a plot, for, in fact, not much develops here in terms of a coherent story. Rhys’s protagonists move from one hotel to another, frequent cafés and restaurants, but even though they are in a constant flow, there is something depressively stagnant about their existence. They are not migrant birds of passage, but seem to be stuck in the urban landscape, insecure and haunted by their past failures, as Julia Martin in *After Leaving Mr Mackenzie*, tearfully looking back on her life as “a long succession of humiliations and mistakes and pains and ridiculous efforts” [1982, 94]. *In this mood of pervading hopelessness*, Rhys’s heroines turn to drink to brighten their bleak outlook on the surrounding reality and to assuage their sorrows, past and present ones alike. A good example here is the view of the river from Julia’s hotel room window, which makes her feel the coldness of the room even more penetrating. At night, however, fortified with drink, her perception gains a new dimension: “When you were drunk you could imagine that it was the sea” [1982, 12].

The blunting power of alcohol is almost the trademark of the three novels. As Julia explains: “When I’m drunk it’s all right. (...) It all falls into place” [1982, 38]. Drunkenness, however, is not necessarily a *sine qua non* of dispelling the anxiety experienced by Rhys’s heroines. For Marya, for instance, even a single drink provides an immediate foretaste of alcohol’s capacity to numb the sense of desolation [“the merciful stuff clouded her brain”; 1981, 95]. Similarly, Julia feels “[g]aiety spread through her” [1982, 82] when she has a glass of whisky, the feeling being a *déjà vu* of the many times before when alcohol kindled temporary enthusiasm. Similarly, for Sophia Jansen in *Good Morning, Midnight* a half glass of her favourite Pernod results in fleeting aggrandizement [“I feel like a goddess”; 2000, 73], and after a succession of Pernods she achieves a blissful state to which she refers as “fire and wings” (73). However, this almost archetypal function of drink as a consolatory agent

alternates with depressive spells. Here, Rhys employs alcohol in a morbid, pathological dimension, there being something compulsory in, for instance, Marya's drive to become drunk: "I must get drunk tonight. I must get so drunk that I can't walk, so drunk that I can't see" [1981, 124]. For Sophia, this drive becomes persistent, almost deterministic: "Drink, drink, drink ... As soon as I sober up I start again" [2000, 37]. In fact, Sophia's obsession reflects a self-destructive frame of mind, her ultimate aspiration being, as she explains, "[t]rying to drink myself to death" (30).

As far as Rhys's fictionalisation of women's drinking is concerned, what seems to be particularly relevant is the focus on the socio-cultural perception, which is hardly ever touched in literary renditions, and is certainly rare in British literature. The image of an alcoholic man can be found in countless fictional works, but women's portrayals are usually limited to the victims of male alcoholics. This obviously mirrors a tendency to perceive men's drunkenness as socially and culturally problematic, yet somewhat justifiable in various contexts; women's drinking, on the other hand, is unusual, unwelcome, and unacceptable, almost 'un-all' by definition. This is perfectly exemplified in Kingsley Amis's novel, *The Folks That Live on the Hill* (1990), in which a minicab-driver, invited by the alcoholic Fiona to have sex with her, takes advantage, not caring much that behind this seemingly debauched promiscuity there is a vulnerable and maladjusted woman. His final comment is cynical as well as hypocritical: "A drunken man's pitiful. A drunken woman's contemptible" [1991, 224]. The awareness of such a perception is apparent in all of Rhys's novels in question. As Kennedy observes in her introductory notes to *Good Morning, Midnight*, the novel's protagonist, Sophia, "is not just a drunk, but a drunk woman" [2000, x]. The same distinction is implied, for instance, in Julia's problems with her landlady, who vehemently disapproves of her having a drink on the premises, being "accompanied by a bottle", as she puts it, explaining further: "[a] man, yes; a bottle, no" [1982, 9]. Another telltale sign is the manner in which Mr Horsefield, Julia's lover, reacts to having smelt that she had been drinking ["He drew away"; 1982, 67]. However, most of all, the gender stigmatisation of drinking is reflected in Julia's self-consciousness, in her being fully aware of the way she and her likes are perceived: "They all know what I am. I'm a woman come in here to get drunk" [2000, 89]. This is something which the French writer, Marguerite Duras, a literary drinker herself, expounds in *Practicalities* (1990), a very personal account, in which, in the chapter titled "Alcohol" [1990, 15-19], Duras writes about her own drinking, but also about the social perception of women and alcohol: "When a woman drinks it's as if an animal were drinking, or a child. Alcoholism is scandalous in a woman (...). It's a slur on the divine in our nature" (17). This double predicament pinpointed by Duras, of being an alcoholic and a woman, is exactly what Rhys signals in her novels.

Much as Jean Rhys, the Scottish novelist A.L. Kennedy fictionalises women’s drinking in her *Paradise* (2004), a novel which offers, as Kaye Mitchell defines it, “first-person alcoholism/addiction narratives” [2008, xii], and is generally focused on what the protagonist, Hannah Luckraft, labels as the “liquid selves” [Kennedy 2005, 36]. Hannah’s own ‘liquid self’ is what she anatomises in numerous monologic passages, defining herself through the prism of alcohol. Hers is not the intermittent-bouts type of drinking, but the incessant one, almost as if she were sustained on a drip, with a slow yet steady inflow, which fits her own reflection on the nature of alcohol addiction, and on drinkers as being “permeable, absorbent” (211). In fact, Hannah meets this quality in a most diligent manner: “Being me is a job [...]. That’s a full-time occupation: that’s like being a miner, or a nurse” (84). When Hannah refers to herself as ‘being me’, she identifies with and discloses her dominant alcoholic nature – there is no ‘other’ Hannah but the drinking one, in which she remains perpetually self-absorbed, an example being her musings on the origin of the bottle she has just emptied: “And was this a present that someone else gave me, or was it a gift I intended to give? Or did I just buy this for me? Sometimes I am generous with me” (25). However, what is fairly unusual about Hannah’s alcoholism, at least in contrast to the literary examples quoted earlier, which offer images of women whose drinking is determined by a variety of social and familial factors, her addiction does not seem to have been triggered by anything manifestly traumatic. She seems to be an existential type of drinker, and this ordinariness, even banality behind her dependence is evident in her monologues: “I am delicate and the world is impossibly wrong, is unthinkable and I am not forewarned, forearmed, equipped. I cannot manage. If there was something useful I could do, I would – but there isn’t. So I drink.” (240).

In the various literary examples quoted earlier, alcohol functions as an eroding force, destructive to families and relationships, but in Kennedy’s novel it is an agent which, quite the contrary, substitutes the familial and intimate bonds, connoting cosiness, security, and emotionality. This is perfectly transparent in the non-verbal signals revealing Hannah’s communion with alcohol (“winking my goodbye to the trustworthy bottle”; 25), and even more in the way she refers to a bottle of Paddy as “the lovable-ugly orphan of Irish whiskeys”, which inspires her concluding remark on the sense of kinship it evokes: “who needs a mother and father when you’re that” (113). Throughout the novel there are numerous examples illustrating the substitutive function of alcohol: “another whisky and then one of its relatives, and then one of its friends (...) in my house with the whole whisky family, all of us curled up tight around our fine, warm, cask-matured, internal fire” (54). Hannah’s world is secure as long as its inhabitants, particularly her favourite brands, are safely stored and awaiting her: “My Cointreau, my bison-grass vodka, my absinthe, my little ceramic leprechaun full of whisky: I mean, each of my friends and acquaintances, the ones that should welcome me home” (142). Hannah both

familiarises and emotionalises alcohol, at times turning her addiction into a form of reverence, almost worship, conveyed by a variety of means such as, for instance, her admiration for the shape of a whisky bottle, depicted in the following way: “the rounded corners and the dapper weight and the elegant cut of the label: the black with the white and the gold, all shaped around each other to mark out an arch: a long, slim doorway to somewhere else” (17). The same applies to her numerous passionate comments on the many drink qualities she appreciates: “the beauty of swallowing, the loveliness, the sharp breath from the bottle’s neck and the handsomeness of that first taste, it shouts out, shudders the walls” (163).

Hannah’s attachment to alcohol, apart from being affectionate, can also take a more matter-of-fact form, most conspicuous in her preoccupation with the technicalities of drink. A good example is the way she perceives and acknowledges its value, not in the qualitative, through-the-palate manner, but quantitatively, in what might be called the optic-measure approach: the volume and proof (“Bushmill’s County Antrim, 700 millimetres, 40 per cent”, 17); the effect (“700 millimetres is so much more roomy and cheerier than a pint”, 17); or the final effect (“After 100 I get the good sweat”, 18). This mechanical approach to drink is also a self-defence technique aimed at what she calls the “unfulfilling tease” (35), that is the amounts which seem well-boding, yet fail to meet her standard of alcoholic satiation. Much in the same pragmatic manner, Hannah is preoccupied with her drinksapes, somehow following Julia Martin’s concluding remark in *After Leaving Mr Mackenzie* that “no place is a place to be sober in” [Rhys 1982, 37]. Hannah performs her drinking stunts in various geographical settings, but whether it is Dublin, Budapest, or Canada, her topography always revolves around drink, any place being potentially appropriate: “The toilet is more civilised and smaller, no one here, and that cool, true friend is yours now” [2005, 163].

Hannah’s alcoholic logistics are not limited to managing the quantity and quality, and selecting drinking venues. In a more feminine dimension, her drinking is very much controlled in terms of her image, to which Hannah seems to pay much attention. She does not in any way resemble what Agnes Owens defines as “a boozy hag” [2008, 157]. Quite the contrary, hers is the showpiece drinking, as it were, for she ensures that she does not appear the drowning type, falling into the abyss of alcoholism. Hannah does it on two levels, the first of which is an overt one, aimed at securing her public image: “What you want for a quality outing is a good sense of composition: when to take on convincing proof, when to level off with, say, a Merlot and when to risk the exotic: a Gammel Dansk, a Karpi” (Kennedy 2005:256). The second level is upholding her self-perception by convincing herself that her drinking is fully civilised and controlled: “The point is that I stay civilised, no matter

what. The most reliable measure of a person lies in what they do when they're alone, when they have no need to pretend – are they firm when solitary, or do they slide?” (18).

Paradise offers a dissection of alcoholism as seen through the prism of a woman's experience, even though to a great extent it fits the mechanisms of alcoholic *modus operandi* in general, not necessarily limited to a female perspective. However, Kennedy 'feminises' drink in her novel in one more, quite idiosyncratic manner, for she is doubly entwined, with drink and with her partner, a hard-drinking dentist. Their relationship is defined by alcohol, turning it into a peculiar *ménage à trios*: “An untouched bottle and the man who loves me, the man I love” (265). For Hannah, the bond between the two is based on the drink-induced intimacy, which very much determines and conditions their liaison: “If you and I were *to be drunk together*, then osmosis would give way to metamorphosis, to more and more permanent change. If you and I were *drunk together often* we might occasionally seem indistinguishable, two liquids blended in one” (213). In fact, intoxication seems a necessary prerequisite for their attachment, while sobriety appears a ruinous agent. This is most apparent in their alternate, short periods of temperance, whose 'termination' is invariably much-awaited: “I watched the whisky ignite, sharpen his eyes, take him back to the good, high, familiar place that waited for him during all his abstinence” (127) / “He kisses my forehead. ‘You'll be ready for it now. All set. I knew you could manage stopping.’ (...) ‘And I knew you could manage starting again.’ (...) ‘Welcome back’ (247).

Conclusion

Literary representations of women and alcohol are relatively rare in comparison with the portrayals of drinking men. A few exceptions can be found in Victorian fiction, and, to a far greater extent, in twentieth-century literature and onwards, but they usually focalise characters in works written by male writers, and mostly present victims of alcoholic environments, rather than alcoholics themselves. Here, both Jean Rhys and A.L. Kennedy stand out as almost singular examples of female writers fictionalising women's alcoholism.

By the same token, critical attempts to survey and anatomise this particular issue are few and far between, particularly in the case of English and Scottish literature. Discussing the role of alcohol in Jean Rhys's fiction, Jane Nardin reflects that it “rarely receives more than a passing mention” [2006, 47] from the numerous scholars who have undertaken a closer analysis of Rhys's work. In this context, Nardin's own critical contribution is a prominent exception, though her interest is primarily founded on “the gendering of alcoholism” (47). Such an approach, contributive as it is, inevitably narrows the analytical

scope to perceiving fictional representations of women's drinking through the prism of what Nardin labels as "patriarchal oppression" (46) and "female disempowerment" (71), thus creating an imbalance between gender-orientated issues and a literary portrait of alcoholism. As far as fictionalising alcohol is concerned, Kennedy has been much luckier with the critics, but this can be accounted for by the fact that whereas in Rhys's fiction women's drinking is only partly thematised, in Kennedy's *Paradise* it is the central theme of the novel. Consequently, the critical focus naturally shifts towards this particular aspect.

Rhys and Kennedy undoubtedly offer intricate and compelling portrayals of women whose lives are largely determined by drink. Rhys's protagonists are vulnerable, existing on the edge rather than in the centre, submerged in the reminiscences of their past relationships, either neurotic or contemplating suicide, retreating to their shabby hotel rooms, but above all, finding consolation in drink, which is a means of detaching oneself from reality. While in Rhys's fiction alcohol is an element of a much broader psychological portrayal, in *Paradise* it is the novel's focal point. Kennedy's protagonist is forever preoccupied with drink and all its aspects, which is most apparent in her reflection on being "distilled" [2005, 19]. Hannah Luckraft is a full-blooded alcoholic, cunning in her methodological approach to drink. Kennedy, quite understandably if one considers the historical/cultural/sociological differences between the two time frames represented by the novelists, provides a completely different type of a drink-dependent woman, a much updated, or emancipated, as it were, version of Rhys's heroines.

Despite there being differences between the two novelists, their fictionalisations of women's drinking have much in common. In the introductory notes to *Good Morning, Midnight*, Kennedy emphasises the frequent use of "alcohol-induced commentary" [2000, x] in Jean Rhys's fiction. This is exactly what Kennedy employs in her novel, quite possibly inspired by Rhys. In *Paradise*, such commentary is not only engendered by alcohol, but in great part actually concentrates on it. Writing about Jean Rhys's fiction, George Wedges emphasises the pervading obsession with drink [cf. 1998, 27]. Much the same, even to a greater degree, can be said of *Paradise*. It comes as no surprise that such similarities in the treatment of the alcohol theme have led Katie Owen to hail Kennedy "a modern-day Rhys" (2004).

There are obviously more works, not considered here, in which one can find female characters functioning in alcoholic settings. However, as far as literature of the British Isles is concerned, both Rhys and Kennedy, as has been argued, offer a perspective which is very much unparalleled, if only because they actually focalise 'drunk women', providing ample material both for analytical and comparative study of literary representations of women and alcohol.

Bibliography

- Amis Kingsley. 1991. *The Folks That Live on the Hill*. London: Penguin.
- Booth John. 1997. *Creative Spirits: A Toast to Literary Drinkers*. London: André Deutsch.
- Boycott Rosie. 1984. *A Nice Girl like Me: A Story of the Seventies*. London: Chatto & Windus.
- Bret Millier C. 2009. *Flawed Light: American Women Poets and Alcohol*. Urbana: University of Illinois Press.
- Brontë Anne. 1996. *The Tenant of Wildfell Hall*. London: Wordsworth Classics.
- Carr Virginia Spencer. 2003. *The Lonely Hunter: A Biography of Carson McCullers*. Athens: The University of Georgia Press.
- Daiche David. (ed.). 1990. *A Wee Dram: Drinking Scenes from Scottish Literature*. London: Andre Deutsch.
- Deeping Warwick. 1907. *A Woman's War*. London and New York: Harper & Brothers.
- Delaney Shelagh. 1974. *A Taste of Honey*. London: Eyre Methuen.
- Duras Marguerite. 1990. *Practicalities*. (Translated from the French by Barbara Bray). Grove Press: New York.
- Eliot George. 1906. *Scenes of Clerical Life*. London: MacMillan.
- Gaskell Elizabeth. 2009. *Mary Barton*. Auckland: The Floating Press.
- Gefou-Madianou Dimitra (ed.). 1992. *Alcohol, Gender and Culture*. London and New York: Routledge.
- Glyde Tania. 2009. *Cleaning Up: How I Gave Up Drinking and Lived*. London: Serpent's Tail London.
- Grant Elizabeth. 1911. *Memoirs of a Highland Lady*. London: John Murray.
- Hailwood Mark and Toner Deborah (eds.). 2015. *Biographies of Drink: A Case Study Approach to Our Historical Relationship with Alcohol*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Hawkins Paula. 2016. *The Girl on the Train*. London: Black Swan.
- Kennedy Alison Louise. 2000. *Introduction to Good Morning, Midnight*. London: Penguin.
- Kennedy Alison Louise. 2005. *Paradise*. London: Vintage.
- Keyes Marian. 1999. *Lucy Sullivan is Getting Married*. London: Arrow Books.
- Lister David. 1997. *Writers find inspiration at the bottom of a bottle*. “The Independent” 27 November [Accessed 24 II 2018].
- Logan Anna Deborah. 1998. *Fallenness in Victorian Women's Writing: Marry, Stitch, Die, or Do Worse*. Columbia: University of Missouri Press.
- McCormack Kathleen. 2000. *George Eliot and Intoxication: Dangerous Drugs for the Condition of England*. Basingstoke: Macmillan.
- McCormack Kathleen. 2002. *Intoxication and the Victorian Novel*. In: *A Companion to the Victorian Novel*. Eds. W. Baker and K. Womack. Westport, Conn.: Greenwood Press: 137-148.
- Miller JP. 1973. *Days of Wine and Roses. A Play in Three Acts adapted to the Stage by J.P. Miller. Based on His Original Television Play*. New York: Dramatists Play Service Inc.
- Millier Bret Candlish. 2009. *Flawed Light: American Women Poets and Alcohol*. Urbana and Chicago: University of Illinois.
- Mitchell Kaye. 2008. *A.L. Kennedy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Nardin Jane. 2006. *As Soon As I Sober Up I Start Again: Alcohol and the Will in Jean Rhys's Pre-War Novels*. “Papers on Language and Literature” Vol. 42, No. 1: 46-72.

- Owen Katie. 2004. *It's drink that's the problem*. "The Telegraph" 5 September [Accessed 07 IV 2018].
- Pizzichini Lilian. 2009. *The Blue Hour: A Portrait of Jean Rhys*. London: Bloomsbury.
- Rhys Jean. 1981. *Quartet*. Harmondsworth: Penguin.
- Rhys Jean. 1982. *After Leaving Mr Mackenzie*. Harmondsworth: Penguin.
- Rhys Jean. 2000. *Good Morning, Midnight*. London: Penguin.
- Savory Elaine. 2009. *The Cambridge Introduction to Jean Rhys*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wade Rosalind. 1956. *Come Fill the Cup*. New York: Pantheon.
- Wedge George. 1998. *Alcoholism as Symptom: The Life and Works of Jean Rhys*. "Dionysos Journal of Literature and Addiction" Vol. 8, No. 1: 23-33.
- Wyndham Francis and Melly Diana (eds.). 1984. *Jean Rhys: Letters 1931-1966*. New York: Viking.

Summary

"THEY ALL KNOW WHAT I AM": LITERARY REPRESENTATIONS OF WOMEN AND ALCOHOL

Drink literature is something which has been drawing critical attention for a few decades. This is most transparent in the number of studies concerning various attempts to literarise alcohol, in whatever form or genre. What is immediately striking, though, is that most literary works fitting this thematic context are written by male writers, to mention Malcolm Lowry or Charles Jackson, and they usually feature male protagonists. Women seem to be inconspicuous here, both as authors and as literary characters, the latter usually limited to marginal figures who are victims of male drunkenness. This article targets the 'neglected' gender in the fictional representations of alcohol by briefly surveying the motif in the literature written on the British Isles and then focusing on two women writers, Jean Rhys and A.L. Kennedy.

Kontakt z Autorem:
klepuszewski@poczta.pl

Bartosz Poluszyński
Instytut Sławistyki
Uniwersytet Opolski

DOI: <https://doi.org/10.31648/an.3639>

BETWEEN WOR(L)DS... OR COMPLETELY LOST
IN TRANSLATION? O WSPÓŁCZESNYCH
„TŁUMACZENIACH” TYTUŁÓW MEGAPRODUKCJI
FILMOWYCH. OD *WIRUJĄCEGO SEKSU* (1987)
PRZEZ *MINIONKI* (2010-2017) DO *PRZEŁĘCZY*
OCALONYCH (2016)

Key words: English-language films, film title translations, media onomastics, media names, ideonims, chrematonisms

W trakcie minionych trzech dekad, tj. w zawartych w tytule artykułu latach 1987-2017, w światowej kinematografii nastąpił nieporównywalny z niczym wcześniej postęp technologiczny, dzięki któremu kino – obok dobrej książki (choć dziś coraz rzadziej papierowej) oraz telewizji (coraz bardziej interaktywnej i nieosadzonej już w stacjonarnym odbiorniku) – stało się jedną z najistotniejszych form rozrywki współczesnego człowieka. Formy audiowizualne to „jedne z dominujących obecnie przekazów kulturowych”, a „filmy fabularne i seriale cieszą się coraz większym zainteresowaniem społecznym”, co zauważa Alina Naruszewicz-Duchlińska. Autorka dodaje również, że – w wyniku owego zainteresowania – powstał już nurt onomastyki medialnej, która skupia się na warstwie nazewniczej tej kategorii przekazów, a same tytuły jako podstawowe identyfikatory filmów określane są w terminologii onomastycznej jako „nazwy medialne”, „ideonimy” bądź „chrematonimy”¹. Oryginalne nazwy tytułów,

¹ NB: między ww. terminami istnieje niewielka różnica semantyczna, bo „ideonim” to nazwa typu chrematonimicznego desygnująca wytwór kultury artystycznej, np. obrazu, rzeźby, dzieła literackiego itp., podczas gdy „chrematonim” to nazwa własna obiektu materialnego lub niematerialnego, wytworzonego jako efekt kulturowej działalności człowieka (np. nazwa produktu, usługi, firmy, organizacji, przedsięwzięcia społecznego, wytworu lub wydarzenia artystycznego itd.), por. <https://onomastyka.uni.lodz.pl/strona-glowna/terminologia-polska> [Dostęp 4 IV 2018].

jak przekonuje dalej autorka, nie są dobierane przypadkowo, lecz stanowią „przemysłane makrostruktury tekstowe”, które – pomimo niewielkiej objętości – są „nasycone treściowo i asocjacyjnie”. Z kolei ich tłumaczenia na różne języki są wynikiem „onimicznej kreatywności translatorskiej” osób odpowiedzialnych za ich przekład [Naruszewicz-Duchlińska 2016, 147].

Dużo wcześniej, bo w 1979 roku, na łamach kultowego niegdyś miesięcznika „Kino”, felietonista Marek Hendrykowski zauważył, iż „nazwa filmu bywa czynnikiem determinowanym tak swoiście, że niemal natychmiast podsuwa myśl o istnieniu czegoś w rodzaju osobnego systemu strategicznego”. Przyjmując w swoich rozważaniach perspektywę poetyki odbioru, autor przekonuje, że „intrygujący wydaje się zwłaszcza moment «p o d w ó j n e g o z y c i a» tytułów filmowych które obdarzone są największą dozą autonomii w stosunku do samego dzieła i funkcjonują jako element najbardziej wychylony poza jego granice” [Hendrykowski 1979]².

Polska – ze względu na skutecznie wdrożone transformacje ustrojowe (w tym także regulacje dotyczące ochrony własności intelektualnej) i liczną wielomilionową i wielopokoleniową widownię – już jakiś czas temu dołączyła do krajów, które są traktowane priorytetowo przez wytwórców i dystrybutorów kinematografii światowej; dzięki temu wszystkie światowe premiery filmowe dostępne są w naszych kinach praktycznie w tym samym albo w niemalże tym samym terminie, co w Nowym Jorku, Londynie, Paryżu czy w Berlinie. Światy kinematografii w strefie anglojęzycznej (tj. oryginalnej językowo) i wszystkich pozostałych regionów globu „skazanych”³ na tłumaczenia – jak się wydaje w wielu przypadkach – bardzo się jednak różnią w podejściu do widza i w sposobach oddziaływania na niego, chociażby poprzez tytuły filmowe i zawarty w nich przekaz. Stąd właśnie pojawił się widoczny w tytule niniejszego artykułu leksem „wor(l)ds”, nawiązujący i do wyrażonej powyżej myśli-tezy przewodniej, i do anglojęzycznego tytułu olsztyńskiej konferencji naukowej, *Between wor(l)ds*, na której ów przekaz został ogłoszony.

Powyzsza uwaga staje się tym bardziej znacząca, gdy zdamy sobie sprawę ze skali problemu. Jeśli bowiem spojrzeć na przykładowy repertuar jednego z kin największej sieci multikin w Polsce, spółki Helios S.A.⁴, okazuje się, że zdecydowana większość prezentowanych tam produkcji pochodzi z zagranicy (tu: 77%), głównie z USA⁵; a zatem konieczne staje się profesjonalne wykonanie

² Cały felieton dostępny jest pod adresem http://www.archiwum.kino.org.pl/pdf/1979/kino_1979_12_034.pdf.

³ O polskim motywie „skazania” można przeczytać w dalszej części artykułu.

⁴ Helios S.A., którego właścicielem jest Grupa Agora S.A., posiada obecnie aż 44 kina, w których łącznie ma 241 ekranów i ponad 49 tys. miejsc, por. <http://www.helios.pl/HeliosSA/> [Dostęp 4 IV 2018].

⁵ W opolskim Heliosie, dla przykładu, we wtorek 3 IV 2018 r. (tuż po Wielkanocy) można było obejrzeć następujące pozycje filmowe: cztery zdubbingowane animacje dla dzieci – *Luis i obcy* (Niemcy/Luksemburg/Dania, 2018), *Piotruś Królik* (Australia/USA/Wielka Brytania, 2018), *Gnomeo i Julia. Tajemnica zaginionych krasnali* (USA/Wielka Brytania, 2018) oraz *Jaskiniowiec* (Wielka Brytania/Francja, 2018); osadzony w realiach religijnych *Maria Magdalena* (Wielka Brytania,

przekładu nie tylko treści samego filmu (w postaci dubbingu, napisów bądź lektora), lecz także przede wszystkim tytułu dzieła, który – jako pewnego rodzaju inicjalna metawypowiedź i istotny perswazyjnie komunikat na temat filmu – pełni niezwykle istotne funkcje i z pewnością może przyczynić się do komercyjnego sukcesu lub porażki produkcji na ekranie.

Od strony teoretycznej temat przekładu, w tym przekładu filmowego, jest opracowany dość rozlegle i wielowątkowo. Jak wspomina piszący te słowa w VIII tomie serii wydawniczej „Między Słowami – Między Światami”⁶, na świecie od wielu lat trwa ożywiona dyskusja na temat technicznych aspektów przekładu, a ów dyskurs – mimo upływających lat – dotyczy nadal nawet tak podstawowych kwestii jak samej terminologii stosowanej w przekładoznawstwie, tj. np. różnic między „metodami”, „technikami”, „procedurami” i „strategiami” tłumaczeniowymi. W ww. publikacji autor wspomina również o szeroko zakrojonych pionierskich pracach badawczych i powstałych w ich wyniku publikacjach Eugene Nidy [1964], duetu Jean Paul Vinay i Jean Darbelnet [1977], Jeana Claude’a Margota [1979], Petera Newmarka [1988] czy wreszcie Mony Baker [1992], które stanowią dziś klasyczne pozycje w bibliotece przekładoznawstwa teoretycznego i powinny być obowiązkową lekturą dla tłumaczy-praktyków. Autor dodaje również, iż bardzo przejrzystą syntezę ww. dyskusji, a także próbę nowego usystematyzowania wybranej terminologii przekładoznawczej, można znaleźć w pracy duetu Lucía Molina i Amparo Hurtado Albir pt. *Translation Techniques Revisited: A Dynamic and Functionalist Approach* [2002].

Zawężając nieco tematykę przekładu do przekładu tytułów (niekoniecznie tylko filmowych, ale literackich w ogóle), wśród istotnych tekstów o tej tematyce należy wymienić przede wszystkim dwie klasyczne publikacje Jerzego Jarniewicza *Tytuł w przekładzie (czyli o tłumaczeniu tytułów tekstów literackich)* [1999] oraz *Przekład tytułu: między egzotyką a adaptacją* [2000]. Jeśli chodzi natomiast o kwestię przekładu tytułów *stricto* filmowych, literatura dotycząca tej tematyki jest mniej obszerna i bardziej fragmentaryczna, a ponadto w ogromnej większości dotyczy tłumaczenia z języka angielskiego na inne języki (np. na język polski). Jest to w pełni zrozumiałe, gdyż zdecydowaną większość w kinematografii światowej stanowią pozycje amerykańskie (tzw. hollywoodzkie *blockbustery*), a – odwracając rozumowanie – pozycje nieanglojęzyczne są rzadko przedstawiane w anglojęzycznym obszarze kulturowym,

2018); trzy pozycje fantastyczno-naukowe/fantasy – *Player One* (USA, 2018), *Tomb Raider* (USA, 2018) oraz *Pacific Rim: Rebelia* (USA, 2018); komedię *Wieczór gier* (USA, 2018), horror *Nieznajomi: ofiarowanie* (USA, 2018); i wreszcie trzy pozycje krajowe, w tym dwa filmy akcji – *Kobiety mafii* (Polska, 2018) oraz *Pitbul. Ostatni pies* (Polska, 2018), a także komedię romantyczną *Kobieta sukcesu* (Polska, 2018). Podsumowując, spośród 13 filmów do wyboru w ów dzień, tylko 3 (23%) to pozycje polskojęzyczne, a aż 10 (77%) to produkcje zagraniczne. Spośród repertuaru z zagranicy, absolutnie wszystkie (10 z 10) to produkcje anglojęzyczne, zdecydowana większość (7 z 10) to produkcje lub koprodukcje amerykańskie, i – co ciekawe – wszystkie 3 zagraniczne animacje dla dzieci to koprodukcje międzynarodowe.

⁶ Zob. [Poluszyński 2017, 146-147].

który niejako wydaje się zakładać, że dobry film to film przede wszystkim „nasz”, anglojęzyczny, oglądany bez konieczności nienaturalnego czytania napisów. Wśród tekstów w tej podgrupie na szczególną uwagę zasługuje tekst Romana Kalisza pt. *Tłumaczenia tytułów – praktyka i nadużycia* [2009], w którym autor podejmuje próbę opisu zmian semantycznych i aksjologicznych w tłumaczeniu tytułów filmowych, dwa współczesne opracowania Jadwigi Suwaj *Przekład tytułów filmów anglojęzycznych i ich funkcjonowanie na rynku polskim* [2014] oraz *Problemy kulturowe w tłumaczeniu anglojęzycznych tytułów filmowych na język polski* [2018], a także tekst autorstwa Cecylii Galilej pt. *Z problematyki tłumaczeń anglojęzycznych tytułów filmowych na język polski* [2012] czy wreszcie anglojęzyczne opracowanie Augustyna Surdyka i Anny Urban pt. *Mistranslations of Film Titles: Between Fidelity and Advertising* [2016]. Ze względu na ograniczenia objętościowe niniejszego artykułu nasze dalsze rozważania oprzemy jednak nie na ww. opracowaniach, choć są one warte dogłębnej lektury, lecz na kilku innych istotnych publikacjach, nawiązujących bezpośrednio do poruszanej tu tematyki. Celem artykułu jest deskryptywno-preskryptywna analiza kilkudziesięciu par tytułów głośnych w ostatnich latach filmów anglojęzycznych oraz ich oficjalnych przekładów na język polski – głównie, choć nie wyłącznie, pod kątem funkcji, jakie owe tytuły oraz ich przekłady mają za zadanie spełniać pośród widzów. Rozważania prowadzone są przede wszystkim z perspektywy filologicznej (głównie leksykalnej) z uwzględnieniem ewentualnych czynników kulturowych lub innych (np. komercyjnych), które mogły odegrać rolę w procesie przekładu. Cel preskryptywny prowadzonej tu analizy to głównie ocena adekwatności, wyrażona poprzez ewentualną konstruktywną krytykę autora, powstałych w procesie przekładu tytułów docelowych w stosunku do oryginalnych anglojęzycznych.

O tytułach w ogóle – choć bez odniesienia do problematyki ich tłumaczeń na konkretne inne języki – traktował już w 1988 roku Peter Newmark w swojej klasycznej dziś pozycji pt. *A Textbook of Translation*. Autor podzielił w niej tytuły na „deskryptywne” (ang. *descriptive titles*), które opisują temat tekstu (czy też filmu – B.P.) w sposób bezpośredni, oraz na „aluzyjne” (ang. *allusive titles*), które mają jedynie pewien referencyjny czy też figuratywny związek z tematem⁷. Innymi słowy, tytuły deskryptywne zapewniają widzowi pewną konkretną i namacalną informację na temat głównego wątku utworu czy filmu, podczas gdy tytuły aluzyjne w ogóle do niego nie nawiązują, choć powiązane są z nim koncepcyjnie (pośrednio, aluzyjnie). Ponieważ język angielski jest strukturalnie językiem bardzo zwartym czy też „zbitym” (ang. *a tight language*) i podającym informację w sposób niezwykle zwięzły oraz bezpośredni (ang. *straight to the point*), jest oczywiste, że większość tytułów w tym języku zawiera bezpośredni przekaz deskryptywny dużo częściej niż ów pośredni aluzyjny.

⁷ „[They] have some kind of referential or figurative relationship to the topic” [Newmark 1988, 53].

Porównując tytuły oryginalne z ich oficjalnymi przekładami na inne języki (np. na język polski), większość widzów w kinach na całym świecie z pewnością dostrzeże ww. deskryptywność zdefiniowaną przez Newmarka, tj. że tytuły anglojęzyczne to najczęściej jeden lub dwa krótkie leksemy (przeważnie rzeczowniki), rzadko trzy, a prawie nigdy cztery i więcej – i to nawet jeśli mamy do czynienia z kolejnym filmem w serii (tzw. *sequel*), w którym występuje podtytuł. Widać to doskonale na przykładzie tytułów filmów powstałych w 2016 roku i nominowanych w 2017 roku do Oscara w kategorii „Najlepszy film” (uporządkowanie alfabetycznie oraz widoczne po prawej stronie oficjalne tłumaczenia w polskiej dystrybucji – B.P.)⁸:

(1) <i>Arrival</i>	→ <i>Nowy początek</i>
(2) <i>Fences</i>	→ <i>Płoty</i>
(3) <i>Hacksaw Ridge</i>	→ <i>Przełęcz ocalonych</i> (więcej o tej pozycji w komentarzu)
(4) <i>Hell or High Water</i>	→ <i>Aż do piekła</i>
(5) <i>Hidden Figures</i>	→ <i>Ukryte działania</i>
(6) <i>La La Land</i>	→ <i>La La Land</i>
(7) <i>Lion</i>	→ <i>Lion. Droga do domu</i>
(8) <i>Manchester by the Sea</i>	→ <i>Manchester by the Sea</i>
(9) <i>Moonlight</i> (zdobywca Oscara)	→ <i>Moonlight</i>

Jak widać, aż trzy pozycje w wersji anglojęzycznej to pojedyncze leksemy (1, 2, 7), z których tylko jeden (2) został przełożony na język polski literalnie i bez jakichkolwiek dodatków. Pośród tytułów oryginalnych mamy również dwie nazwy własne (3, 8), z których tylko druga została przeniesiona do wersji polskojęzycznej. Podobną strategię transferową zastosowano w przypadku filmu-zdobywcy Oscara (9) oraz obsypanego nagrodami musicalu (6).

Najwięcej zastrzeżeń w ww. zestawie budzi jednak tłumaczenie poruszającego dramatu wojennego *Hacksaw Ridge* w reżyserii Mela Gibsona (3), zawartego w tytule niniejszego artykułu. Oryginalny tytuł to potoczna żargonowa (stąd nieoficjalna) nazwa własna wysokiej na nieco ponad 100 metrów skarpy Maeda Escarpment (czy też tłumacząc inaczej – wyniesienia/grzbietu/klifu; por. znaczenie ang. leksemu *ridge*), ciągnącej się w poprzek japońskiej wyspy Okinawa, o którą w maju 1945 roku zaciekle boje toczyli Amerykanie i Japończycy⁹. Należy tu stwierdzić z całą stanowczością, że w żadnym razie *nie* jest to i nigdy nie była „przełęcz”, niepotrzebnie i dezinformująco dodana do polskiego tytułu filmu, co z łatwością można potwierdzić, oglądając dzieło Gibsona i/lub liczne zdjęcia z obiektu na Okinawie, dostępne w źródłach historycznych i w Internecie. „Ocaleni”, owszem, w filmie byli, ale powstaje pytanie, dlaczego polski widz musi o nich wiedzieć już z tytułu filmu, przez co ewidentnie jest „odzierany” z pewnej części *suspensu* czy też emocji, zwłaszcza

⁸ Dane na podstawie strony <http://www.filmweb.pl/awards/Oscary/2017> [Dostęp 4 IV 2018].

⁹ Por. <http://www.historyvshollywood.com/reelfaces/hacksaw-ridge/> [Dostęp 4 IV 2018].

jeśli dowie się czegoś o dramatycznej bitwie o Okinawę¹⁰, podczas gdy widz amerykański, brytyjski czy australijski uzyskuje informację o owych ocalonych dopiero podczas projekcji. Nieco ironizując, idąc dalej w tym niewłaściwym z gruntu kierunku (tj. dokładania informacji w przekładzie w stosunku do oryginalnego tytułu), można by spreparować tytuł ww. filmu jako *Przełęcz, która wcale nie była przełęczą, 75 ocalonych przez wojskowego paramedyka, który nigdy nie wziął broni do ręki, bo był religijnym Adwentystą Dnia Siódmego*. Z tej samej przyczyny należy zapytać, dlaczego polski dystrybutor wspomnianego wcześniej filmu-nominata do Oscara pt. *Lion* (w wersji przełożonej *Lion. Droga do domu*) od razu wyjawiał widzowi, że ktoś w filmie będzie odbywał sentymentalną zapewne podróż w rodzinne strony, chociaż widz anglojęzyczny nie otrzymał takiej informacji.

Problematyką przekładu tytułów – choć bardziej literackich niż *stricte* filmowych – zajmował się również Krzysztof Hejwowski, który w swojej najnowszej książce pt. *Iluzja przekładu. Przekładoznawstwo w ujęciu konstruktywnym* [2015] poświęcił temu zagadnieniu cały piąty rozdział (*Tytuły utworów literackich w przekładzie – funkcje i tłumaczenia tytułów*). W nieco starszej anglojęzycznej publikacji pt. *Translation: A Cognitive-Communicative Approach* [2004b, 167-183]¹¹ Hejwowski również poświęcił cały rozdział, tym razem szósty, problematyce przekładu tytułów. W tej części wydawnictwa autor najwięcej miejsca przeznaczył na zdefiniowanie i opisanie funkcji, jakie mają spełniać tytuły, ilustrując swoje rozważania wieloma przykładami nie tylko z języka angielskiego na polski, lecz także w innych parach przekładowych. Funkcje te – przypomnijmy za autorem – są następujące¹²:

- 1) funkcja identyfikacyjna (ang. *the identifying function*), dzięki której daną pozycję – niczym niepowtarzalną nazwę własną – można wyróżnić spośród wielu podobnych, skatalogować, odnosić się do niej słowem czy na piśmie, etc. (i stąd tytuł *Wichrowe Wzgórza* bądź *Wuthering Heights* w oryginale, bez względu na to, czy odnosi się do tytułu książki, czy jednej z wielu adaptacji filmowych, będzie zawsze kojarzony z jedyną powieścią angielskiej pisarki Emily Jane Brontë z 1847 roku);
- 2) funkcja prezentacyjna (ang. *the presentative function*), dzięki której odbiorca otrzymuje pewne skondensowane i uogólnione informacje na temat treści książki czy filmu bądź ich ogólnego przesłania (i stąd na podstawie tytułu *Terminator 3: Rise of the Machines*, pl. *Terminator 3: Bunt maszyn*,

¹⁰ W tej najbardziej krwawej bitwie na Pacyfiku, podczas niemalże trzymiesięcznych zaciętych walk zginęło ponad 240 tys. osób: prawie 150 tys. cywilów japońskich, 77 tys. żołnierzy Cesarskiej Armii Japońskiej (w tym wielu kamikadze) i ponad 14 tys. Amerykanów, zob. https://en.wikipedia.org/wiki/Battle_of_Okinawa [Dostęp 10 IV 2018].

¹¹ W 2004 r., nakładem Wydawnictwa Naukowego PWN, ukazała się również polskojęzyczna publikacja pt. *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu* Krzysztofa Hejwowskiego, ale jej treść nie jest tożsama z cytowanym tu wydawnictwem anglojęzycznym, zob. [Hejwowski 2004a].

¹² Lista funkcji 1-6 oraz wyjaśnienia ich znaczenia – na podst. [K. Hejwowski 2004b, 171-176] (tłum. – B.P.), przykłady i ewentualne dodatkowe interpretacje – wg autora niniejszej publikacji.

dowiadujemy się, że jakieś maszyny podejmą zorganizowany bunt względem człowieka – swojego stwórcy)¹³;

- 3) funkcja ewokacyjna/skojarzeniowa/sugestywna (ang. *the evocative function*)¹⁴, dzięki której u odbiorcy powstają uzasadnione oczekiwania czy skojarzenia względem utworu, a sam utwór stanowi dzięki tytułowi pewnego rodzaju obietnicę co do zawartych w nim treści (i stąd można słusznie oczekiwać, że *Kill Bill* czy *Die Hard* to filmy akcji, *Krowy na wypasie* (ang. *Barneyard: The Original Party Animals*) czy *Zwierzogród (Zootopia/Zootropolis)* to pozycje dla dzieci, *Naked Gun 33 1/3: The Final Insult* czy *Kosmiczne jaja* to zdecydowanie komedie, a filmy *My Submissive Secretary* czy *Hot Legs* są zapewne przeznaczone dla widzów dorosłych)¹⁵;
- 4) funkcja empiryczna (ang. *the experiential function*), dzięki której autor tytułu może wyrażać swoje własne preferencje, sentymenty czy gusta względem prezentowanych w dziele treści i dzielić się nimi z odbiorcą (i stąd w prezentowanym w Polsce od 2016 roku dramacie *Smoleńsk* jego reżyser, nieżyjący już Antoni Krauze, upublicznił swoje oficjalne poparcie dla spiskowych teorii na temat katastrofy wojskowego samolotu Tu-154M z 2010 roku i rzekomego zamachu dokonanego wówczas na polskich patriotach, zmierzających do Katynia na oficjalne obchody rocznicowe);
- 5) funkcja relatywna/pokrewna (ang. *the relative function*), dzięki której tytuły są wpisywane w sieć rozmaitych relacji, określane mianem „kultura” i jako takie nawiązują do innych wytworów szeroko pojętej kultury i je cytują, objaśniają, parafrazują, parodiują, czy nawet negują ich sens (i tak animacja wytwórni DreamWorks z 2004 roku pt. *Shark Tale*, dosł. ‘Rekinia opowieść’, ukazała się w Polsce pt. *Rybki z ferajny*, który to tytuł ewidentnie nawiązywał do tytułu filmu Martina Scorsese z 1990 roku *Goodfellas*, przełożonego na polski jako *Chłopcy z ferajny*; co więcej, w anglojęzycznej wersji ww. *Shark Tale* nawet wygląd większości głównych bohaterów kreskówki miał być parodią wyglądu aktorów, którzy użyczyli im swoich głosów, wśród których znalazły się sławy, takie jak m.in. Will Smith, Robert De Niro, Martin Scorsese, Renée Zellweger, Angelina Jolie czy Christina Aguilera);

¹³ Inni autorzy, jak zaznacza Hejwowski [2004b], określają tę funkcję jako „informacyjną” bądź „deskryptywną”, np. Monika Gagaczowska [2000], która twierdzi również, że jest ona opcjonalna i że czasem tytuł ma na celu wręcz zmylić docelowego odbiorcę, np. w przypadku francuskiej powieści pt. *L'Automne à Pékin* (dosł. ‘Jesień w Pekinie’) Borisa Viana, której akcja nie toczy się ani jesienią, ani w Pekinie [Gagaczowska 2000, 281].

¹⁴ Gagaczowska do owej funkcji nawiązuje poprzez termin „the connotative aspect” [2000, 282].

¹⁵ Podobną myśl o wskazywaniu przez tytuł gatunku filmowego, do którego należy dana produkcja, sformułował w swoim artykule Leszek Berezowski, który – po przeprowadzonym badaniu (na bazie 330 tytułów filmowych) – sformułował fundamentalną zasadę przekładu tytułów filmowych, tj. że „[t]ytuł powinien wyraźnie wskazywać na gatunek filmu w sposób łatwo dostępny dla czytelnika przekładu”, a [d]obór metody tłumaczenia gra tu (...) rolę drugoplanową i ma jedynie zapewnić osiągnięcie wskazanego w zasadzie celu nadrzędnego” [2004, 313-324].

6) funkcja komercyjna/handlowa/marketingowa (ang. *the commercial function*), dzięki której tytuł może dodatkowo uatrakcyjnić książkę czy film, przyciągnąć uwagę potencjalnych odbiorców, zaintrygować ich, zadziwić czy wręcz prowokować (i stąd wiele udanych, przyciągających uwagę, choć zupełnie niezwiązanych z oryginałami tytułów polskich, np. *Duplex – Starsza pani musi zniknąć*, *Dirty Grandpa – Co ty wiesz o swoim dziadku?* czy też *Welcome to Sarajevo – Aleja snajperów*, ale i mnóstwo bardzo nieudanych prób takich tłumaczeń, np. *Dirty Dancing – Wirujący seks*, *Terminator – Elektroniczny morderca* czy wreszcie *Die Hard 2: Die Harder – Szklana pułapka 2*)¹⁶.

Nawiązując do wspomnianego powyżej *Dirty Dancing* (1987), czyli *Wirującego seksu*, chyba najpowszechniej obśmiewanego polskiego tytułu w historii kina w naszym kraju, należy zauważyć, że to sami widzowie praktycznie wyeliminowali funkcjonowanie tego kuriozalnego przekładu na rynku filmowym – tak samo jak nieco wcześniej nie zaakceptowali Arnolda Schwarzeneggera jako *Elektronicznego mordercę* (1984); bo chyba żaden z kinomanów nie nawiązywał kiedykolwiek do którejkolwiek z tych produkcji inaczej, jak tylko poprzez oryginalne anglojęzyczne tytuły, przetransferowane do języka polskiego („Uwielbiam *Terminatora* – szczególnie pierwszą i drugą część”, „Czy widziałeś kiedyś *Dirty Dancing*?”, etc.)¹⁷. Tłumaczenia natomiast tytułów serii filmowych, takich jak *Lethal Weapon* z Melem Gibsonem i Dannym Gloverem (pl. *Zabójcza broń* – 4 części z lat 1987-1998), *Die Hard* z Bruceem Willisem w roli głównej (5 części z lat 1988-2013) czy wspomnianych w tytule artykułu *Minionków* (4 części z lat 2010-2017), są obarczone dużym ryzykiem, szczególnie jeśli tytuł pierwszej części w serii zostanie przełożony zbyt swobodnie w stosunku do wersji oryginalnej. Stało się tak, niestety, w przypadku *Die Hard – Szklanej pułapki* (którą można było przełożyć jako *Brutalną śmierć*). Z kolei, w animowanej serii z cyklu *Minionki* pierwszy z odcinków w ogóle nie zawierał leksemu „Minions”, a jedynie frazę *Despicable Me*, dosł. ‘Podły/

¹⁶ Internetowe blogi i rozmaite fora internetowe wręcz „pekają” od setek widzów wyśmiewających polskojęzyczne ekwiwalenty amerykańskich produkcji filmowych, więc problem dość swobodnego i raczej beztroskiego przekładania tytułów z języka angielskiego na polski jest powszechnie zauważany i niezwykle żywo komentowany przez współczesnych kinomanów. Fakt, że coraz częściej zajmują się tą problematyką także przedstawiciele nauki polskiej, świadczy o coraz poważniejszym stanie omawianych tu tłumaczeń („tłumaczeń?”).

¹⁷ Ów leksem – pisany wielką literą „Terminator” – znalazł trwale miejsce w języku polskim jako zapożyczenie i to pomimo tego, że mamy już rzeczownik pospolity „terminator”, i to aż w kilku niepokrewnych znaczeniach pochodzących z różnych sfer życia: (1) w żargonie rzemieślniczym – (przestarzałe) ‘uczeń odbywający naukę pod kierunkiem majstra’ – i tu występuje również wersja żeńska ‘terminatorka’, (2) w astronomii – ‘linia odgraniczająca część powierzchni ciała niebieskiego oświetloną przez Słońce od części nieoświetlonej’ (<https://sjp.pl/terminator>), (3) w telekomunikacji i informatyce – ‘element w sieciach komputerowych oparty na kablu koncentrycznym służący do zakończenia linii, szczególnie Ethernet 10BASE2’, (4) w elektronice – ‘element osprzętu SCSI kończący linię’, a także (5) w genetyce – ‘odcinek genu, na którym kończy się proces transkrypcji’ (<https://pl.wikipedia.org/wiki/Terminator>). Charakterystyczny we wszystkich znaczeniach jest etymologiczny element kończenia/zakańczania/ograniczania czegoś – od łac. *terminus* (‘koniec/schylek/finał/granica’) – por. <https://pl.glosbe.com/la/pl/terminus> [Dostęp 12 IV 2018].

nikczemny ja' (pl. *Jak ukraść Księżyc*), natomiast w *sequelach* pojawiły się odpowiednio *Despicable Me 2* (pl. *Minionki rozrabiają*) oraz *Despicable Me 3* (pl. *Gru, Dru i Minionki*). Analizując polskie tytuły, ponownie należy stwierdzić, że polscy dystrybutorzy zupełnie zbytecznie zastąpili oryginalne zwięzłe tytuły dodatkowymi informacjami, które w ogóle nie wystąpiły w wersji angielskiej, wyjawiając polskiemu odbiorcy przedwcześnie, że w pierwszym filmie zostanie ukradziony Księżyc, w drugim – Minionki będą rozrabiać, a w trzecim – pojawi się tajemniczy Pan Dru (jak się okaże, brat bliźniak Pana Gru). Widz polski tym samym został pozbawiony części doznań, jakie stały się udziałem kinomana amerykańskiego, brytyjskiego czy australijskiego.

Ciekawe i niezwykle intrygujące spostrzeżenie na temat polskich przekładów tytułów filmowych wyraża również Maciej Sikorski, felietonista portalu antyweb.pl, w artykule *Polska: kraj skazany na kiepskie tłumaczenia tytułów i filmów* [2017]¹⁸, przy czym kluczowy okazuje się tutaj imiesłów „skazany”. Autor przekonuje w publikacji, że w przekładach tytułów anglojęzycznych na język polski bardzo często – zupełnie niepotrzebnie i z niezrozumiałych powodów – pojawia się „motyw skazania”, jak nazywa go autor. Dywaguje on, że ów więzienny akcent i wątek skazańców to „[prawdopodobnie – B.P.] [s]puścizna zaborów, zsyłek, wojen i komunizmu” albo jeszcze innych czynników historycznych, które na przestrzeni wieków kształtowały naszą świadomość (B.P.). Na dowód Sikorski przytacza przykłady kilkunastu filmów, spośród których ani jeden nie zawiera leksemu związanego ze skazaniem w wersji oryginalnej, natomiast w wersji polskiej – owszem, posiadają go absolutnie *wszystkie* oficjalne tłumaczenia (uporządkowanie alfabetyczne oraz wytłuszczenia – B.P.):

(1) <i>Con Air</i>	→ <i>Con Air. Lot skazańców</i>
(2) <i>Dalida</i>	→ <i>Dalida. Skazana na miłość</i>
(3) <i>In Justice</i>	→ <i>Skazani za niewinność</i>
(4) <i>In Hell</i>	→ <i>Skazany na piekło</i>
(5) <i>Levity</i>	→ <i>Skazany na wolność</i>
(6) <i>Martyrs</i>	→ <i>Martyrs. Skazani na strach</i>
(7) <i>Prison Break</i>	→ <i>Prison Break. Skazany na śmierć</i>
(8) <i>Seed</i>	→ <i>Seed. Skazany na śmierć</i>
(9) <i>Stuck On You</i>	→ <i>Skazani na siebie</i>
(10) <i>The Shawshank Redemption</i>	→ <i>Skazani na Shawshank</i>
(11) <i>The Wronged Man</i>	→ <i>Niestuszenie skazany</i>

Komentując powyższą listę, Sikorski akceptuje i dostrzega zasadność użycia motywu skazania jedynie w tłumaczeniach dwóch filmów – (9) i (11), nazywając pozostałe przypadki „zabiegami pozbawionymi sensu”, „dziwnymi zabiegami w tłumaczeniach” czy wręcz „piekłem tłumaczeń” [2017]. Uzupełniając rozważania autora, należy stwierdzić, że niektóre z ww. tłumaczeń pełnią

¹⁸ Pełny artykuł dostępny jest pod adresem: <http://antyweb.pl/tytuły-filmow-tlumaczenia/> [Dostęp 10 IV 2018].

funkcje przeciwne do wymienionych przez Hejwowskiego funkcji prezentacyjnej i ewokacyjnej/ skojarzeniowej/sugestywnej, gdyż w stosunku do treści filmu tytuły te mogą wręcz implikować fałszywe informacje na temat filmu (tj. że piosenkarka Dalida rzeczywiście była skazana na jakąkolwiek miłość, na którą nie była skazana) bądź też wywoływać nieuzasadnione skojarzenia co do zawartych w filmie treści (tj. że niesłusznie osadzeni w więzieniach w serialu telewizyjnym *In Justice* i uwalniani z nich po latach wskutek rewizji zapadłych wyroków zostali rzeczywiście skazani za niewinność, a nie wskutek błędów proceduralnych, które zostały popełnione przez organy ścigania na etapie śledztwa oraz wskutek nieprawidłowości, do których doszło podczas rozpraw sądowych).

Wspomniana przez Hejwowskiego funkcja komercyjna tytułu (ang. *the commercial function*) jest z pewnością jednym z czynników, które decydują o postaci przełożonego tytułu w kraju docelowym. Zauważają to w swoim artykule Surdyk i Urban [2016, 168], którzy twierdzą, że aspekty lingwistyczne we współczesnej kinematografii często odkłada się dziś na bok, a naciski komercyjne [producentów, dystrybutorów, etc. – B.P.] pozostawiają tłumaczom tytułów niewiele przestrzeni, co w rezultacie prowadzi do ignorowania przez nich zasady wierności przekładu¹⁹. Potwierdza to także Naruszewicz-Duchlińska [2016, 148], która w swojej publikacji argumentuje że „oryginalne tytuły są efektem przemyślanych decyzji twórców dzieła i/lub specjalistów do spraw marketingu, którzy niewątpliwie mają świadomość tego, jak istotny element strategii sprzedażowej i budowania wartościowej marki stanowi nazwa”.

Podsumowując, z perspektywy twórców i dystrybutorów dzieła najważniejsze i w wielu przypadkach decydujące staje się kryterium kosztów i korzyści (ang. *the cost-benefit criterion*), tj. analiza sposobów maksymalizacji potencjalnych zysków. Tytuł filmowy jako pierwszy i najważniejszy metatekst, który ma zwrócić uwagę widza na produkcję i przyciągnąć go (i oczywiście jego pieniądze) do kina, jest szczególnie narażony na tego typu komercyjne zniekształcenia i coraz częściej jest przekładany na inne języki swobodnie zamiast wiernie. Surdyk i Urban [2016] zauważają także, że – w przypadku masowych zniekształceń tytułów filmowych w różnych krajach docelowych i ich odmiennych kulturach – tłumaczenia takie, w wersjach bardziej „nośnych marketingowo niż dopracowanych artystycznie” [Naruszewicz-Duchlińska 2016, 157], mogą być pozbawiane funkcji identyfikacyjnej, którą nadali im pierwotni twórcy. Widać to szczególnie dobrze na przykładzie obszernego w naszym kraju tłumaczenia *Dirty Dancing* jako *Wirujący seks*. Tytuł anglojęzyczny informował wprost, że film jest zbudowany wokół wątku tańca, a polski – wokół seksu (wirującego?), który nad Wisłą uznano za większy potencjał marketingowy niż taniec. I podobnie, do oryginalnego tytułu ww. dramatu *Hacksaw Ridge*

¹⁹ Ang. „(...) linguistic issues are often left aside and commercial pressures leave translators with very little room, thus leading them to ignore the notion of fidelity” [Surdyk & Urban 2016, 168].

polscy dystrybutorzy dodali błędne wyrażenie „przeleńcz ocalonych” – zapewne w celu podniesienia atrakcyjności komercyjnej nic nieznaczącego dla widza tytułu anglojęzycznego (nazwy własnej), jednocześnie dezinformując go co do treści filmu. Analogicznie, rozszerzenie tytułów oryginalnych z ww. listy Sikorskiego o atrakcyjną asocjacyjnie frazę „skazany/skazana/skazani na... miłość/niewinność/piekło/wolność/strach/śmierć, etc.” miało prawdopodobnie również podłoże marketingowe.

Czy na podstawie powyższych rozważań, dostępnych i omówionych tu publikacji i wyników badań innych badaczy-kinomanów, a także na podstawie własnych empirycznych doświadczeń autora niniejszej publikacji, można wyciągnąć jakieś wnioski i zaproponować stosowne rozwiązania? Zdecydowanie tak – a nawet należy tak uczynić, gdyż sytuacja wydaje się zmierzać w kierunku dalece zbyt swobodnych przekładów anglojęzycznych tytułów filmowych na język polski; „przekładów”, przypominających bardziej *quasi*-ekwiwalenty funkcjonalne²⁰ niż tłumaczenia, które jednak coraz liczniej i coraz częściej zaczynają wręcz szkodzić polskiemu odbiorcy, pozbawiając go części emocji (po które tenże idzie do kina i za które płaci niemałe pieniądze).

A zatem jak tłumaczyć tytuły? Jak przekonuje Hejwowski [2004b, 182], należy przede wszystkim wziąć pod rozwagę *wszystkie* funkcje, jakie spełnia tytuł oryginalny w realiach odbiorcy anglojęzycznego i podjąć próbę odtworzenia ich w języku docelowym – w innej przecież rzeczywistości widza *nie*anglojęzycznego; co ważne, należy odtworzyć maksymalną liczbę tych funkcji i każdą z nich w maksymalnym możliwym stopniu. To wymagające zadanie, gdyż to, co wydaje się proste dla odbiorców oryginalnych oraz im znajome, może okazać się zupełnie nowe, egzotyczne, a nawet kompletnie niezrozumiałe dla widza docelowego, operującego innym językiem (a czasem i innym systemem wartości) niż oryginalny. Hejwowski przypomina jednakże, że ów zagraniczny czytelnik czy też widz-miłośnik kina w naturalny sposób spodziewa się ze strony treści z zagranicy nowości i pewnej dozy egzotyizmu, obcości czy też inności; i dodaje, że ludzi charakteryzuje przecież nie tylko tendencja do upraszczania, ekonomizacji (i stereotypizacji treści – B.P.), lecz także podejmowania aktywnego twórczego wysiłku w celu odkrycia ukrytego lub zaszyfrowanego znaczenia; takiego jak w nazwie własnej ww. *Hacksaw Ridge*, która została wykorzystana jako tytuł dzieła filmowego.

Pozwólmy zatem odbiorcy polskiemu samodzielnie „poszperać” w nieskończonych zasobach cyberprzestrzeni lub wśród zakurzonych półek bibliotecznych. Ten wysiłek jest dla nas skądinąd naturalny – to empatyczna próba zrozumienia otaczającego nas świata i innych ludzi, żyjących obok nas, choć nie zawsze

²⁰ Przypomnijmy, w przekładoznawstwie „ekwiwalent funkcjonalny” jest to element, który tłumacz uznaje za pełniący w kulturze docelowej zbliżoną funkcję jak element tekstu oryginalnego, tymczasem w wielu spośród ww. przypadków tłumaczenia tytułów wydają się zbyt swobodne i jako takie wręcz nietrafione/błędne, gdyż zasadniczo zmieniają funkcje tytułu docelowego w stosunku do oryginalnego, wskutek czego są krytykowane przez piszącego te słowa.

po sąsiedzku. Niech zatem widz samodzielnie dowie się, czym był i nadal jest ów *Hacksaw Ridge* w amerykańskiej świadomości, odświeżonej pod tym względem przez Mela Gibsona; i nie wmawiajmy nachalnie odbiorcy poprzez błędnie przełożony tytuł, że była to przełęcz, bo *nie* była. A może zobaczymy po prostu, jak czynią to nasi najbliżsi sąsiedzi i nauczmy się od nich: widz niemiecki obejrzał bowiem *Hacksaw Ridge – Die Entscheidung* (dosł. ‘Hacksaw Ridge – decyzja/postanowienie’), widz rosyjski i ukraiński – odpowiednio *По соображениям совести/ З міркувань совісті* (dosł. ‘Ze względu/ przez wzgląd na sumienie’), a widz czeski i słowacki – odpowiednio *Hacksaw Ridge: Zrození hrdiny/ Hacksaw Ridge: Zrodzenie hrdinu* (dosł. ‘Hacksaw Ridge – narodziny bohatera’). Znając treść filmu i jego epicki przekaz, musimy stwierdzić z przykrością, że – z tego międzynarodowego grona – oszukano i skrzywdzono wyłącznie widza polskiego.

Jak przypomina Konrad Rachut [2014, 221-222], „każdy z istniejących języków, poprzez specyficzny dla siebie sposób opisywania świata i budowania relacji pomiędzy jego częściami składowymi, tworzy odrębny wymiar. I pomimo tego, iż dany obiekt może być semantycznie tak samo kategoryzowany w różnych językach, to sam fakt, że są to odmienne słowa, świadczy o ich nieprzystawalności”. Autor dodaje też, że w związku z ową niewspółmiernością kodów językowych konieczne staje się tłumaczenie wypowiedzi uczestników aktu mownego, co jest „niesłychanie intrygującym zderzeniem odseparowanych od siebie środowisk”; stykają się bowiem ze sobą – jak je nazywa Rachut – nieidentyczne wymiary lingwokulturowe (owe „the worlds” z tytułu artykułu – B.P.), co skutkuje powstaniem trudności w percepcji podobnych z pozoru zjawisk.

A tłumacz, będący zarówno stroną rozkodowującą oryginalny tekst czy chociażby tytuł filmu, jak i stroną ponownie go kodującą dla czytelnika-odbiorcy-widza docelowego, winien ponad wszystko pamiętać, że sięgając po określone środki językowe, które ma w swoim repertuarze, ponosi odpowiedzialność za *każdy* z tych dwóch etapów, a także że jego naczelnym zadaniem jest minimalizowanie potencjalnych różnic, które mogą powstać między komunikatem wyjściowym (tu: tytułem oryginalnym filmu) a docelowym (tu: tytułem przetłumaczonym na inny język). Niech zatem wszystkie, albo przynajmniej zdecydowana większość, tytułów polskojęzycznych spełnia identyczne funkcje w świadomości odbiorcy nad Wisłą, jakie pełnią tytuły oryginalne, stworzone przecież z zamiarem osiągnięcia określonego skutku. Wówczas epokowe filmy, takie jak np. nominowany do Oscara w 2018 roku dramat *Call Me By Your Name* w reżyserii Luca Guadagnino²¹, niezmiernie ważny społecznie ze względu na poruszany w nim temat ciągle nieakceptowanej w świecie miłości

²¹ Film ten stanowi ostatnią część sensualnej trylogii tematycznej Guadagniniego pt. *Desires* (dosł. ‘Rządze’), na którą składają się również *I Am Love* (pl. *Jestem miłością*) z 2009 r. oraz *A Bigger Splash* (pl. *Nienasyceń*) z 2015 r. Ten ostatni tytuł w języku polskim budzi ponownie zastrzeżenia co do tłumaczenia tym bardziej, że – jak zauważa Łukasz Muszyński na portalu filmweb.pl – *A Bigger Splash* to re-make kultowego francuskiego filmu z 1969 r. pt. *La piscine* (pl. *Basen*)

homoseksualnej, nie będą przedstawiane polskiemu widzowi jako tkliwie *Tamte dni, tamte noce*. Tytuł filmu sugeruje – w najlepszym razie – turecką bądź wenezuelską operę mydlaną z tysiącem odcinków, którą można by nominować co najwyżej do hollywoodzkich Złotych Malin.

Bibliografia

- Baker Mona. 1992. *In Other Words. A Coursebook on Translation*. London: Routledge.
- Berezowski Leszek. 2004. *Skąd się biorą polskie tytuły amerykańskich filmów?* W: *Przekładając nieprzekładalne II*. Red. Kubiński W. i Kubińska O. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego: 313-324.
- Gagaczowska Monika. 2000. *Tytuł i tłumaczenie*. W: *Mała encyklopedia przekładoznawstwa*. Red. Dąbska-Prokop U., Brzozowski J. i in. Częstochowa: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Języków Obcych i Ekonomii „Educator”.
- Galilej Cecylia. 2012. *Z problematyki tłumaczeń anglojęzycznych tytułów filmowych na język polski*. „Roczniki Humanistyczne” t. LX, nr 8 (60): 15-29.
- Hejwowski Krzysztof. 2004a. *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Hejwowski Krzysztof. 2004b. *Translation: A Cognitive-Communicative Approach*. Olecko: Wydawnictwo Wszechnicy Mazurskiej.
- Hejwowski Krzysztof. 2015. *Iluzja przekładu. Przekładoznawstwo w ujęciu konstruktywnym*. Katowice: Wydawnictwo Naukowe „Śląsk”.
- Hendrykowski Marek. 1979. *O tytule filmowym*. „Kino” nr 12: 32-33. W: http://www.archiwum.kino.org.pl/pdf/1979/kino_1979_12_034.pdf [Dostęp 14 IV 2018].
- Jarniewicz Jerzy. 1999. *Tytuł w przekładzie (czyli o tłumaczeniu tytułów tekstów literackich)*. „Literatura na Świecie” nr 12 (341): 245-254.
- Jarniewicz, Jerzy. 2000. *Przekład tytułu: między egzotyką a adaptacją*. W: *Przekładając nieprzekładalne: materiały z „I Międzynarodowej Konferencji Translatorycznej”*. Red. Kubiński W., Kubińska O., Wolański T.Z. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego: 477-483.
- Kalisz Roman. 2009. *Tłumaczenia tytułów – praktyka i nadużycia*. W: *50 lat polskiej translatoryki: materiały z konferencji naukowej zorganizowanej przez Instytut Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego w Warszawie w dniach 23-25 listopada 2007 r.* Red. Hejwowski K., Szczęsny A., Topczewska U. Warszawa: Instytut Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego: 531-537.
- Margot Jean Claude. 1979. *Traduire sans trahir*. Lausanne: L'Age d'Homme.
- Molina Lucía & Hurtado Albir Amparo. 2002. *Translation Techniques Revisited: A Dynamic and Functionalist Approach*. „Meta” No XLVII/4. W: https://ddd.uab.cat/pub/artpub/2002/137439f/meta_a2002v47n4p498.pdf [Accessed 20 VIII 2017].
- Muszyński Łukasz. 2015. *Nad basenem* (recenzja filmu *Nienasyceni* [2015]). W: <http://www.filmweb.pl/review/Nad+basenem-17793> [Dostęp 14 IV 2018].
- Naruszewicz-Duchlińska Alina. 2016. *Onimiczna kreatywność translatorska w tytułach filmów i seriali*. „Prace Językoznawcze” nr 18/3: 147-158.
- Newmark Peter. 1988. *A Textbook of Translation*. London: Prentice Hall International.

z Alainem Delonem i Romy Schneider w rolach głównych. Tłumacząc tytuł kolejnej wersji filmu, można zatem było nawiązać w jakiś sposób do jego wcześniejszego literalnego przekładu.

- Nida Eugene. 1964. *Toward a Science of Translating with Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Leiden: E.J. Brill.
- Poluszyński Bartosz. 2017. *Analiza komparatywna humoru słownego w anglojęzycznej i polskojęzycznej wersji filmu animowanego pt. Shrek (2001) na podstawie wybranych dialogów między Shrekiem a innymi postaciami występującymi w filmie*. W: *Komunikacja międzykulturowa w świetle współczesnej translatoologii*. T. VIII: *Literatura – język – kultura*. Red. Kujawska-Lis E., NDiaye I.A. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej UWM w Olsztynie: 143-156.
- Rachut Konrad Stefan. 2014. *Tłumaczenie jako akt komunikacji międzykulturowej: na przykładzie tłumaczeń tytułów filmów anglojęzycznych na język polski i język rosyjski*. „Acta Neophilologica” nr XVI (2): 221-228.
- Sikorski Maciej. 2017. *Polska: kraj skazany na kiepskie tłumaczenia tytułów i filmów*. W: <http://antyweb.pl/tytuly-filmow-tlumaczenia/> [Dostęp 10 IV 2018].
- Surdyk Augustyn i Urban Anna. 2016. *Mistranslations of Film Titles: Between Fidelity and Advertising*. „Glottodidactica” nr XLIII/1: 153-170.
- Suwaj Jadwiga. 2014. *Przekład tytułów filmów anglojęzycznych i ich funkcjonowanie na rynku polskim*. „Między Oryginałem a Przekładem. O przekładzie filmowym” R. XX, nr 1 (23): 189-201.
- Suwaj Jadwiga. 2018. *Problemy kulturowe w tłumaczeniu anglojęzycznych tytułów filmowych na język polski*. „Rocznik Przekładoznawczy” nr 13: 225-234.
- Vinay Jean-Paul & Darbelnet Jean. 1977. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Paris: Didier.

Summary

BETWEEN WOR(L)DS... OR COMPLETELY LOST IN TRANSLATION? ON CONTEMPORARY „TRANSLATIONS” OF THE TITLES OF FILM BLOCKBUSTERS. FROM *WIRUJĄCY SEKS* (1987) AND *MINIONKI* (2010-2017) TO *PRZEŁĘCZ OCALONYCH* (2016)

In the present article, entitled *Between Wor(l)ds... OR completely lost in translation? On contemporary “translations” of the titles of film blockbusters. From “Wirujący seks” (1987) and “Minionki” (2010-2017) to “Przełęcz ocalonych” (2016)*, its author – being a philologist, a linguist, a translation-studies researcher, and a regular picturegoer, takes into practical consideration selected translations (mainly from English into Polish) of several dozen film blockbusters having been produced in the last 20 years. On the basis of available resources, which are relatively few regarding the matter in question, the author makes an attempt at identifying and defining a range of formal and informal criteria in accordance with which English-language film titles are typically translated (“translated”?) into Polish, and then he tries to evaluate the adequacy of such film title translations against the original ones. The considerations are primarily made from a philological perspective (mainly lexical), including the corresponding cultural issues that might have affected the translation process. The analysis also embraces the increasingly significant commercial aspect present in the contemporary cinematography, in view of which a film these days is first of all a product that needs to be sold at a huge profit to the international clientele.

Nadiya HolubinkaDepartment of Ukrainian Language
Lviv Polytechnic National UniversityDOI: <https://doi.org/10.31648/an.3640>

LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXT TRANSLATION INTO UKRAINIAN (ON THE MATERIAL OF GEODESIC TERMINOLOGY)

Key words: translation, scientific text, term, the Ukrainian language

Translation is one of the most important ways of interaction of national cultures, an effective way of intercultural communication. Nowadays, the development of science is impossible without the exchange of special information appearing in different countries in scientific periodicals, monographs, textbooks and manuals. Openness of foreign scientific sources greatly simplifies and accelerates the process of exchange of scientific information, and scientific translation, undoubtedly, plays an increasingly important role in the social communication of scientists.

However, when performing such a translation, one should take into account that the scientific style is characterized by the logic of sentence structure, informative saturation, semantic accuracy, clear objectivity of the materials presentation, absence of imagery and emotionally.

The main language features of the scientific style are strict compliance with the norms of the literary language, widespread use of the abstract vocabulary, monological character of the presentation and, in most cases, absence of the author's "I"; wholeness and completeness of the information outlined, close correlation between the individual parts of the presentation and clear logical sequence; use of concise but very informative constructions; use of symbols and characters; absence of ambiguity.

The defining feature of scientific style is the active use of terms [Мацюк, Станкевич 2009, 44]. Therefore, the problem of studying scientific terminology,

its origin, creating and functioning deserves special attention from among various aspects of modern Ukrainian linguistics.

Terminological systems of certain branches of science have recently been the objects of detailed linguistic researches: Z. Kunch [Куньч 2006, 216], O. Lutyun [Литвин, Литвин 2012, 167], H. Nakonechna [Наконечна 1999, 110], E. Ohar [Огар 2002, 20], T. Ranko [Панько 1994, 2016], I. Kochan [Кочан 2012, 292] L. Simonenko [Симоненко 1991, 152], R. Dudok [Дудок 2009, 358], D. Ganich, I. Oliynyk [Ганич, Олійник 1985, 365] and others. In their writings, they conclude that over the past two decades, Ukrainian terminology has been gradually improving, trying to restore specific national equivalents, forgotten and superseded from the language through the dominant functioning of Russian in the field of science.

However, Ukrainian geodesic terminology as a whole, and the difficulties that arise during the translation of scientific literature in particular, have not yet been analyzed in detail. Therefore, the purpose of our study was to identify these most typical problems.

The analysis of complex cases that arise in the process of translation of scientific texts gives grounds to assert that their distribution into lexical and grammatical aspects is rather conditional, since in each language, as well as in Ukrainian, the grammatical is combined with the lexical, and transmission methods in the translation of grammatical forms and structures often depends on their lexical content.

From among lexical problems that arise during the translation from Russian into Ukrainian, it is necessary to single out the phenomenon of the polysemy of words (terms) and the choice of an adequate vocabulary equivalent or variant of the translation of a word (term), the peculiarities of the use of commonly used words in scientific and technical texts, the correct use of a certain way of vocabulary translation, the translation of terms-neologisms, abbreviations, terms-homonyms, words of foreign language origin, proper and nomenclature names.

Sometimes, the translation of a scientific text (especially in textbooks and manuals) is carried out by “tracing” the corresponding Russian-language terms without proper grammatical analysis of a word or phrase, and without taking into account the possible change of the grammatical features of the terms when translating them from the Russian language into Ukrainian. For example, **плавающий док** is advisable to translate as **плавучий док** rather than **плавающий док**, since active participles with the suffixes **-уч-, -юч-, -ач-, -яч-** are not typical for the Ukrainian language.

But if for the terms this problem is successfully solved every year, the scientific text itself along with its presentation require careful analysis.

Commonly used

- На багатьох дрібномасштабних картах найменші спотворення **мають місце** в середній частині зображення.
- Розташування на карті території відносно **отоочуючого середовища**.
- За оформленням є карти **одноколірові** й **багатоколірові**.
- Карти атласу тематично **ув'язані** між собою.
- Карта – це графічне зображення, **призване** полегшити просторове розуміння предметів, концепцій, умов, процесів і подій, пов'язаних із середовищем людини.

We suggest

- На багатьох дрібномасштабних картах найменші спотворення **є** в середній частині зображення.
- Розташування на карті території відносно **навколишнього середовища**.
- За оформленням є карти **одноколірні** й **багатоколірні**.
- Карти атласу тематично **спільні** між собою.
- Між картами атласу є тематична **спільність**.
- Карта – це графічне зображення, **покликане** полегшити просторове розуміння предметів, концепцій, умов, процесів і подій, пов'язаних із середовищем людини.

Sometimes, in a text there are cases of unsuccessful word usage: a word exists, is fixed in the dictionary, but does not fit into a specific context. As a rule, such usage is a consequence of the long-term functioning of the Russian language in science.

Commonly used

- **Зустрічаються** класифікації
- Особливо **ролі набувають** карти під час підготовки спеціалістів.
- Картографія має **плідні** зв'язки з географією.
- **Положення** геодезії.
- На логіко-філософські науки, які досліджують загальні закони природи, суспільства та мислення, **спирається** теорія картографії.
- ...геологічне, соціально-економічне, екологічне картографування відповідно до об'єктів, що **відображаються** на картах.
- Картографування – це комплекс робіт, який передбачає певну послідовність створення карт, формування ідеї твору, підготовчі роботи, **складання** оригіналу, **видавництво** карт.

We suggest

- **Трапляються** класифікації
- Особливо **важливі** карти під час підготовки спеціалістів.
- Картографія **тісно пов'язана** з географією.
- **Закони, засади** геодезії.
- Теорія картографії **ґрунтується** на логіко-філософських науках, які досліджують загальні закони природи, суспільства та мислення.
- ...геологічне, соціально-економічне, екологічне картографування відповідно до об'єктів, що **зображено** на картах.
- Картографування – це комплекс робіт, який передбачає певну послідовність створення карт, формування ідеї твору, підготовчі роботи, **укладання** оригіналу, **видання** карт.

The authors of Ukrainian translations do not always use appropriately the words-paronyms **напря́м** (way of activity, development – e.g., strategic) and **напря́мок** – line of motion or line of placing someone or something, – e.g., вектор у просторі; **відноси́ни** – relationships, ties, **відноше́ння** – connection between units (numbers, concepts); **ді́льніця** – an administrative-independent object or production unit, **діля́нка** – a part of any surface, land area; **пока́жчик** – an inscription, an arrow or another mark indicating the direction of movement, the location of something, a measuring tool – and **пока́зник** – proof, evidence of something, data about the results of work or process; **зава́дання** – something that requires execution, a complex issue, a problem that needs to be solved, a research – and **зава́дача** – an exercise that is solved by calculation and inference.

The grammatical features include the features of grammatical structure of the Ukrainian language, as well as forms and traditions of scientific speech.

At the word-formation level, in scientific and technical texts we observe mainly interferential violations in the following cases:

- interferential use of prefixes: **спі́вставляти** – **зі́ставляти**; **про́вірка** масштабу – **пере́вірка** масштабу; **скла́дання** оригіналу – **укла́дання** оригіналу; **приво́дити** приклад – **наво́дити** приклад;
- misuse of suffixes: **багатофункціона́льне** використання карти – **багатофункці́йне** використання карти; **узагальню́чі** кількісні показники – **узагальнюва́льні** кількісні показники, показники **узагальне́ння**; **поясню́чі** тексти карти – **пояснюва́льні** тексти карти; **супроводжу́ча** графіка – **супровідна** графіка; **оточую́че** середовище – **навколи́шне** середовище, **довкі́лля**; **аза́тські** країни – **ази́йські** країни; **копію́чий** – **копіюва́льний**.

A lexico-grammatical peculiarity of the Ukrainian language is the almost complete absence of active present participles [Пилинський 1976, 81; Курило 2004, 18; Мацюк, Станкевич 2009, 151; Вихованець 2006, 112].

Instead, the Ukrainian language is rich in adjectives of verbal origin with final **-чий**, **-ший** that lost the verbal features of tense and aspect and indicate not the action – as the participles do – but the constant quality of someone or something: **загребу́щі** руки, **любля́чий** батько, **лежачи́й** ка́мінь (from the idiom), **роботя́щі** руки [Пилинський 1976, 84].

However, as the analysis of scientific texts translated from Russian into Ukrainian shows, it is precisely such forms like **картографу́ючий** that do occur.

The most common suggested ways of active participles replacement in text are as follows:

- verbal adjectives with final **-льн-ий**: **вимірю́ючий** прилад – **вимірюва́льний** прилад;

- verbal adjectives with final -ивн-ий, -лив-ий, -ч-ий, -ист-ий, -н-ий: **супроводжуюча** інформація – **супровідна** інформація; **відбиваюча** поверхня – **відбивна** поверхня;
- substantival adjectives with final -(цій)н -ий: **регулююча** система – **регуляційна** система;
- adjectives or other parts of speech: **діючі** карти – **чинні** карти; **взаемовиключаючий** приклад – **взаємозаперечний** приклад; **оточуюче середовище** – **довкілля**; **енергозберігаючі** технології – **енергоощадні** технології; **існуюча** редакція – **така** редакція; **стимулюючий фактор** – **фактор заохочення, стимулювання**.

At the morphological level, the most common problems of translated scientific texts are:

- incorrect formation of degrees of comparison of adjectives: **більш наочніший** показник спотворення instead of **більш наочний** показник спотворення; паралель **удвічі коротша екватора** instead of паралель **удвічі коротша за екватор**; оглядовими є карти масштабу дрібнішого 1:1 000 000 instead of оглядовими є карти масштабу дрібнішого **ніж** 1:1 000 000;
- using comparative degree instead of superlative: десять **кращих** районів instead of десять **найкращих** районів;
- using the names of persons in the instrumental case with impersonal verbal forms on -но, -то: картографами укладено instead of картографи уклали;
- using a person in the instrumental case singular with passive participles on -ний, -тий (**укладений, зроблений**): витрати понесені нами instead of ми зазнали витрат;
- overusing phrases with the verbs on -ся: ...геологічне, соціально-економічне, екологічне картографування відповідно до об'єктів, **що відображаються** на картах instead of ...геологічне, соціально-економічне, екологічне картографування відповідно до об'єктів, **що відображені** на картах; ...а для цього потрібне вміння «читати» карту, розуміти мову, якою **подаються** на ній необхідні відомості instead of ...а для цього потрібне вміння «читати» карту, розуміти мову, якою **подані** на ній необхідні відомості; ...класифікація тематичних карт здебільшого **будується** відповідно до структури наук про Землю та суспільство instead of ...класифікація тематичних карт здебільшого **побудована** відповідно до структури наук про Землю та суспільство;
- overusing verbal nouns with the suffix -нн-: Одночасно в математиці відбуваються певні **трансформування** понятійного апарату, шляхів **виконання** завдань з **урахуванням** специфіки процесів **створення** карт;
- difficulties in translating constructs with the frequently used verb являтися instead of виявлятися, є. In the Ukrainian language, this verb has the meaning “to come” and is used mainly in the style of fiction: оглядовими

- являються** карти дрібного масштабу instead of оглядовими **є** карти дрібного масштабу, замість;
- problematic word phrases with verbal government: **вжити заходи – вживати заходів; запобігати руйнування – запобігати руйнуванню;**
 - the use of so-called language clichés that structure the text. Often, in Ukrainian texts the calqued word combinations from the Russian language are used: **другими словами – другими словами** instead of **інакше кажучи**; **прежде всего – перш за все** instead of **насамперед**; **в основном – в основному** instead of **здебільшого**; **на даний час** instead of **сьогодні, на цю пору, у цей момент**; **в порівнянні** instead of **порівняно з**; **в кінці кінців** instead of **врешті, врешті-решт, зрештою, нарешті, кінець кінцем**; **наступним чином** instead of **так, таким способом**; **у більшості випадків** instead of **здебільшого**; **у тому числі** instead of **серед них, поміж ними і, зокрема й, навіть і, також і**;
 - problems with the use of prepositions: **по** принципу побудови – **за** принципом побудови; **не однорідні по** складу – **не однорідні за** складом; **при** вимірюванні – **під час** вимірювання; **при** випробуванні – **у процесі** випробування; **при** відсутності спотворень – **за** відсутності спотворень;
 - the use in modern texts syntactic constructions not peculiar to the Ukrainian language, some of which came into use under the long-term influence of the Russian language: **питання ставити, порушувати** rather than **піднімати**; **розв'язувати задачу** rather than **проблему**.

Comprehending the process of functioning of Ukrainian scientific speech at the present stage, one should realize that the national specificity of the language is reflected not only in the texts of fiction and journalism, but also in the scientific style. Therefore, it is necessary to take care of distributing, using and approving in scientific texts specific, inherent in the Ukrainian language traditions – both at lexical and grammatical levels – that have receded into the background or even have been forgotten, under the influence of using in Ukrainian texts ready-made blocks borrowed from the Russian language.

The analysis of typical variants of false lexical and grammatical constructions will allow to organize scientific texts, eliminate those shortcomings and violations of the language norm, which have appeared and become current there.

Bibliography

- Dudok Roman. 2009. *Problema značennâta smislu termina v gumanitarnih naukah*. L'viv: Vidavnicтво L'viv's'kogo načional'nogo univërsitetu im. I. Franka [Дудок Роман. 2009. *Проблема значення та смислу терміна в гуманітарних науках*. Львів: Видавництво Львівського Національного університету ім. І. Франка].
- Ganič Dmitro, Olijnik Ivan. 1985. *Slovník lingvističnih terminiv*. Kijiv: Vidavnicтво Viša škola [Ганич Дмитро, Олійник Іван. 1985. *Словник лінгвістичних термінів*. Київ: Вища школа].

- Kočan Ārina. 2012. *Ukraїns'ke termīnoznavstvo v īmenah*. L'vīv: Vidavnicтво Lītopis [Кочан Ірина. 2012. *Українське термінознавство в іменах*. Львів: Видавництво Літопис].
- Kun'č Zorāna. 2006. *Ukraїns'ka ritorīčna termīnologīā: īstorīā ī sučasnīst'*. L'vīv: Vidavnicтво nacional'nogo universitetu L'vīvs'ka politehnika [Куньч Зоряна. 2006. *Українська риторична термінологія: історія і сучасність*. Львів: Видавництво Національного університету Львівська політехніка].
- Kurilo Olena. 2004. *Uvagi do sučasnoī ukraїns'koī literaturnoī movi*. Kīiv: Vidavnicтво Osnovi [Курило Олена. 2004. *Уваги до сучасної української літературної мови*. Київ: Видавництво Основи].
- Litvin Oksana, Litvin Andrii. 2012. *Rosījs'ko-ukraїns'ko-anglījs'kij ta ukraїns'ko-rosījs'kij slovník mašīnobudīvnihi termīnīv (bliz'ko 4000 termīnīv)*. L'vīv: Vidavnicтво FOR Корпан В.І. [Литвин Оксана, Литвин Андрій. 2012. *Російсько-українсько-англійський та українсько-російський словник машинобудівних термінів (близько 4000 термінів)*. Львів: Видавництво ФОП Корпан Б.І.].
- Macūk Zorāna, Stankevič Nina. 2009. *Ukraїns'ka mova profesījnogo spīlkuvannā*. Kīiv: Vidavnicтво Karavela [Мацюк Зоряна, Станкевич Ніна. 2009. *Українська мова професійного спілкування*. Київ: Видавництво Каравела].
- Nakonečna Galina. 1999. *Ukraїns'ka naukovo-tehnīčna termīnologīā. Īstorīā ī s'ogodennā*. L'vīv: Vidavnicтво Kal'variā [Наконечна Галина. 1999. *Українська науково-технічна термінологія. Історія і сьогодення*. Львів: Видавництво Кальварія].
- Ogar Emīliā. 2002. *Ukraїns'ko-rosījs'kij ta rosījs'ko-ukraїns'kij slovník-dovīdnik z vidavničoī справи*. L'vīv: Vidavnicтво Palitra druku [Огар Емілія. 2002. *Українсько-російський та російсько-український словник-довідник з видавничої справи*. Львів: Видавництво Палітра друку].
- Pan'ko Tamila, Kočanirina, Macūk Galina. 1994. *Ukraїns'ke termīnoznavstvo*. L'vīv: Vidavnicтво Svīt [Панько Таміла, Кочан Ірина, Мацюк Галина. 1994. *Українське термінознавство*. Львів: Видавництво Світ].
- Pīlins'kij Mikola. 1976. *Movna norma ī stil'*. Kīiv: Vidavnicтво Naukova dumka [Пилинський Микола. 1976. *Мовна норма і стиль*. Київ: Видавництво Наукова думка].
- Simonenko Lūdmila. 1991. *Formuvannā ukraїns'koī bìologīčnoī termīnologīi*. Kīiv: Vidavnicтво Naukova dumka [Симоненко Людмила. 1991. *Формування української біологічної термінології*. Київ: Видавництво Наукова думка].
- Vīkovanec' Īvan. 2005. *Movna mozaīka. Naj bude panīvne, a ne panūiše*. "Ukraїns'ka mova" № 2 [Вихованець Іван. 2005. *Мовна мозаїка. Хай буде панівне, а не пануюче*. "Українська мова" № 2].
- Vīkovanec' Īvan. 2006. *Movna mozaīka. Važaičij, keruičij, rochatkuičij, pracuičij, spīvaičij....* "Ukraїns'ka mova" № 1 [Вихованець Іван. 2006. *Мовна мозаїка. Бажаючий, керуючий, початкуючий, працюючий, співаючий....* "Українська мова" № 1].

Summary

LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXT TRANSLATION INTO UKRAINIAN (ON THE MATERIAL OF GEODESIC TERMINOLOGY)

This article analyzes typical problems that arise when translating scientific and technical texts in the field of geodesy from the Russian language into Ukrainian. The analysis of complex cases that appear in the process of translation of scientific texts gives us grounds to assert that their distribution into lexical and grammatical aspects is rather conditional, since in each language, including Ukrainian, the grammatical is combined with the lexical, and transmission methods in the translation of grammatical forms and structures often depends on their lexical content. The ways of overcoming these problems are suggested, which will contribute to the process of affirming in the scientific style specific traditions, inherent in the Ukrainian language, both at the lexical and grammatical levels. These traditions have taken the back seat under the influence of a long period of the Russian language dominating in the field of science.

Kontakt z Autorką:
nholubinka59@gmail.com

Liliia Valeriivna Kharchuk
Department of Ukrainian Language
Lviv Polytechnic National University

DOI: <https://doi.org/10.31648/an.3641>

TRANSLATION ERRORS AS A CONSEQUENCE OF INTERFERING INFLUENCES ON UKRAINIAN ELECTRIC POWER ENGINEERING TERMINOLOGY

Key words: term, terminology, Ukrainian electric power engineering terminology system, linguistic norm

Ukrainian electric power engineering terminology (UEPET) is an organically formed system of regulated terms that provides nominative means, which govern the electric power engineering industry. As a significant component of the standard national language, UEPET was developed in direct communication with the formation of electric power engineering as a science and is a kind of linguistic manifestation of formation and unification of the conceptual system of the corresponding detonate [Харчук 2017, 200]. The purpose of this research is to analyse typical errors in the translation of UEPET from Russian into Ukrainian arising from the source language interference.

Linguistic interference in UEPET and curtailing function frequencies of its measurement in sectorial and terminological discourse became apparent over a significant period – from 1933 to 1990 [Харчук 2017, 59]. The beginning of the 1930s, i.e., the period of the Russification course in the Ukrainian Soviet Socialist Republic, caused, among others, the deportation of Ukrainian intellectuals, the deformation of the development of the Ukrainian language, and the stagnation of terminological formation. In a number of scientific works and periodicals, harsh criticism on the terminological dictionaries from the Ukrainian Institute of Scientific Language as well as accusations of the authors of nationalism and national sabotage arose. “A signal to the offensive” was the paper by Naum Kahanovych “Against ‘populism’ in linguistics (Where is

the Ukrainian language going?)”, included in the first issue of “The Marxist Flag” in 1930, which accused Ukrainian linguists of ethnographicism, the use of literature of the 19th century and folkloric materials for linguistic research [Шепех 1951, 358].

In 1933, a committee was organised under the direction of A. Khvyliia “for the verification of linguistic source” [Українська мова... 2005, 7]. Their task was to “cleanse the theoretical front of all nationalistic-bourgeois garbage and bring a true proletarian approach to the formation of Ukrainian academic terminology...” [Українська мова... 2005, 7]. A number of requirements were put forward to the supervising party bodies for terminological activity, namely: to stop immediately the publication of all dictionaries, to examine dictionaries and all terminology, and to unify technical terminology with Soviet terminology used in Ukraine, etc. [Українська мова... 2005, 10].

Specialized institutions were created to examine banned terminological dictionaries and change “nationalistic” terms to “national”. In terminological bulletins issued in 1934-1935, “the new conventions of Ukrainian terminology, which functioned specifically based on Ukrainian linguistics, were dubbed. As a result, a significant number of Ukrainian terms were “repressed”.

According to researchers, within the period of 1934-1935, the Ukrainian Institute of Linguistics removed approximately 14 500 terms [Кочерга 1994, 173; Перхач 1997, 10; Українська мова... 2005, 354]. This of course, included electric power engineering terminology. It must be noted that except for direct separation of Ukrainian terms and their alternative calques, intensive Russian assimilation was imposed. The authors of the monograph *Ukrainian language of the 20th century: A linguistic history* note: “The authorities planned the removal of the lexical framework and inner structure of the Ukrainian language, with the intent to parallel the Russian language and interrupt the integrity of Ukrainian in the 1920s, removing the elements integrated from the Western Ukrainian and Galician-Bukovynian dialects during the second half of the 19th and first part of the 20th centuries. The commission’s findings and partisan resolutions stemming from political considerations ratified the influence of Polish on Western Ukrainian language, and all linguistic work of the 1920s was aimed at expanding the Ukrainian vocabulary in order to unite dialectal elements of all Ukrainian lands, among them Western Ukrainian was groundlessly declared Polanized” [Українська мова... 2005, 11].

As part of the partisan mandate in 1933, Russian was deemed a “brotherly” language, and linguists were ordered to take the Ukrainian part of a word and add “like sounding” and “equivalents” of Russian to all types of dictionaries. As a result, all distinctive Ukrainian vocabulary was deemed artificially created and seen as stemming from Polish. Moreover, the denunciation of terminologists and the implementation of penalties became the ominous political landscape [Українська мова... 2005, 12].

The findings of the terminological commission of 1933-1934 remained pertinent throughout the Soviet period.

The aforementioned factors led to the liquidation of traditional academic creation and normalisation of UEPET. The Ukrainian terminological fund actively started to establish and approve UEPET that paralleled the Russian variants.

The analysis of the researched terminology made it possible to detect a significant number of terms irrelevant to the Ukrainian language regarding UEPET, which appears to be caused by prolonged Russification. L. Polyuha asserts that the cause of the unstable development of Ukrainian terminology and terminography lies in the fact that unfortunately, Ukrainian terminology was and remains dependent on the Russian terminological basis, eliciting the practice of bilingualism [Полюга 2002, 22].

We will provide a typology that arise in the process of translating academic and technical texts in the area of electric power engineering from Russian into Ukrainian. The study is grouped around key errors that are permanently encountered, specifically lexical violations of translation norms, and lexical violations in normative translation.

1. Lexical violations of translation norms

In our previous research we discussed translation errors of UEPET such as *electrical transmission* (*електропересилання*), *power transmission line* (*лінія електропересилання*), which were literally translated from Russian and calqued in Ukrainian to become *електропередача*, *лінія електропередачі* [Харчук 2013; 2014, 62]. Since in Ukrainian “передавати щось на місці”, i.e., to transfer something in *place* (*передача* in Russian) – *передавання*, *передача* (*transfer, transmission*), but “передавати на відстані” (*transmit at a distance*) – *пересилання*, *пересильня* we recommend translating the Russian terms *линии электропередачи*, *электропередача* to Ukrainian as *лінії електропересилання*, *електропересилання*. One of the authoritative lexicographic sources, particularly the *Russian-Ukrainian Dictionary of Technical Terminology*, states that the Russian *електропередача* (*electric transmission*) has only *електропересилання* as a Ukrainian correspondent, and also the fixed term *лінія пересилання* (*forwarding line*), *лінія пересилання енергії* (*energy transmission line*) (or *пересильня*), *лінія електропересилання* (*power transmission line*) [Перхач 1997, 152]. It should be noted that in specialised literature today, both terms *лінія електропередачі* and *лінія електропересилання* are appropriate.

A similar situation has arisen regarding the term **надземна лінія** (*ground line*), which translates from Russian as **повітряна лінія** (*airline*) (Russian *воздушная линия*). In the *Academic Explanatory Dictionary of the Ukrainian Language*, the adjective **повітряний** is presented only with the following definitions: 1) adjective of *повітря*; which consists of air, concerned with, or filled with air; 2) which is, located, lives, mixed with air; which happens in the air, in the atmosphere; 3) which works, happens in motion with the help of air; 4) connected with aeronautics, aviation [*Словник... 1970-1980*, Т. 6, 678]. However, the noun **надземний** in Ukrainian is defined as 1) placed on the surface of the earth; 2) that which is found outside the earth, in space; celestial [*Словник... 1970-1980*, Т. 6, 66]. Since transmission lines are located on the surface of the earth (on the ground), in space, it would not be worth translating the Russian term *воздушная линия* as **повітряна лінія** literally, namely as the Ukrainian term **надземна лінія**, as it is defined in official dictionaries [Перхач 1997, 311]. The term **повітряна лінія** should only be translated from Russian in aviation terminology referring to the definition “flight route between agreed points for air transport”.

Research shows that at one time many Russian lexemes surpassed the boundaries of industry terminology and became part of general vocabulary. Within the margins of specialized vocabulary, Ukrainian academics did not perceive these terms as Russianisms, even though a few of these words exist as national or borrowed words in Ukrainian. For example, the semantically formed calque **насос** (*pump*) and the root **сос-** are absent in modern Ukrainian thanks to successful recommendations of terminologists, was replaced with the Latin-based **помпа** (*pump*), from which the names of related concepts are derived: **помпувати** (*to pump*), **помпування** (*pumping*), **напомпувати**, etc. As a general name for liquid pressure displacement devices, only the term “**помпа**” satisfies all of the terminological requirements of the ДСТУ (National Standards of Ukraine) 3966-2000 *Terminology. Principles and Rules for the Development of Terminological Standards and Definition of Concepts*.

The term **помпа** has been restored to active use in various branches of expertise, as demonstrated by its use in Ukrainian academic research, professional publications and establishment in modern professional terminology. Thus, in the process of translation of academic and technical texts from Russian to Ukrainian, it should be taken into consideration that the Russian term **насос** is equivalent to the Ukrainian **помпа**.

2. Lexical violations in normative translation

In electric power engineering terminology, there is a large quantity of terminological qualitative phrases, the core word of which the term *розподільний* (*distributive*) and *розподільчий* (*distributing*) (*device, substation, point, structure, network, line, bus line, conductor, shield, agreement, etc.*). Their parallel use is also observed in professional literature.

The *Academic Explanatory Dictionary of the Ukrainian Language* defines the adjective *розподільний* as “which serves for distribution, associated with the distribution of something” [*Словник... 1970-1980, Т. 8, 774*]; the lexeme *розподільчий* is indicated as the remark *рідко* (*rarely*). In the “Golden Decades” dictionaries, the synonym of *розподільний* presents *розподільчий* as the only resulting correspondent of the Russian *распределительный* (*distributive*). In the *Russian-Ukrainian Dictionary of Technical Terminology*, the Ukrainian equivalent of the Russian lexeme *распределяемый* (*distributable*), *распределяющийся* is *розподільний*. It should be noted that the suffix *-ч-* in Ukrainian forms a higher degree of comparison of adjectives; substantive adjectives containing this suffix have the meaning “to refer to that which is called a noun”; but verbal adjectives with this suffix indicate the intended purpose or the ability to perform that which the verb indicates. Thus, translators are advised to distinguish between the common adjectives *розподільний* and *розподільчий* and use them use them in accordance their proper meanings, specifically to indicate their purpose or their ability to distribute something (Russian *распределительный*). They should use the Ukrainian verbal adjective *розподільчий*; we propose the adjective *розподільний* be used for the Russian equivalent of *распределяемый, распределяющийся*.

Analysis of academic and technical texts translated into Ukrainian from Russian determined that translators often use participles ending in *-уч(ий)* and *-юч(ий)*, which is not intrinsic to the Ukrainian language. It is observed that active participles ending in *-уч(ий)* and *-юч(ий)* are calques of the Old Slavonic *-щ(ий)*. In the opinion of I. Farion, “the distinguishing characteristic of these borrowed Russian terms is the overwhelming emphasis on verbiage, that is, procedurality. Yet Ukrainian rarely needs this verbiage...” [Фаріон 2010, 90]. O. Kurylo observes “the Ukrainian language does not use active participles with the *-чий* and *-(в)ший* suffixes, nor the passive *-мий* for those particular functions, in relation to those used in modern Ukrainian” [Курило 2008, 18]. The occurrence of active participles in modern Ukrainian speech is caused by Russian lexeme calques, which led to their prevalence in electric engineering terminology – a definite a fault of translators.

Linguists have long agreed on ways of translating active participle forms into Ukrainian. These forms should be translated by descriptive substructures, adjectives, nouns, passive participles, etc. Translators and professionals in

the electric power industry should take the advice of linguists and draw their attention to the translation of such terms.

Active Russian participles ending in **-щий** in terminological combinations should be preferably translated as verbal adjectives to **-льний, -вальний, -льний, -ний** (**компенсирующий** – компенсувальний, **дифференцирующий** – диференціювальний, **заземляющий** – уземлюваний, **крепящий** – кріпильний, **нагревающий** – нагрівальний, **изолирующий** – ізолювальний, **полярирующий** – поляризувальний, **замыкающий** – замыкальний, **генерирующий** – генерувальний / витворювальний, **скользящий** – ковзальний / ковзний, **контактирующий** – контактувальний, **результатирующий** – результатний / результівний / вислідний, **действующий** – чинний / дієвий, **пульсирующий** – пульсивний / пульсувальний, **блуждающий** (ток) – блукальний / мандрівний (струм), **обслуживающий** – обслушний, etc.

It is advisable to translate Russian adjectives ending in **-щийся** in terminological phrase forms of **-ний** (**заземляющийся** – уземний, **возбуждающийся** – збудний, **изолирующийся** – ізолівний, **колеблющийся** – коливний, **выключающийся** – вимикний, **запускающийся** – запускний, etc.).

Russian passive participles ending in **-емый** and **-имый** in the case of a participle should be translated into Ukrainian as **-овуваний (-уваний)**, in the case of an adjective as **-овний, -ний** (**компенсируемый** – компенсовуваний (participle), **компенсовный** (adjective); **изолируемый** – ізолювуваний (participle), **ізолюваний** (adjective); **выключаемый** – вимиканий (participle), **вимикний** (adjective); **поляризуемый** – поляризовуваний (participle), **поляризовный** (adjective), etc.).

Russian participles ending in **-нный** should be translated as the adjectival form of **-ний** (**компенсированный** – компенсований, **возбужденный** – збуджений, **коммутированный** – комутований, **изолированный** – ізолюваний, **поляризованный** – поляризований, etc.).

Russian active participles in the past tense ending in **-вший** should be translated using the descriptive construction (**включивший** – that (which) (у)вімкнув; **замкнувший** – that (which) замкнув; **изолировавший** – that (which) ізолював, etc.).

Some conceptual delineation of terms during translation of academic and technical texts into Ukrainian should be considered. The Russian **взвешенный** is translated as **змулений** (liquid form), **завислий** (gas form), **зважений** (on scales); **гамма** – **гамма** (Greek letter), **гама** (serial number of anything: colours, feelings, sounds); **емкость** – **ємність** (physical term), **місткість** (economic indicators), **посудина** (a vessel); **жесткость** – **жорсткість** (mechanical term), **твердость** (chemical term); **жидкий** – **рідинний** (liquid phase), **рідкий** (not thick); **металлический** – **металевий** (prepared from metal), **металічний** (inherent in metal); **напряжение** – **напруга** (electrical engineering term), **напруження** (mechanical term);

общий – загальний, спільний (jointly used); *обратный – зворотний* (direction, side), *обернений* (mathematical term); *отрицательный – від’ємний* (mathematical term), *негативний* (physical and technical term); *положительный – додатний* (mathematical term), *позитивний* (physical and technical term); *соединение – з’єднання, сполучення, сполука* (chemical substance), *сполучення* (mathematical term); *степень – степені* (mathematical term), *міра* (measurement), *ступінь* (chemical and technical term); *теплоемкость – теплоемність* (physical term), *тепломісткість* (economic term); *электроемкость – електроємність* (physical term), *електромісткість* (economic term) [Тлумачний... 1999, 740-741].

As O. Kocherha states that “having access to materials of the Ukrainian Institute of Academic Language, seeing wealth, distinctiveness and a profound national basis of vocabulary, collected and developed by the most highly qualified specialists and connoisseurs of the most subtle language, striving to draw the benefits of those works into a modern terminological asset; the “new generation” of terminologists do not always take into account that six decades of language development cannot be neglected, however distorted that development. It cannot be forgotten that Ukrainian was an active language of communication for a large number of academics, even during the days of Russian-dominated academic literature” [Кочерха 1994, 173].

Thus, it is found that during the translation of scientific and technical texts from the Russian language into Ukrainian a violation of normativity both at the lexical and word-building levels is observed. This has allowed not only to distinguish the above types of errors, but also to identify ways of eliminating them, which could become a priority for further studies of linguists and translators.

It is proved that a long period of coexistence of the two language systems, with one of which having had a significant impact on the other, led not only to the distortion of the UEPET system, but also to the emergence of the errors identified in the translation activity. Today, at this stage of independent formation, difficulties in working with terminology have become apparent not only with manufacturers, designers, academics, and managers of different levels, but also academic and technical translators. To define the same concepts, various terms are sometimes used, some of which have open interpretations which do not coincide in various documents. All of this hinders the work of specialists and may negatively affect the results of their activities.

Equally relevant today is the development of a dictionary-reference book of standardized terms and definitions as the basis of the information resource in the area of electric power engineering. This will allow not only to unify the UEPET system, but also to create a scientifically substantiated base and an automated bank of electric power engineering vocabulary, and to compile a dictionary in accordance with the norms of modern Ukrainian literary language.

Therefore, linguistic considerations concerning the translation of some electric power engineering terminology into Ukrainian eliminate terminological barriers for translators. This in turn makes it possible to reach the appropriate level of linguistic and logical translation systems of academic and technical texts.

Bibliography

- Fariion Īrina Dmitriivna. 2010. *Мовна норма: знищення, пошук, віднова*. Īvano-Frankivs'k: "Misto NV" [Фаріон Ірина Дмитрівна. 2010. *Мовна норма: знищення, пошук, віднова*. Івано-Франківськ: "Місто НВ"].
- Narčuk Liliâ. 2012. *Porušenâ movnih norm v ukraïns'kij elektroenergetičnij terminologij*. "Ukraïns'kij smisl" № 1: 114-121 [Харчук Лілія. 2012. *Порушення мовних норм в українській електроенергетичній термінології*. "Український смисл" № 1: 114-121].
- Narčuk Liliâ. 2013. *To the question of normativity of some Ukrainian electric power engineering terms. "Gumanitarni ta social'ni nauki: Materiali IV Mižnarodnoï konferencij molodih včeniĥ NSS-2013"*. L'viv: Vidavnicтво L'vivs'koï politehniki [Харчук Лілія. 2013. *To the question of normativity of some Ukrainian electric power engineering terms. "Гуманітарні та соціальні науки: Матеріали IV Міжнародної конференції молодих вчених HSS-2013"*. Львів: Видавництво Львівської політехніки].
- Narčuk Liliâ. 2014. *Do pitannâ normativnosti deâkih ukraïns'kih elektroenergetičnih terminiv*. "Naukovî zapiski Nacional'nogo univ'ersitetu "Ostroz'ka akademiâ". Seriâ "Filologična": Zbirnik naukovih prac'. Ostrog: Vidavnicтво Nacional'nogo univ'ersitetu "Ostroz'ka akademiâ" № 45: 60-63 [Харчук Лілія. 2014. *До питання нормативності деяких українських електроенергетичних термінів*. "Наукові записки Національного університету "Острозька академія". Серія "Філологічна": Збірник наукових праць. Острог: Видавництво Національного університету "Острозька академія" вип. 45: 60-63].
- Narčuk Liliâ. 2017. *Formuvannâ ta sistemna organizaciâ ukraïns'koï elektroenergetičnoï terminosistemi*. Dis. ...kand. filol. nauk. L'viv [Харчук Лілія. 2017. *Формування та системна організація української електроенергетичної терміносистеми*. Дис. ...канд. філол. наук. Львів].
- Kočerġa Olena. 1994. *Deâki mîrkuvannâ pro šlâhi i manivci rozvitku ukraïns'koï naukoivoï terminologij*. "Sučasnist'" № 7-8: 173-182 [Кочерга Олена. 1994. *Деякі міркування про шляхи і манівці розвитку української наукової термінології*. "Сучасність" № 7-8: 173-182].
- Kurilo Olena. 2008. *Uvagi do sučasnoï ukraïns'koï literaturnoï movi*. Kiïv: Vidavnicтво Solomij Pavličko "Osnovi" [Курило Олена. 2008. *Уваги до сучасної української літературної мови*. Київ: Видавництво Соломії Павличко "Основи"].
- Perhač Volodimir, Bogdan Kiĥnaš. 1997. *Rosijs'ko-ukraïns'kij naukoivo-tehničnij slovník (30000 sliv)*. L'viv [Перхач Володимир, Богдан Кінаш. 1997. *Російсько-український науково-технічний словник (30000 слів)*. Львів].
- Polūġa Levko. 2002. *Zdobutki i vtrati ukraïns'koï terminologij ta terminografij za desât' rokiv Nezaleznosti*. "Visnik Nacional'nogo univ'ersitetu "L'vivs'ka politehnika". Seriâ "Problemi ukraïns'koï terminologij". L'viv: L'vivs'ka politehnika № 453: 21-23 [Полуґа Левко. 2002. *Здобутки і втрати української термінології та термінографії за десяти років Незалежності*. "Вісник Національного університету "Львівська політехніка". Серія "Проблеми української термінології". Львів: Львівська політехніка № 453: 21-23].

- за десять років Незалежності. “Вісник Національного університету “Львівська політехніка”. Серія “Проблеми української термінології” № 453: 21-23].
- Šereh Ūrij. 1951. *Navis sučasnoï ukraïns'koï movi*. Mûnhen [Шерех Юрій. 1951. *Нарис сучасної української мови*. Мюнхен].
- Slovník ukraïns'koï movi: v 11-ti tomah*. 1970-1980. Golova redkolegïi Bilodid Ì. K. Kiïv: Naukova dumka [Словник української мови: в 11-ти томах. 1970-1980. Голова редколегії Білодід І. К. Київ: Наукова думка].
- Tlumačnij rosïjs'ko-ukraïns'ko-anglijs'kij slovník z energetiki. Osnovni termîni: ponad 3500 termîniv*. 1999. Red. Rudnik A.A. Harkiv [Тлумачний російсько-українсько-англійський словник з енергетики. Основні терміни: понад 3500 термінів. 1999. Ред. Руднік А.А. Харків].
- Ukraińs'ka mova u XX storîčči: îstorîâ lîngvocidu: Dokumenti i materialî*. 2005. Red. Masenko L. Kiïv: Vidavničij dîm “Kiêvo-Mogilâns'ka akademiâ” [Українська мова у XX сторіччі: історія лінгвоциду: Документи і матеріали. 2005. Ред. Масенко Л. Київ: Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”].
- Ukraińs'ko-rosïjs'ko-anglo-francuz'kij tlumačnij slovník osnovnih termîniv z energetiki ta elektrotehniki*. 2012. Red. Êmel'ânova Ê.S. Harkiv: Vîrovec' A.P. “Apostrof” [Українсько-російсько-англо-французький тлумачний словник основних термінів з енергетики та електротехніки. 2012. Ред. Ємельянова Є.С. Харків: Віровець А.П. “Апостроф”].

Summary

TRANSLATION ERRORS AS A CONSEQUENCE OF INTERFERING INFLUENCES ON UKRAINIAN ELECTRIC POWER ENGINEERING TERMINOLOGY

This study analyzes one of the periods of the Ukrainian electric power engineering system development (period of distortion) with the purpose of detecting typical errors in translation of terminology from Russian into Ukrainian. To date, scientific and academic literatures remain Russified; a violation of linguistic norms on the lexical and derivational levels is quite common. We consider that recommendations of linguists concerning academic and technical translations will be valuable for specialist in the electric power industry and will contribute to a harmonious development of Ukrainian electric power engineering terminology.

Kontakt z Autorka:
kharchuklv@i.ua

Zoriana KunchDOI: <https://doi.org/10.31648/an.3642>Department of Ukrainian Language
Lviv Polytechnic National University

FEATURES OF UKRAINIAN TRANSLATION OF PASSIVE VERBAL CONSTRUCTIONS FROM RUSSIAN LANGUAGE IN SCIENTIFIC AND SOCIO-POLITICAL TEXTS

Key words: the Ukrainian language, translation, scientific and technical language, passive verbal constructions, impersonal forms of the verb

In the globalization context of the present day, the issue of translation of scientific and technical texts becomes urgent. Translation is the most important means of exchanging scientific and technical information and one of the most important ways of intercultural communication.

Scientific discussions of recent years have shown that the issue of how to preserve the national specific of Ukrainian scientific language remains the most important problem of contemporary Ukrainian stylistics and lingual culture. Particularly acute in this context is the problem of restoring the national specific of the Ukrainian syntax. After all, today the use of syntactic constructions with verbal passive voice unreasonably becomes a common phenomenon in the Ukrainian scientific and socio-political language, with some researchers even including such constructions in the category of typical features of the Ukrainian scientific style. However, their presence is the result of language interference caused by tracing existing syntactic units of the Russian language. The most striking interference processes are seen in the cases of translated abstracts of scholarly papers, since their authors are not professional translators and try to convey the content of their publications in different languages in the most accurate way, without considering structural and grammatical language peculiarities.

The purpose of this study is to find out the specific morphological and syntactic features of Ukrainian scientific and socio-political language in

the context of the unreasonable introduction of passive verbal constructs into the Ukrainian language, as well as to offer adequate methods for the translation of passive constructions from the Russian language into Ukrainian. In order to achieve this goal, we set the following objectives: to trace out the most common mistakes in translating syntactic constructs with passive verbal forms from the Russian language into Ukrainian; to take into account the grammatical works of previous periods, to analyze the causes of the appearance of these false constructions and justify the inexpediency of their use; and to pay attention to the specific Ukrainian constructions, which should be considered to be normative correspondents of Russian passive verbal constructions.

The abstracts of the scientific papers published in the Proceedings of the National Academy of Public Administration under the President of Ukraine for 2015–2017 years serve as the material for this study¹.

Historical conditions through the emergence of false (error) syntactic constructions

The problem of inappropriate use of syntactic models with passive verb forms in the professional communication has already appeared as the subject of scientific research in Ukrainian linguistics. While specialists in philology consider it from different points of view: Y. Shevelev, N. Babich, K. Horodenska, Z. Kunch, N. Nepivoda, O. Serbenskaya and others terminology specialists propose recommendations. Terminologists-practitioners work out their recommendations and make their own conclusions [Гінзбург 2008, 26-32]. This issue was raised in the contributions of Ukrainian linguists of 1920s-1930s (O. Kurilo [Курило 1930, 1-39], O. Sinyavsky [Синявський 1941], M. Gladky [Гладкий 1928, 144–154], M. Sulima [Сулима 1927] etc.).

The development of the grammatical system of the national language and its stylistic features primarily depends on the historical circumstances of its formation. Therefore, considering the differences in the transmission of certain syntactic constructions in Ukrainian and Russian, first of all it is worth noticing the sources of the development of specific morphological and syntactic features of each language. As it is well-known, modern Ukrainian literary language was formed on the basis of dialects of the popular language and preferred active structures. It is characterized by dynamism, condensation of thought, and this is largely due to its attachment to active verbal forms [Куньч 2004, 3]. The Russian literary language sympathetically perceives passive models, laying the foundation for the formation of its book Church Slavonic language [Шахматов 1941, 60]. This distinction has become the basis for the emergence of interference phenomena, which are considered in this research.

¹ <http://visnyk.academy.gov.ua/?lang=ukr&tip=dop&tipn=Page&page=68>.

The second factor, which is essential for the development of the grammatical and stylistic specificity of the language, is the tradition that manifests itself particularly in book styles, in scientific ones in particular. The decisive influence on the formation of traditions is provided by certain language trends, which find their expression in the formulation of typical phrases, language clichés, and repeated from text to text. The long period of coexistence of the two language systems, one of which (Russian) is prevalent in the scientific discourse, has led to distortions of official, business, scientific style in the direction of the Russian language. As O. Lavrinets rightly observes, “to date, the choice of active or passive constructions is carried out by scientists mainly by intuition, often guided by considerations of not just linguistic, but political, social, and culturological character” [Лаврінець 2014, 63].

The third is the socio-political factor. The article *Ukrainian Identity and Language Issue in the Russian Empire: An Attempt for State Regulation* accentuates the following: “The way for the Ukrainian language to conquer its space was complicated, the Empire considered any step in this direction as a manifestation of political separatism” [Українська ідентичність... 2016, XXXI]. Analyzing the status of the Ukrainian language at the beginning of the 20th century, the prominent linguist Yu. Shevelov correctly noted that for the Ukrainians, “the linguistic issue inevitably ceases to be merely a linguistic one, or, better to say, directly linguistic, but also becomes – and this is often the first issue, political, social and cultural” [Шевельов 1998]. Socio-political factors are reflected in the language legislation of previous periods and in the forced inculcation of the Russian language during the Soviet period, what Ivan Dzyuba thoroughly wrote about in the essay *Internationalism or Russification?* [Дзюба 2005]. Such linguistic policy has inhibited and distorted the development of the literary Ukrainian language, which resulted in the fact that the Russian language gained a high prestige.

One of the most important problems of the modern scientific and technical style, as V. Piletsky rightly points out, remains “the issue of how to preserve the national spirit of Ukrainian terminology in the context of the wide globalization processes nowadays” [Пілецький 2016, 237].

Typical false constructions (errors) and ways of their fixing

Among the typical variants of false syntactic constructions, we distinguish the following:

The first group (Table 1) of false constructions is the use of the name of a person-figure (logical subject) in the form of an instrumental case in the construction containing an impersonal form of the verb.

Table 1

The first group

Russian text	Ukrainian text	Source
“Автором проанализированы донаучные представления о среде, реализованные в мифотворчестве, средневековых утопических текстах, которые получили продолжение в современных теориях среды”	“Автором проаналізовано донаукові уявлення про середовище, що реалізовані у міфотворчості, середньовічних утопічних текстах, які отримали продовження в сучасних середовищних теоріях”	2017, no. 2

Passive participle is used in the Russian text, and it agrees with the noun in the instrumental case, which is a logical subject. The given Ukrainian construction is unacceptable because of the message logic (impersonal form at -но, -то, which transmits the impersonal meaning “someone has done”, therefore the subject (neither grammatical nor logical) can be in the message); and according to the grammatical norms of the literary Ukrainian language (verbal forms at -но, -то- are immutable, they do not have a termination that would indicate a person-figure). It is also not feasible to translate this sentence into the Ukrainian language with the help of passive participle, since it is more likely to be in the role of a definition in the sentence. Therefore, in our opinion, it would be more natural, to call a person in the form of a noun or pronoun in an ornamental case to replace the form of the nominative case and create an active structure: “Автор проаналізував донаукові уявлення про середовище...”.

Another option which suggests that we want to emphasize the action, without emphasizing who is its performer is also possible. Then you should leave the predicate in an impersonal form, removing the person from the sentence: “Проаналізовано донаукові уявлення про середовище”. The second option, in our opinion, is stylistically justifiable, although it departs from the original lexical content. The specificity of the scientific style implies the rejection of the researcher into the background, which is why in Ukrainian professional language impersonal constructions are prevailing.

The second group (Table 2) of false syntactical constructions is the use of the name of a person-figure (logical subjective) in the form of an instrumental case in a construct with a verb in a passive form and with a grammatical subject – the object of the action.

Table 2

The second group

Russian text	Ukrainian text	Source
“Авторами обосновываются теоретические основы формирования механизмов государственного регулирования рынка услуг автомобильного транспорта в регионе”	“Авторами обґрунтовуються теоретичні засади формування механізмів державного регулювання ринку послуг автомобільного транспорту в регіоні”	2016, no. 2

According to the Logical structure of the message, this model “reduces the communicative rank of the main participant of the situation – the subject of the action taken in the position of the original subject, because it is transferred to another participant of the situation – the object of the action” [Вихованець 2004, 244]. According to the grammatical rules of the Ukrainian language, such a construction is false. Since the logical subject is called the figure and should be a subject, it has become a grammatical application in the ornamental case, and the logical object towards which the action is directed and which should be in the sentence as the application and act as a substitute. Such a structure in Ukrainian can be translated only as active one: “*Автори обґрунтовують* теоретичні засади формування механізмів державного регулювання ринку послуг автомобільного транспорту в регіоні” presented as follows.

The third group (Table 3) of false constructions is the use of verbal forms -ться, -ся, at non-subjective structures. These structures are widespread in scientific texts.

Table 3

The third group

Russian text	Ukrainian text	Source
“В статье <i>анализируются</i> три группы характеристик коммуникатора”	“У статті <i>аналізуються</i> три групи характеристик комунікатора”	2015, no. 1
“ <i>Обоснована необходимость</i> создания технологии профессиональной подготовки руководящих кадров сферы управления высшим образованием и переподготовки руководящих кадров высших учебных заведений”	“ <i>Доводиться доцільність</i> розробки технології професійної підготовки керівних кадрів сфери управління вищою освітою та перепідготовки керівних кадрів вищих навчальних закладів”	2015, no. 2
“Внимание <i>уделяется</i> исследованию понятия «конфликт», начиная со времен античности до наших дней. <i>Исследуются</i> два основных направления определения конфликта: «конфликтная школа» и «школа консенсуса». <i>Определяется</i> место конфликта в процессе взаимодействия органов законодательной и исполнительной власти”	“ <i>Увага приділяється</i> дослідженню поняття «конфлікт», починаючи з часів античності до сьогодення. <i>Досліджуються</i> два основних напрями визначення конфлікту: «конфліктна школа» та «школа консенсусу». <i>Визначається місце конфлікту</i> в процесі взаємодії органів законодавчої та виконавчої влади”	2015, no. 1
“В статье <i>рассматриваются</i> миграционные процессы на современном рынке труда Украины в условиях социально-экономических угроз”	“У статті <i>розглядаються</i> міграційні процеси на сучасному ринку праці України в умовах соціально-економічних загроз”	2017, no. 2
“Особое внимание <i>уделяется</i> Украине, события в которой существенно влияют на Евразийское и мировое политическое пространство”	“Особливу увагу <i>приділяється</i> Україні, події в якій суттєво впливають на Євразійський і світовий політичний простір”	2016, no. 2

Passive constructions with an invalid verb and with a postfix *-ся* differ from the two structures considered due to the absence of a logical subject. These phrases indicate either an action which is happening or unfinished action. It is known that “in the syntactic system of the Ukrainian language, the passive structures are mentioned in contrast to other Slavic languages on the extreme periphery” [Вихованець 2004, 243]. The grammatical matches of such constructions, in accordance with the traditions of the Ukrainian language, are generalized-personal sentences (in which an unnamed person-figure is conceived as a broad, generalized circle of people). Therefore, the phrases given in our examples should be translated from Russian into one of the following structures:

– if it is a completed action, then it is worth using an impersonal form with *-но, -то*, which reflects the effectiveness:

“У статті проаналізовано три групи характеристик комунікатора”;

“Доведено доцільність розробки технології професійної підготовки керівних кадрів...”;

“Увагу приділено дослідженню поняття «конфлікт»...”.

We would like to emphasize that impersonal forms with *-но, -то*, have a rather long tradition of use in Ukrainian book-writing, they are recorded in the Ukrainian business style memos from 14th – 15th centuries [Лаврінець 2014, 61-75]. Therefore, their application is justified and the requirements of logic, accuracy of language, and compliance with the traditions of the Ukrainian book style, and, of course, the requirement of normativity.

– in the case of an action with a certain length of time or unfinished action, it is worthwhile translating the indeterminate-person construct with the verb in the first or third person in plural:

“У статті розглядаємо міграційні процеси на сучасному ринку праці України в умовах соціально-економічних загроз”;

“Досліджуємо два основні напрями визначення конфлікту...”;

“Визначаємо місце конфлікту в процесі взаємодії органів законодавчої та виконавчої влади”;

“Особливу увагу приділяють Україні, події в якій суттєво впливають на Євразійський і світовий політичний простір”.

Just a generalized-personal construct with a verb in the first person of the plural is, in our opinion, one of the stylistic features of Ukrainian scientific and technical language and is well-suited for use, in particular, in scientific work abstracts, when we express the tint of collaboration with other scholars and readers. The construction of a verb in a third person of a set in a generalized meaning, which we also recommend for widespread use, is more commonly used in the official-business style, although the scientific one often applies it.

The fourth group (Table 4) of false syntactic constructions is the use of passive participle as a predicate.

Table 4

The fourth group

Russian text	Ukrainian text	Source
“В статье <i>изложены ретроспективы</i> внедрения современных механизмов обеспечения гендерной политики в Украине”	“У статті <i>викладені ретроспективи</i> впровадження сучасних механізмів забезпечення гендерної політики в Україні”	2016, no. 2
“ <i>Статья посвящена</i> исследованию сущности публичного управления, публичного администрирования, хорошего (должного) управления”	“ <i>Стаття присвячена</i> дослідженню сутності публічного управління, публічного адміністрування, доброго врядування”	2017, no. 2
“ <i>Приоритет должен быть предоставлен</i> тем инвестиционным проектам, которые имеют большое значение для экономического развития региона”	“ <i>Приоритет має бути наданий</i> тим інвестиційним проектам, які мають важливе значення для економічного розвитку регіону”	2017, no. 2
“ <i>Особое внимание уделено</i> формированию и особенностям субъектов национального рынка”	“ <i>Окрема увага приділена</i> формуванню та особливостям суб'єктів національного ринку”	2016, no. 3

According to the morphological and syntactic specifics passive acts are intended to be used where it is necessary to note not the process, but a sign acquired as a result of the process. Therefore, we recommend the use of passive adjectives according to their direct purpose, that is, in the role of definitions, and verbal forms -но, -то, that is, in the role of a predicate, which will give expression to the accuracy and correctness. Therefore, the above phrases should be translated as follows:

“У статті *викладено ретроспективи* впровадження сучасних механізмів забезпечення гендерної політики в Україні”;

“*Статтю присвячено* дослідженню сутності публічного управління, публічного адміністрування, доброго врядування”;

“*Приоритет має бути надано* тим інвестиційним проектам, які мають важливе значення для економічного розвитку регіону”;

“*Окрему увагу приділено* формуванню та особливостям суб'єктів національного ринку”.

In general, sentences with an impersonal verb form with -но, -то can be considered active, although they do not have a subject. They focus on the completeness, effectiveness of the action, but do not take into account the performer. Ukrainian passive participles also lost their passive significance to a certain extent as they approached the syntactic role of adjectives. In the early 1950s, Yuriy Sherikh noted that the name “passive participles” “relies more on the history of language rather than on its “present state”, because they “are approaching the role of the adjective in general, the universal participle, often no longer having passive value” [Шерех 1951, 320]. We emphasize that verbal forms with -но, -то, and passive participles in the Ukrainian literary language are normative models, but there is a significant difference in their syntactic use.

In addition to the described methods for the translation of such structures, we consider also a model that combines the modal word “треба”, “можна” or “слід” with an indefinite form of the verb. Such a model can be widely used in concluding wording, for example, in sentences “*Приоритет должен быть предоставлен* тем инвестиционным проектам, которые имеют большое значение для экономического развития региона” (2017, no. 2) it should be translated “*Приоритет треба надавати* тим інвестиційним проектам, які мають важливе значення для економічного розвитку регіону”; the sentence “*Особое внимание уделено* формированию и особенностям субъектов национального рынка” (2016, no. 3) could be translated as “*Окрему увагу слід приділити* формуванню та особливостям суб’єктів національного ринку” etc.

The fifth group (Table 5) of false constructions is the combination of the subordinate sentence and the participial construction.

Table 5

The fifth group

Russian text	Ukrainian text	Source
“Права человека, закрепленные в Конституции Украины, в большинстве своем декларативные...”	“Права людини, <i>що закріплені</i> в Конституції України, є переважно декларативними...”	2015, no. 2

Such false constructions can not be justified even with the requirement of the accuracy of the translation, since the Russian original has only the participial construction. Normative translation here may be provided by either the use of a description turn (“Права людини, *закріплені* в Конституції України, є переважно декларативними...”; “*Закріплені* в Конституції України права людини є переважно декларативними”), or the use of a subordinate clause with a predicate in an impersonal form (“Права людини, *що їх закріплено* в Конституції України, є переважно декларативними”). All these options in the translation of the syntactic norm of the literary Ukrainian language are adequate, and the choice of one of them depends only on the construction of adjacent sentences, not to cause overlapping of the text with identical models.

Conclusions

Consequently, by the principle of equivalent communicative effect the translation must correctly reproduce the content of the original and also transmit the same ideas and emotions as in the original. However, the translation should not be literal and it should not allow making mistakes associated with copying the semantic or grammatical units of the original. In addition to the fact that

such mistakes indicate a low level of understanding of the target language, and lead to the clogging of the target language into non-normative elements that are unprofessional.

We believe that modern translation studies should pay special attention to the specifics of the translation of the scientific and technical text. In view of the fact that Ukrainian language was actively influenced by the Russian language for a long time, there was a tradition to translate Russian passive verbal constructs literally, with the same passive constructs.

The language of each nation is characterized by its own syntactic traditions, which are manifested in the specifics of sentences construction, the prevalence of one or the other grammatical means. The modern Ukrainian literary language, which was formed on the basis of dialects of the folk language, has a person in the center of the message. Therefore, active constructs predominate in the Ukrainian literary language, but when there is a need to focus attention on the actions, not taking into account the subject, the Ukrainian language uses constructs with predicative forms on -но, -то, that is, a specific feature of the Ukrainian syntax [1: 278-279; 27: 3].

Russian literary language is based on the main features of the Church Slavonic language and pushes the person to the background. As a result, in the Russian literary language in the scientific style passive syntactic constructions dominate and the predicate is usually expressed by verbs on -ся and short forms of participles.

We emphasize the fact that passive models depersonalise the Ukrainian language, exposing as in the role of a subjective inanimate object, which often contradicts with both the grammatical laws of the Ukrainian language and the logical principles of constructing judgments. Active structures, in turn, are characterized by stylistic neutrality, unambiguousness, which is an important feature of the scientific and technical style. In artistic language, passive structures often acquire a certain emotional and expressive tone of value that is unacceptable for a scientific and technical style.

In the translation of scientific and technical texts, we recommend to activate the original Ukrainian patterns: impersonal, unanimous sentences of various types (with the verbal form with -но, -то, with the modal words “треба”, “можна”, “слід” in combination with an indefinite form of the verb, etc.); indefinite person models in which the figure is not named, but can be perceived as a certain circle of people; generalized personal sentences expressing broad generalization, general judgments, or manifested through the form of plurality of shades of collaboration with the reader; and active constructions with different forms of verbal constructions, which transmit the dynamics of thought, and precisely and accurately reproduce the living folk language.

Bibliography

- Dzuba Ivan. 2005. *Īnternacjonalizm ĉi rusifikacijā?* In: [http:// litopys.org.ua/idzuba/dz.htm](http://litopys.org.ua/idzuba/dz.htm) [Dostup 2 I 2018] [Дзюба Иван. 2005. *Інтернаціоналізм чи русифікація?* In: [http:// litopys.org.ua/idzuba/dz.htm](http://litopys.org.ua/idzuba/dz.htm) [Доступ 2 I 2018].
- Ginzburg Mihajlo. 2008. *Sintaksiĉnì konstrukciĭ u fahovih tekstah: praktiĉnì visnovki z rekomendacij movoznavciv*. "Visnik Nacional'nogo universitetu "L'vivs'ka politehnika". Seriā "Problemi ukraĭns'koĭ terminologii". Vidp. red. Polūga L. L'viv: L'vivs'ka politehnika. Vip. 620: 26-32 [Гінзбург Михайло. 2008. *Синтаксичні конструкції у фахових текстах: практичні висновки з рекомендацій мовознавців*. "Вісник Національного університету "Львівська політехніка". Серія "Проблеми української термінології". Відп. ред. Полюга Л. Львів: Львівська політехніка. Вип. 620: 26-32].
- Gladkij M. 1928. *Sprava populārizacii naukovogo znannā*. "Žittā j Revolūciā" № 8: 144-154 [Гладкий М. 1928. *Справа популяризації наукового знання*. "Життя й Революція" № 8: 144-154].
- Gorodens'ka Katerina. 2001. *Sintaksiĉna specifiĉka ukraĭns'koĭ naukoivoi movi*. "Ukraĭns'ka terminologiā i suĉasnìst". Kĭiv: KNEU. Vip. IV: 11-14 [Городенська Катерина. 2001. *Синтаксична специфіка української наукової мови*. "Українська термінологія і сучасність". Київ: КНЕУ. Вип. IV: 11-14].
- Kun'ĉ Zorāna, Golubĭnka Nadiā. 2004. *Pasivnì diēslivnì konstrukciĭ v ukraĭns'komu naukovomu movlennì*. "Visnik Nacional'nogo universitetu "L'vivs'ka politehnika". Seriā "Problemi ukraĭns'koĭ terminologii". Vidp. red. Polūga L. L'viv: L'vivs'ka politehnika. Vip. 503: 24-27 [Куньч Зоряна, Голубінка Надія. 2004. *Пасивні дієслівні конструкції в українському науковому мовленні*. "Вісник Національного університету "Львівська політехніка". Серія "Проблеми української термінології". Відп. ред. Полюга Л. Львів: Львівська політехніка. Вип. 503: 24-27].
- Kurilo Olena. 1930. *Pro ukraĭns'kì bezpidmetovì konstrukciĭ z prisudkovimi diēprislivnikami -no, -to*. "Zbĭrnik sekciĭ gramatiki ukraĭns'koĭ movi". Kniga 1: 1-39 [Курило Олена. 1930. *Про українські безпідметові конструкції з присудковими дієприслівниками -но, -то*. "Збірник секції граматики української мови". Книга 1: 1-39].
- Lavrĭnec' Olena. 2014. *Pasivnì konstrukciĭ z diēslivami na sā v suĉasnĭj naukoivoj movi sinonimĭā ta paralelĭzm funkcionuvannā*. "Ukraĭns'ka mova" № 1: 61-75 [Лаврінець Олена. 2014. *Пасивні конструкції з дієсловами на -ся в сучасній науковій мові: синонімія та паралелізм функціонування*. "Українська мова" № 1: 61-75].
- Nerĭjvoda Nataliā. 1997. *Mova ukraĭns'koĭ naukoivo-tehniĉnoĭ literaturi (funkcional'no-stilĭstičnij aspekt)*. Kĭiv: Mižnar. fin. Agenciā [Непийвода Наталія. 1997. *Мова української науково-технічної літератури (функціонально-стилістичний аспект)*. Київ: Міжнар. фін. агенція].
- Pilec'kij Volodimir. 2016. *Diēslivnì formi ta viddiēslivnì ĭmenniki i priĉmetniki v naukoivo-tehniĉnij terminologii (problemi tvorennā ta funkciĭuvannā)*. "Problemi gumanitarnih nauk. Seriā "Filologiiā" Vip. 38: 236-249 [Пілецький Володимир. 2016. *Дієслівні форми та віддієслівні іменники і прикметники в науково-технічній термінології (проблеми творення та функціонування)* "Проблеми гуманітарних наук. Серія "Філологія" Вип. 38: 236-249].
- Šahmatov A.A. 1941. *Oĉerk sovremennoĭ russkogo ly'teraturnoĭ yazy'ka*. Moskva [Шахматов А.А. 1941. *Очерк современного русского литературного языка*. Москва].

- Ševel'ov Ūrij. 1998. *Ukraïns'ka mova v peršij polovini dvadcâtogo stolittâ (1900-1941). Stan i status*. In: [http:// movahistory.org.ua](http://movahistory.org.ua) [Dostup 10 I 2018] [Шевельов Юрий. 1998. *Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900-1941). Стан і статус*. In: [http:// movahistory.org.ua](http://movahistory.org.ua) [Доступ 10 I 2018].
- Šereh Ūrij. 1951. *Naris sučasnoï ukraïns'koï movi*. Mûnhen [Шерех Юрий. 1951. *Нарис сучасної української мови*. Мюнхен].
- Sinâvs'kij Oleksa. 1941. *Normi ukraïns'koï literaturnoi movi*. L'viv: Ukraïns'ke vidavnictvo [Синявський Олекса. 1941. *Норми української літературної мови*. Львів: Українське видавництво].
- Sulima M. 1927. *Z istorii ukraïns'koï movi*. Harkiv [Сулима М. 1927. *З історії української мови*. Харків].
- Ukraïns'ka identiĉnist' i movne pitannâ v Rosijs'kij imperii: sprobâ deržavnogo regulivannâ*. 2015. Vidp. red. Borâk G.V. Kiïv: TOV Vidavnictvo "Klio" [Українська ідентичність і мовне питання в Російській імперії: спроба державного регулювання. 2015. Відп. ред. Боряк Г.В. Київ: ТОВ Видавництво "Кліо"].
- Vihovanec' İvan, Gorodens'ka Katerina. 2004. *Teoretiĉna morfologiâ ukraïns'koï movi: Akadem. gramatika ukr. Movi*. Kiïv: Unïversitets'ke vidavnictvo "Pul'sari" [Вихованець Іван, Городенська Катерина. 2004. *Теоретична морфологія української мови: Академ. граматики укр. мови*. Київ: Університетське видавництво "Пульсари"].

Summary

FEATURES OF UKRAINIAN TRANSLATION OF PASSIVE VERBAL CONSTRUCTIONS FROM RUSSIAN LANGUAGE IN SCIENTIFIC AND SOCIO-POLITICAL TEXTS

This work describes specific morphological and syntactic features of Ukrainian scientific and technical speech in the context of the appearance of non-substantiated norms of the literary Ukrainian language of passive verbal constructions, and provides adequate methods for the translation of passive constructions from Russian into Ukrainian. The most common mistakes are found in the translation from the Russian language into Ukrainian syntactic constructions with passive verb forms, the causes for the appearance of these false constuctions are analyzed, and their inexpedient use is justified, as well as the need to use specific Ukrainian constructions when translating from Russian passive verbal constructions to the Ukrainian language.

Kontakt z Autorka:
zorjana.kunch@gmail.com

Zasady przygotowania artykułów do druku w czasopiśmie *Acta Neophilologica*

W półroczniku drukowane są artykuły naukowe (nigdzie dotąd niepublikowane) w języku angielskim, niemieckim, polskim oraz rosyjskim z zakresu językoznawstwa i glottodydaktyki oraz literaturoznawstwa i przekładoznawstwa.

Autor dostarcza sekretarzowi artykuł w wersji elektronicznej (CD, DVD) lub drogą elektroniczną na adres: acta.neophilologica@gmail.com

Redakcja kwalifikuje do recenzji materiały przygotowane zgodnie z wymogami Redakcji. Artykuł jest zakwalifikowany do druku po uzyskaniu dwóch pozytywnych recenzji.

Układ artykułu:

1. Imię i nazwisko Autora (-ów)
2. Nazwa jednostki naukowej (Instytut/Katedra, Uczelnia)
3. Tytuł artykułu
4. Słowa kluczowe w języku angielskim (maksymalnie 5)
5. Tekst główny
6. Bibliografia
7. Tytuł artykułu i streszczenie w języku angielskim (500-700 znaków ze spacjami)
8. Adres pocztowy reprezentowanej przez Autora (-ów) jednostki naukowej, adres poczty elektronicznej Autora (-ów)

Objętość artykułów łącznie z tabelami i wykresami nie powinna przekraczać 12 stron maszynopisu formatu A-4.

Preferowany edytor tekstu Word. Czcionka: Times New Roman, wielkość czcionki – 12; odstęp między wierszami – 1,5, marginesy po 25 mm.

W tekście dopuszcza się stosowanie wyróżnień, np. kursywę i pogrubienie tekstu, ale bez podkreślania wyrazów.

Tytuły cytowanych pozycji zwartych i artykułów (w tekście i bibliografii) należy podać kursywą.

Cytaty należy ująć w cudzysłów (bez kursywy), fragmenty opuszczone należy oznaczyć trzema kropkami w nawiasach okrągłych, w takich nawiasach umieszcza się wszystkie odautorskie komentarze. Dopuszczalne są komentarze w formie przypisów dolnych (czcionka 10 pkt., interlinia 1).

W półroczniku stosowany jest jeden rodzaj przypisów; przypisy zamieszczone są w tekście głównym, zgodnie z następującą konwencją:

[nazwisko rok wydania, strony], np. [Bralczyk 2007, 35]

[nazwisko rok wydania, tom, strony], np. [Куприн 1970-73, I, 339]

Autor sporządza jeden wykaz literatury (Bibliografia, Bibliografy, Bibliografie, Библиография) dla całej pracy. Kolejność pozycji bibliograficznych powinna być alfabetyczna, według nazwisk autorów lub tytułów prac zbiorowych. Redaktorów zbiorów należy oznaczyć przed nazwiskiem skróttem w języku zgodnym z publikacją (Red. Eds. Hrsg. Ред.).

Pozycje bibliograficzne zapisane cyrylicą powinny posiadać wariant transliterowany zgodny z PN-ISO 9:2000. Transliteracji dokonujemy automatycznie na stronie <https://www.ushuaia.pl/transliterate/> (należy sprawdzić, czy został wybrany system PN-ISO 9:2000). Po zapisie transliterowanym w nawiasie kwadratowym umieszczamy zapis cyrylicą.

Sposoby zapisu bibliografii

Monografie

Bralczyk Jerzy. 2007. *O języku propagandy i polityki*. Warszawa: Wydawnictwo Trio.

Kuprin Aleksandr Ivanovič. 1970-1973. *Sobranie sočinenij v devâti tomah*. Moskwa: Izdatel'stvo Hudożestvennaâ Literatura [Куприн Александр Иванович. 1970-1973. *Собрание сочинений в девяти томах*. Moskwa: Издательство Художественная Литература].

Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. Pojęcia i problemy wiedzy o kulturze. 1991. Red. Kłosowska A. Wrocław: Wiedza o Kulturze.

Tolkovoj slovar' russkogoâzyka konca XX veka. Âzykovye izmeneniâ. 1998. Red. Sklârevskaâ G.N. Sankt-Peterburg: Folio-Press [Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. 1998. Red. Скляревская Г.Н. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс].

Rozdziały w monografiach

Bartmiński Jerzy. 2001. *Język w kontekście kultury*. W: *Współczesny język polski*. Red. Bartmiński J. Lublin: Wydawnictwo UMCS: 13-22.

Artykuły w czasopismach

Korpysz Tomasz. 2010. *Słowniki języka autorów jako typ opracowań leksykograficznych*. „Poradnik Językowy” nr 4: 51-72.

Publikacje internetowe

Iomdin Boris. 2015. *Semantika ponimaniâ: leksikografičeskij portret glagola ponimat'*. V: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Iomdin.pdf> [Dostęp 14 IV 2015] [Иомдин Борис. 2015. *Семантика понимания: лексикографический портрет глагола понимать*. B: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Iomdin.pdf> [Доступ 14 IV 2015].

Kawka Maciej. *Trzy edytorstwa czy jedno? O potrzebie kształcenia wydawców książek w Akademii Pedagogicznej*. Kraków. W: <http://www.wsp.krakow.pl/konspekt/konspekt6/kawka1.html> [Dostęp 14 IV 2015].